

Хроники Нордланда

Тень
дракона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Свидрицкая Н.

18+

Наталья Свидрицкая

Хроники Нордланда: Тень дракона

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Свидрицкая Н.

Хроники Нордланда: Тень дракона / Н. Свидрицкая — «ЛитРес: Самиздат», 2020

События в Нордланде продолжают развиваться так непредсказуемо, что переобуться в прыжке успевают не все. Братья преподносят сюрприз за сюрпризом и получают то же самое в ответ. Союзники становятся врагами, враги - союзниками. Победы оборачиваются поражениями, поражения - победами. Но события в Междуречье - не самая страшная проблема Острова. В оформлении обложки использована работа автора. Обложка автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава вторая: Золото Старого Короля	28
Глава третья: Грансвиллская лилия	54
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Предисловие

Остров Нордланд – Северная земля, – находится к югу от Исландии и Гренландии, как раз под ними, но не в нашей реальности, а в альтернативной. Большинство выдуманных европейских городов, от Зурбагана до Лионеса и Маскареля, находятся именно там. Там же находится и мифический Авалон, который нордландцы зовут Анвалонем, таинственная земля, куда отправился раненый Артур. Остров этот создал и подарил своему сыну, рождённому смертной женщиной, скандинавский бог Тор, которого викинги называли так же Хлориди – потому потомки Бьёрга Чёрного зовутся Хлорингами. Супруга Тора, Сигг, ненавидела и Рёксу, мать Бьёрга, и самого Бьёрга, и сделала всё возможное, чтобы отравить им жизнь. В результате её козней Бьёрг, добравшись до своего Острова, совершил по неведению страшное кощунство, и за это Страж Острова, местное божество, проклял Бьёрга и всех его потомков, а сам исчез. Это исчезновение повлекло за собой страшные времена. Остров породил чудовищных тварей, пришли чума и смута, расколовшая единое королевство на три части. Драконы, недовольные правлением эльфийских королей, объявили эльфам войну, и эта страшная война едва не стёрла эльфов с лица земли. Карл Хлоринг, второй сын Бьёрга, сражался с драконами плечом к плечу с эльфами, и снёс голову Драге Урду, королю драконов. Король эльфов Кину Ол Таэр, его брат Тис и сестра Лара, выпив крови драконьего короля, заклили остальных драконов этой кровью, навеки закрыв их на крайнем севере Острова, в пещерах Дракенсанга, лишив их возможности покинуть свою тюрьму, рожать детей, заставив прозябать в изгнании и проклинать Драге, эльфов и Хлорингов. Казалось, что слава Карла незыблема, но проклятие Стража настигло его и братьев: его старший брат Хельг, позавидовав славе Карла, отравил его, и младший, Скульд, обожавший Карла, убил Хельга над его телом. Остров погрузился в страшную междоусобную войну, королевство Бьёрга распалось на три, враждующих между собой, чума пришла на Остров, порождающий чудовищ. И не было Стража, чтобы спасти его.

Но согласно эльфийскому пророчеству, Страж должен был вернуться на Остров потомком четырёх женщин: Белой Волчицы, Матери Единорогов, Повелительницы Бурь и Дающей Имена. Когда дары всех этих женщин объединятся в одном потомке – этот потомок и будет Стражем. Рок сулил, чтобы последней Белой Волчицей острова была Дрейдре, эльфа-оборотень, которая полюбила Карла Хлоринга и родила ему единственного сына. Так Страж оказался обречён родиться Хлорингом, проклятым самим собою.

И это произошло: на свет в свой срок появился Арне Гуннар, сын озёрной феи и Барне Хлоринга, который вместе со своим сводным братом Генрихом, ставшим впоследствии Генрихом Великим, одним из величайших королей Нордланда, снял проклятие и вернул на Остров мир и покой. С тех пор прошло триста лет. Остров забыл о войнах, смутах и эпидемиях. Три королевства, Элодис, Анвалон и Далвеган, стали тремя герцогствами, а Нордланд стал един, как при Бьёрге. Позади осталась Десятилетняя война людей и эльфов, закончившаяся подписанием Священного мира и изгнанием Кину Ол Таэр, предавшего эльфов ради смертной женщины. Почти уничтоженные драконами, эльфы залечили раны, нанесённые этой войной, и стали настолько многочисленными, что вновь задумались о возвращении своих исконных земель, когда-то отданных Хлорингам в память о подвиге Карла. Люди забыли об ужасах Десятилетней войны и начали с завистью поглядывать на эльфийское побережье, вдруг решив, что Священный Мир как-то слишком уж обременителен и несправедлив. Мир менялся. Менялся Нордланд. Менялись люди и даже эльфы. Что-то должно было произойти.

*Хочешь ли ты изменить этот мир?
Сможешь ли ты принять, как есть?
Встать, и выйти из ряда вон,
Сесть на электрический стул или трон?*

*Снова за окнами белый день, день вызывает меня на бой.
Я чувствую, закрывая глаза: весь мир идет на меня войной.*

Виктор Цой

1.

Официальная история Нордланда крайне скупа на подробности того, что происходило на Острове в то время. Зато в песнях и легендах эти события представлены на любой вкус и цвет, с любой точки зрения и с самыми невероятными подробностями и преувеличениями. Даже здесь, где я теперь живу, даже среди непосредственных участников тех событий циркулируют самые невероятные слухи и преувеличения. Как я уже упоминала, есть такие, кто стремится унижить и преуменьшить, есть те, кто, напротив, живет этим прошлым и идеализирует его. Я уже говорила, что тогда было все, и грязь была, и величие, и нет нужды повторяться. Главное – что грязь и подлость оказались бессильны, и я с тех пор непоколебимо верю в лучшее. Как бы ни было темно ночью, рассвет придет, это основа основ, на этом стоит мир. Кто, как ни я, на своем примере неоднократно убедился в этом! И в жизни любого человека есть место чуду и счастью, нужно только не отчаиваться. Сколько раз я была уверена, что теперь-то уж точно, все, все кончено, не может измениться к лучшему, все против этого, и нужно смириться?.. Но судьба моя улыбалась мне вновь и вновь. Не знаю, чем заслужила я такое неслыханное счастье, которое обрушилось на меня ныне?.. Мне сложно в него верить даже теперь, и пока я не дождусь исполнения обещанного, я, наверное, так и не смогу поверить до конца в реальность этого! Моя книга здорово помогает мне пережить ожидание и неизбежные терзания и сомнения, которые иначе, наверное, совсем измучили бы меня! Ожидание идет к концу, к концу движется и моя повесть. Мне даже маленько жаль, что большая часть пути уже пройдена... Позади уже и то, что мучило, и то, что делало счастливой. Я вновь пережила и отчаяние, и восторг, и слезы, и любовь. Утраты и обретение, надежды, разочарование и новые надежды... Почему так? Те страдания, которые в итоге окончились счастьем, вспоминать даже приятно. Чувствуешь себя какой-то особенной, любимчиком судьбы. А еще мне почему-то всегда странно было слышать от других, да и себя саму ловить на этом: с особенным смаком разумные существа вспоминают не то, чего добились упорным трудом и ценой огромных усилий, а то, в чем им повезло? Как он/она нашли золотую монетку или кольцо, как случайно избегли страшной опасности, как вовремя оказались в нужном месте и в нужное время? Ведь в этом, если вдуматься, никакой собственной заслуги нет?..

Но что это я? Не так уж и интересны мои умничанья и пространные рассуждения. Мои герои были оставлены мною в самый, наверное, сложный момент этой истории. Сейчас почти каждый из них замер перед решительным шагом. Ещё есть возможность что-то изменить, пойти не тем путём, какой был в конце концов избран. Ещё чисты руки, позже запятнанные кровью, ещё живы те, кому суждено умереть. Кто-то получил по заслугам, кого-то мне и по сей день искренне жаль, о ком-то я и сейчас тоскую с неизменной сердечной болью... Как жаль, что не дает нам жизнь второго шанса! Написав не то на одной из страниц, я бросаю ее в камин и пишу заново. Но повесть жизни своей мы пишем сразу и на белом, без черновиков. И как, порой, это жаль!..

Часть первая: Рыцари Севера

Глава первая: Афанасий Валенский.

– Ты шибко-то не расслабляйся. – Возразил на триумфальные речи Кенки его брат. – Бергстрем не дурачок, и не мямля. Ход удачный, верно. И хорошо, что девка на стороне этого Рона, просто чудо, как хорошо. Говоришь, держалась свободно, запуганной не выглядела?

– Не то слово! – Кенка вальяжно развалился в кресле, чувствуя себя если не победителем, то очень к тому близко. – Эти все так и бросились ее наперебой уговаривать, скажи, мол, что

тебя запугали, тебе угрожают, мы, мол, тебя защитим! А она – кремень! Против Хлорингов выступить отказалась, но и помощи им не обещала...

– То есть, говорила она, а Гирст поддакивал? – Нахмурился герцог. – Не очень-то это мне нравится...

Слуга, появившись, поклонился с извинениями и произнес:

– Госпожа Анастасия...

– Что – Анастасия? – Удивился Кенка. Ответить слуга не успел. Поразив и отца, и дядю до глубины души, девушка сама вошла в покои герцога. Кенка утратил дар речи. Мало того, что дочь без разрешения покинула монастырь в Лосином Углу и неведомо, как очутилась здесь, преодолев едва ли не треть Острова! Она еще и одета была в мужскую одежду, и волосы себе остригла! Герцог нахмурился сильнее, привстав из кресла, в котором сидел, как всегда, перекусывая.

– Это что такое?! – Просипел Кенка, от изумления лишившись дара речи. Глаза его, и без того слегка выпученные, выкатились из своих глазниц, словно у рака. – Кто посмел... Как... ты что... рехнулась?!!

– Рехнулась?! – Девушка была бледной, но на лице ее была написана отчаянная решимость. – Я – рехнулась?! Да, рехнулась! – И, оттолкнув слугу, внезапно бросилась к нему и замахнулась ножом.

И не смогла ударить быстро, хотела – и промедлила, решиться убить отца оказалось легче, чем сделать это на самом деле. Слуга бросился к ней, обхватил сзади руками, оттаскивая от графа. Тот сначала обмер, не веря ни одному из своих органов чувств. В его понимании, он, как отец, имел право делать со своей дочерью все, что угодно, даже, если что, и убить; но дочь, по его святой вере, обязана была чтить его и испытывать перед ним трепет. В этот миг словно небо раскололось над ним, и мир рухнул. Дочь! Его собственная дочь – бросилась на него с ножом?!

– Дьявол! – Выкрикнул он не своим голосом, вскакивая. – Ты – дьявол, не дочь! На родного отца руку... Чудовище! – Выхватил кинжал, но между ними встал герцог.

– Стоять! – Рявкнул он. – Анастейша! Что на тебя нашло?!

– Он убил Вэла! – Крикнула та, не прекращая вырываться. – Он убил моего Вэла, это он, он убил его, дядя! Я любила его, любила, любила!!! – И зарыдала, выронив нож. Кенка побагровел.

– Еще и шлюха?! Да я весь этот монастырь с землей сравняю... Чему они мою дочь научили?! Что я говорю! Ты не моя дочь, ты – дочь дьявола! В подвал, в самую темную дыру, и плетей...

– Молчать! – Вновь рявкнул герцог.

– Ты за нее заступаешься?! – Изумился Кенка. – Ты что, не видишь, что это не девушка, это отродье бесноватое...

– Я не отродье! – Выкрикнула рыдающая Анастасия. – Я любила его, и он любил меня!

– Да как он мог тебя любить, дура толстозадая?! – Вскинулся Кенка. – Ты рот свой закрой...

– Он любил меня!!! – Завопила Анастасия. – Я беременна от него!!! Мы собирались пожениться!!! А ты его убил!!!

– Не смей! – Крикнул, вне себя, Кенка. – Не смей такое говорить! Тварь неблагодарная, дура, за что ему любить тебя, ты сама себя видела, идиотка?!

Герцог, качнувшись вперед, ударил огромными кулаками о стол и издал такой рев, что примолкли и Анастасия, и ее отец. Герцог, зажмурясь и гримасничая, боролся с собой изо всех сил. Выдавил:

– Господи... есть ли... есть ли что в мире более жалкое... мерзкое... чем отец, ревнующий дочь к молодому парню?!

– При чем тут... – Открыл рот Кенка, но брат его крикнул:

– Заткнись! Анастейша! Вон отсюда! Я сам с тобой разберусь... – И, дождавшись, пока она не выйдет под конвоем того же слуги, чуть повернул голову в сторону Кенки. – Дождался?.. Дождался, Дристуи?! Я говорил тебе, что девчонку надо забирать из монастыря, еще три года назад... Ты держал ее там, чтобы без помех таскаться в вертеп свой поганый. Девка перезрела и сбесилась, и это – твоя вина! – Он ударил кулаком о стол. – Ты пацана с нею оставлял, а ты думал башкой своей озабоченной, что он – молодой пацан, а она – перезрелая девка?! Что она прыгнет на него, как только ты от монастыря отъедешь?! Теперь у тебя есть бастард Эльдебринков и озверевшая девка, но это – он повернулся и утавил в сторону Кенки толстый палец, – целиком твоя вина!

– Как хочешь, – Кенка начал приходиться в себя, – но я этого так не оставляю...

– Валяй! – Скривился герцог. – Убей и дочь, как мать убил... Но после этого – проваливай на все четыре стороны, Дристуи, и сам разгребай свое дерьмо!

– А что мне – в жопу ее поцеловать за то, что она мне выблядка нагуляла и с ножом кидалась?!

– Это не выблядок. – Герцог перевел дух. – Это Эльдебринк. Если бы ты не полез на него, как ошалевший кобель, они бы поженились.

– На хрена мне восьмой сын?!

– Заткнись!!! Теперь тебе и восемнадцатый не светит, придурок! Если только мы не обратимся к Анвалонцам, не объясним ситуацию и не предложим им новый марьяж.

– Чего?! – Опешил Кенка.

– Что слышал. – Герцог пошел, вновь уселся в кресло и жадно набросился на копченые желудки. – Пусть спасают ситуацию. Их мальчишка обесчестил твою дочь. Она носит их внука. Сыновей у них, как грязи, пусть женят одного из них на Анастасии.

– А они так и бросились родниться! – Фыркнул Кенка, не желая отказываться от мечтаний о том, как станет тестем герцога Элодисского.

– Согласен: предложение не особо выгодное. Учитывая ситуацию с мальчишкой, почти безнадежное. Но другого выхода у нас нет. Кому еще мы ее сунем с животом? Хлорингам? Забудь. Лефтеру, Бергстремам? Кюрманам?.. Идиот... Господи, какой идиот! За что мне такое у»»ще вместо брата?!

– А она, значит, будет сидеть и угорать, да?! – Возмутился Кенка. – После того, что сделала, после того, что с ножом, с ножом на родного отца...

– Посидит взаперти, остынет. Покается. – Вздохнул герцог. – Хватит. Ты уже ею распорядился, как надо. Я сам теперь ею займусь. Девка-то, – он помолчал, смакуя вино и пытаясь отдышаться и успокоиться, – не дура, и не рохля. Всю жизнь, считай, в монастыре просидела, а ведь смогла и удрать, и сюда добраться... Хоть кто-то в нашей семье, после меня, на что-то дельное способен. Только нужно дурь-то из ее головы выбить, и умные мысли ей внушить. Но займусь этим я, а не ты. Ты уже все, что мог, испоганил и испортил.

– А ты не забыл, что дочь это – моя, а не твоя?! – Кенка был так возмущен и шокирован, что решил, неслыханное дело, на открытый бунт. – Ты малолеток тискаешь и даже жениться не сподобился, а теперь...

– Молчать! – Грохнул кулаком по столу герцог. – Мои дела – это мои дела, они с твоими извращениями ничего общего не имеют! Все! Наделал делов! Хватит!!! Теперь я буду твое дерьмо разгребать! Пошел вон... – Он задохнулся, побагровел так, что даже Кенке стало страшно. Герцог замер, закрыл глаза, и Кенка вдруг так испугался цвета его лица и синих губ, что струсил, подался к нему:

– Тит... Братишка... Медикус! Где эта клизма медицинская, мать ее?!

Доктор вполне оправдал свою репутацию и свое содержание, пустив без промедления герцогу кровь, дав ему какое-то свое лекарство, велел уложить его особым образом и выхаживая его почти сутки. Герцог реально был близок к смерти, как никогда, и Доктор чувства при

этом испытывал сложные. С одной стороны – он терял могущественного покровителя, защиту от Барр. С другой – Хлоя издевалась над ним так, что Доктор света невзвидел белого благодаря ей. Он прошел за самое короткое время все стадии, что проходит взрослый, которого выбрал объектом своей травли ребенок. Если за этим ребенком стоял могущественный взрослый, и если тронуть этого ребенка было смерти подобно. Доктор пытался угрожать, потом – игнорировать, и, наконец, задабривать. Не помогало ничто. Ни попытки взывать к здравому смыслу, ни мольбы даже: «Оставь меня в покое!». Хлоя оказалась не просто коварной – она оказалась очень изобретательной и не по годам умненькой девочкой, и вдобавок, полностью подчинила своей воле младшую Дафну, которую заставляла так же измываться над Доктором, чтобы у герцога не появилось неизбежное подозрение. Доктор уже несколько раз был нещадно избит, а ведь именно побоев и боли он и боялся больше всего на свете. Но это было не самое худшее, что произошло за это время с ним. Эта перемена была такой естественной и тонкой, что он даже не сразу сам понял, что с ним происходит. Просто он вдруг перестал чувствовать вкус еды, перестал получать забвение и удовольствие от опиума. Ему постоянно хотелось есть и пить, но он не только не мог напиться или насытиться, но и вкуса еды или питья не чувствовал. Он постоянно чувствовал себя уставшим, но отдохнуть не мог, ни сон, ни покой облегчения не несли. Решив, что виной всему противная девчонка, он всерьез задумался о том, как бы избавиться от нее, но та оказалась просто дьявольски хитрой: так и заявила ему, прямо в глаза, что если он попытается подсунуть ей какое-то зелье, она обвинит его в отравлении, и тогда «папочка тебя убьет, противный вонючка!». Так что, выхаживая герцога, он в то же время не мог не думать, а не лучше ли бы... Но Кенка недвусмысленно дал ему понять, что если брат умрет, то и ему, Доктору, не жить, а Доктор был слишком труслив, чтобы рискнуть и проверить, так ли это?.. Полагая, что происходящее с ним – следствие какой-то болезни, он пока еще надеялся распознать эту болезнь и справиться с нею.

Прибыв в Валену, Гэбриэл поразился величине и красоте своего «титульного» города. Валена оказалась даже больше Гранствилла, хотя южане традиционно представляли себе этот северный порт маленьким и убогим, очень чистой и куда более просторной, чем южные города. Посреди бухты в этом месте стоял одинокий каменный остров, больше похожий на неприступную одинокую и очень узкую скалу, которая предсказуемо называлась Птичий Столб. На ее отвесных склонах гнездились тысячи северных птиц – чаек, крачек, тупиков, бакланов и прочих, и множество этого птичьего народа ринулось встречать незнакомый корабль, с криками и писком носясь над ним, пока тот входил в порт и швартовался у причала. Раненого Гарри разместили в портшезе, его сопровождали неразлучные друзья, Кирнан и Марк, вместе со школярами, всю дорогу развлекавшими Гэбриэла и остальных веселыми, а то и скабрёзными песенками. Гэбриэл, Кину и Дэн поехали впереди, и Гэбриэл, не уставая, разглядывал свой титульный город и его жителей.

Сам город карабкался на плечи горы Туманной, используя рельеф, как естественную защиту, и потому больше походил на эльфийские города, чем на человеческие, простором, отсутствием мрачных высоченных заборов и узких окон-бойниц. Каменный кремль был окружен деревянными пригородами, очень много было прекраснейшей резьбы по дереву, даже в городе, где дома были каменные, резными были наличники, ставни, двери и все, что только можно было покрыть резьбой. Кривые улочки петляли меж огромных камней, берез и елей, затмевая в сознании Гэбриэла и Блумсберри, и Гармбург, и даже Гранствилл. Гора Туманная, нависающая над городом, была так высока, что небольшое облачко зацепилось за ее каменный бок, скрывая покрытую снегом вершину, прямо над какой-то разрушенной постройкой из красного кирпича, возможно, бывшей сторожевой башней. Зная о том, что это даже еще не горы, а так, предгорья Белых гор, не самых высоких на Острове, Гэбриэл испытал смесь восхищения и недоумения: так какие же огромные те?! В его сознании горы навсегда остались сим-

волом утраченной свободы и чистоты, он до сих пор не переставал сожалеть, что не бежал тогда с фермы, побоявшись холодов. Теперь, пожалуй, даже больше, чем прежде – теперь Гэбриэл лучше понимал, чего именно лишился и что утратил, и что именно с ним сделали, и не только физически. Его душу изувечили не меньше, чем тело, и он постоянно помнил об этом. Каким бы он был сейчас, где был бы, с кем?.. Брат нашел бы его, в этом теперь Гэбриэл не сомневался. Может, чуть позже, а может, напротив, и раньше. Их ложь была бы правдой, он был бы разбойником в банде может, Кошек, а может, Птиц... Или наемником в дружине Ставра, почему нет?! «Господином горных дорог Назову тебя, – вспомнился ему голос Алисы, – кто сказал, что холоден снег? Перевал пройду и порог, перепутье, Перекресток каменных рек...». Она никогда гор не видела, но так угадала его чувства и тайные мысли, что до сей поры мурашки по коже. «Я ухожу вослед не знавшему, Что значит слово «страх»...». Я знаю страх, Алиса. Знаю.

Горожане, как сразу же отметил Гэбриэл, отличались от южан высоким ростом – на их фоне он уже не казался таким великаном, – и тем, что среди них было очень много светловолосых. Женщины вместо обыкновенных белых чепцов носили странные и красивые головные уборы, украшенные жемчугом, кружевом или бисером, пряча под ними волосы, а девушки носили повязки на голову, тоже украшенные бисером или жемчугом, выпустив одну, реже две, толстые косы. И что еще удивило Гэбриэла, так это то, что горожане отнюдь не боялись пялиться на странных пришельцев. На юге простые люди боялись лишней раз взглянуть на рыцаря или вельможу, чтобы не привлечь к себе его внимание и не огрести люлей, если тот не в духе. А местные не только откровенно глазели, но и останавливались за их спинами, чтобы подождать попугчиков и посудачить о том, кто бы это мог быть. Так же много было полукровок, и Гэбриэл отметил это с удовлетворением. Многие из них и в самом деле носили доспехи и оружие, то есть, состояли либо охранниками богатых купцов, либо дружинниками местной знати, а то и в страже. Некстати вспомнился Савва, и Гэбриэл подобрался весь при этом воспоминании. Жаль было их почти дружбы, так и осталась заноза в сердце.

Местные при виде незнакомцев не скрывали своего удивления и интереса. С виду важные, и эльфы среди них, но кто такие – не понятно. В эльфийской одежде, на эльфийском коне, Гэбриэл выглядел великолепно, вот только ничто не указывало, кто он, откуда, и, как здесь говорили, «чьих будет». Впрочем, и необычного в их появлении как будто ничего не было, Валена активно торговала с эльфами, и Фанна, да и Ол Донна частенько появлялись здесь, у них даже собственное подворье было. И удивило горожан не само по себе появление гостей, а то, что поехали они не на эльфийское подворье, а мимо, к центру города. Фохт Валены, или, как здесь говорили, городской голова, которому тут же донесли о незнакомцах, направился в городскую ратушу, чтобы встретить их честь по чести. С эльфами здесь не ссорились и дорожили торговлей с ними.

И Кину, как оказалось, здесь знали, что страшно удивило Гэбриэла. Правда, о том, что он – опальный король эльфов, валенцы понятия не имели, но о знатности рода Ол Таэр в Нордланде не знал только совсем уж идиот; что это один из эльфийских князей, известно было практически каждому.

– Здрав буди, княже. – Поклонился ему голова. – Давненько не было тебя в Валене, рады, рады несказанно. Желанный ты здесь гость, сам знаешь. Однако же, что тебя сюда привело, помощи ищешь, или по торговым делам?

– Сегодня я сопровождаю своего племянника, Гэбриэла Персиваля Хлоринга, эрла Валенского. – Ответил Кину, и голова нахмурился. Вообще-то, он сразу так и подумал. Совсем недавно Валену покинул Федор Вызимский, который много рассказывал про его высочество и его сыновей, и все хорошо помнили описание эрла Валенского: саженного роста, сероглазый, с седыми прядками в черных волосах. Сложно было предположить, и еще сложнее поверить, что таких полукровок, да еще Ол Таэр, на острове несколько. Вон, здоровенный какой, и при том

сложен прекрасно, в отличие от большинства таких же высоченных, которые либо долговязы и сутулы, либо массивны и неповоротливы.

Но и как быть, голова не мог вот так, сходу, сообразить, потому в растерянности забрал бороду в кулак. Последний Хлоринг, который посетил Валену, был его высочество, который как раз расправился с Райдегурдом и объехал все владения Хлорингов, вплоть до Длинного Фьорда. Было ему, как вот этому Гэбриэлу, года двадцать два-двадцать три, и он крепко дружен был с князем Федором Изнорским, отцом теперешнего князя Изнорского, тоже Федора. И принимали его в Валене радушно. Но с тех пор – да и до того, честно-то сказать, – Валена жила сама по себе и о князе своем, или эрле, и не вспоминала.

– Не переживай. – Полукровка глянул ему прямо в глаза своими темно-серыми, как грозовая туча, глазами. – Я не жить сюда приехал, и не порядки наводить.

– Да кто ж переживает-то? – Спохватился голова, которому стало не по себе от того, что тот вот так легко считал его мысли. – Удивили вы меня, озадачили даже. Стряслось что, что твое сиятельство вот так к нам нагрнуло, без предупреждения, без гербов, без свиты?

– Да, стряслось. – Коротко ответил Гэбриэл. – Со мной Гарольд Еннер, сын и наследник покойного эрла Фьёсангервенского, он тяжело ранен и нуждается в помощи и убежище. Так же со мной его друзья, Марк Эльдебринк, пятый сын герцога Анвалонского, и Кирнан Бергквист, сын Ардо Бергквиста. К сожалению, тоже покойного. С боем пришлось отбивать их у Верных на берегу бухты и от погони уходить.

Голова сделал незаметный знак замершим у двери слугам, и один из них тихонько скользнул за дверь. Через пару минут по дороге, ведущей к замку «Светлый яр», на скалу над бухтой, верхом на неоседланной лошади уже мчался парнишка, изо всех сил наподдавая своему скакуну пятками – сообщить управляющему о высоких гостях и приготовить хоть как-то замок к их прибытию.

– Что ж вы сразу-то не сказали... Радость-то какая, все считают парнишку погибшим. – Засуетился голова. – Конечно, примем, честь по чести, и не выдадим никогда псам паскудника этого, Корнелия. Эрл Еннер, царство ему небесное, хороший был человек и рыцарь истинный, вот уж скорбная была весть о его смерти, и о том, что с семьей его приключилось... И дюка Анвалонского здесь очень уважают, да и сына его знают, он большой любитель путешествовать, бывал здесь не один раз. Что ж это я? Сам, сам провожу вас в «Светлый яр».

Всю дорогу голова уговаривал не спешить, не «тревожить молодого человека», и старался отвлечь Гэбриэла, показывая ему Валену. Гэбриэл догадывался о причинах такой задержки и делал вид, что не понимает их. В Светлом Яре к их прибытию едва успели навести достойный визита хозяина порядок, вывесить его гербы и штандарты, за версту видно: новехонькие, со сгибами от долгого хранения. Управляющий Устин, его жена Лада, трое сыновей, от пятнадцати до восьми лет, и челядь, как водится, выстроилась во дворе замка, чтобы приветствовать господина. Все раскрасневшиеся, запыхавшиеся. Носились, – подумал Гэбриэл, – по замку со всех ног, лишнее прятали, нужное вывешивали. Висит так себе, все коробится и топорщится. Даже голова, глянув на штандарты, чуть покраснел. А те уже прилепили на лица радостные улыбки, кланяются. Голова представил Устина и «хозяйку его», Гэбриэл глянул многозначительно на ближайший штандарт, усмехнулся. Лада покраснела куда сильнее и заметнее, чем голова, опустила глаза на камни двора. Высокая женщина, статная. Ростом, пожалуй, с Марию, тоже очень высокую, но Мария гибкая и изящная, а эта крепкая, как хороший боевой конь. «С нею брат, пожалуй, закрутить бы не захотел. – Некстати подумалось Гэбриэлу. – Хотя...».

– Новые вот... – Устин тоже перехватил его взгляд, и тоже смутился, – вывесили... старые поистрепались совсем.

Гэбриэл хмыкнул весело и перебил его новые извинения:

– Со мной раненый, позаботьтесь, это наследник эрла Фьёсангервенского. – И размашисто пошел к двойным высоким дверям.

– Баньку не желаете ли...

– Желаю! – Тут же откликнулся Гэбриэл. – Русскую, с веником?

Как оказалось к удивлению Гэбриэла, ни Марк, ни Кирнан в русской бане не были. Марк признался смущенно, что слышал о ней всякие ужасы, что там, вроде, так жарко, что «сало вытапливается», да еще вениками хлещут очень больно.

– Ты на себя-то взгляни! – Хмыкнул Гэбриэл. – Какое сало?! Тощий, как солонина сушеная. Я раз всего с руссами в их бане побывал, и с тех пор только и мечтаю, чтобы еще там оказаться. Внутри там ад, что есть, то есть. Но как выйдешь, чувство такое, словно заново родился. Там с тебя так грязь смывает, что пот, и тот, как вода, безвкусный становится, и чистый, как слеза. И легко так, что взлететь охота. Никакое мыло, даже византийское, и никакая бадья тебе такой чистоты не даст. Впрочем, как хотите. А я от такого удовольствия нипочем не откажусь!

– Я тоже. – Удивил всех эльф. – И пойдем мы вдвоем. Я умею пользоваться веником.

Вот тут Гэбриэл взглянул на Кину с благодарностью. Соглашаясь на баню, он не мог не думать о своих шрамах, и заранее злился и нервничал по этому поводу. Народ здесь простой, и через полчаса о нем и его теле будет судачить весь город. Кину просто-напросто его спас.

После бани Гэбриэл, одетый в свежую белую рубашку навыпуск, пахнущую вербеной, и чистые узкие эльфийские штаны, прошел к себе. В его покоях уже прибрали, проветрили, наставили для красоты и аромата охапки полевых цветов. В целом все было почти так же, как и в остальных нордландских замках. Мебель, огромная постель под балдахин, камин, в котором Гэбриэл мог не только стоять, но и прохаживаться взад-вперед, массивные шкафы, комоды и сундуки, покрытые местной кружевной резьбой, ковры, шкуры зверей, головы зверей: оленьей, лосей, медведей, рысей, и волка...

– Волка уберите. – Сказал Гэбриэл, обращаясь к Ладе, сопровождавшей его. – И чтобы во всем замке ни голов, ни шкур, не было. Вам никогда никто не говорил, что мы, Хлоринги, на волков не охотимся?

– Простите, ваше сиятельство. – Вновь покраснела Лада. – Так давно здесь никого из хозяев не было, лет, почитай, семьдесят, как никто из Хлорингов здесь не жил... Мы как-то привыкли...

– Я тоже жить здесь вряд ли буду. – Усмехнулся Гэбриэл. – Потому не выкидывайте, просто припрячьте. А в целом ничего здесь, хорошо. Уютно. Пахнет вкусно. А что на окнах сетки какие-то?

– Так это кисея, от гнуса. – Охотно ответила польщенная похвалой Лада.

– От кого? – Удивился Гэбриэл еще больше. Там, где жила Алиса, никогда не было ни комаров, ни мошки, ни другой надоедливой дрянью; в Междуречье комары так же имелись в крайне малом количестве, и в месте обитания озерной феи их не было тоже.

– От гнуса! – Повторила Лада. – Сейчас жара, его нету, он зноя боится; а как вечерять станет, налетит! У вас над постелью, вот, посмотрите, кисея, накроется, он вас и не побеспокоит. – Замерла, переплетая пальцы, и вдруг, словно решившись, спросила:

– А верно ли, что вы, ваше сиятельство, дракона убили?..

– Верно.

– А я видела дракона. – Вновь краснея, призналась Лада. – На зорьке на утренней вышла, а он далеко-далеко над морем кружит. Думала, птица какая, диковинная, а потом смотрю, и аж сердце зашло. Огромный, черный, красивый – страсть... Кружит эдак, – она почувствовала живой интерес Гэбриэла, оживилась сама, – словно примеривается, а потом раз – и выхватил из моря рыбишшу здоровенную, акулу, а может, и касатку – далеко, она бьется, сверкает на солнце. Так он с нею и улетел.

– Так они здесь летают? – Гэбриэлу вдруг страстно захотелось тоже увидеть дракона. Да, Кину говорил о них с ненавистью. Да, Лодо рассказывал, что драконы требуют их смерти. Да, он видел последствия драконьего огня. Но интерес был, и весьма сильный.

– Редко. – Махнула рукой Лада. – Люди говорят, эльфы их заклинали, они вреда-то здесь причинить никому не могут. А выходит, могут? Страшно!

– Нет. Эльфы не врут. – Сказал Гэбриэл. – То драконище, которое я завалил, оно не такое, как настоящие драконы. Оно черной магией создано, там, на юге у нас. И с виду отвратное.

– Спасибо вам! – Очнулась и поклонилась Лада. – Просим вас и господина Кину к столу, все готово, только вас ждем, откушайте, чем Бог послал.

– Сейчас придем. – Махнул рукой Гэбриэл, и женщина исчезла за двойной резной дверью. Острый слух полуэльфа уловил восторженное:

– А статен-то, елки-палки! – И внутренне приосанился. Не в его вкусе женщина, и в годах... А все равно приятно!

Кину, вернувшись через пару минут после ее ухода, сообщил, что Гарри Еннеру лучше, он устроен со всеми удобствами и благодарит его за помощь. Эльф принес Гэбриэлу новый эльфийский камзол, сказал, пока тот переодевался:

– Это хорошо, что ты ничего не стал говорить про брата и ополчение. Отказать прямо они тебе не откажут, но устроят провоочки, растянут на месяц, а то и дольше.

– Что предлагаешь? – Сухо спросил Гэбриэл. – Ты же знаешь, времени у нас нет!

– Нанять людей. Здесь это легко.

– А местный банк денег мне даст?.. Или, как в Сае, выделяться начнет?!

– Я знаю, где взять денег. – Сказал Кину. – Не думай об этом. Золото – не проблема.

Вдвоем они спустились в трапезную. К ним присоединились Марк, Кирнан, Дэн, городской голова и молодой, не старше тридцати, светловолосый воин, с серьгой в ухе, с насмешливыми серыми глазами вприщур и с короткой модной бородкой. Голова представил его, как князя Ратмира, младшего сына князя Холмогорского.

– Наемник? – Поинтересовался Гэбриэл. Тот кивнул.

– Сколько людей у тебя?

– Три сотни копий. – Ответил тот, глянул на Гэбриэла с новым интересом. – И если понадобится, сотни две еще найду.

– Копье – это всадник, оруженосец и воин с копьем?

– Верно, княже.

– Быстро найдешь?

– А когда нужно?

– Вчера. Я еще одного наемника знаю, Ставра – слышал про такого?

– Слышал, знаю. Он в Сарыни сейчас, у местного князя.

– Мне еще люди нужны. – Сказал Гэбриэл. – Ладно, об этом после поговорим.

После чего разговор за столом потек по обычному руслу: у гостей интересовались, как дела на юге, в Гранствилле, как здоровье его высочества, не просватана ли еще племянница ее величества?

– Из всех пока только я женюсь. – Признался Гэбриэл, поглощая нечто божественно-вкусное. Не сдержался, обратился к Ладе:

– Это что я такое ем?

– Галантин из хека. – Охотно ответила она. И пояснила, догадавшись, что Гэбриэл понял только слово «из»:

– Хек – это рыба такая. А галантин, он готовится несколько дней... Вот такое блюдо получается.

– Это просто... – Из Гэбриэла так и лезли неприличные слова, вроде «охренеть» и тому подобное, и он помедлил, выбирая подходящее, – просто слов нет! – Вышел из положения. – Я такого даже в Хефлинуэлле не ел!

– Вы вот еще отведайте. – Лада сделала знак, и слуга подал Гэбриэлу блюдо со странным пирогом, из тонких слоев теста, проложенных мелко порубленным мясом, тушеными овощами, сметаной и чем-то еще, нереально-вкусным. – Это блинник. Блины с начинкою.

– М-м-м... – Гэбриэл прикрыл глаза. – Я все попробую. А если лопну, напишите на могиле: «Умер от счастья!».

Его искреннее наслаждение местной кухней как-то окончательно стерло следы настороженности и скованности, все присутствующие за столом оживились. Голова почтительно поинтересовался, кем будет невеста Гэбриэла, и тот охотно ответил:

– Алиса Манфред, из Трехозерок. Это в Пустошах, на самом юге. Род древний, но бедный, она бесприданница, сирота. Я не за приданым гнался. Она сама по себе сокровище. Теперь она графиня Июсская, у нас свадьба восьмого августа. Всех приглашаю!

У него попросили описания невесты, и он, чуть смущаясь, описал ее, как маленькую, изящную, как эльфийская куколка, с вишневыми глазами и рыжими кудрями.

– Маленькие, они сердитенькие. – Усмехнулся голова. – У княжича Холмогорского молодая жена из таких. Ух, крепко она его держит! – Он сжал кулак, и русские за столом заухмылялись, согласно кивая. – Он против нее шагу ступить не смеет.

– Алиса... да. – Кашлянув и опять смутившись, согласился и Гэбриэл, и все засмеялись, разговор за столом стал совсем непринужденным. Не желая говорить сейчас про брата и Кальтенштайн, Гэбриэл спросил про Ивеллон, и на него обрушилась прямо-таки лавина информации. Синие Горы, Дебри и Длинный Фьорд, уходивший в неприступные ущелья, делал Ивеллон недостижимым с суши.

– Может, – говорил Устин, – какие тропы эльфийские через перевалы и есть, но то земли Фанна, а людям ходу туда нет. Фанна не такие боевые, как ваши родичи, Ол Донна, но колдуны сильные, в их земли не проникнешь, мороки оплетут, так путь завяжут, что не выберешься. Да и помимо Фанна там столько разных чуд лесных водится, что лучше от греха и не знать про них, и не лезть к ним. Вот и получается, что путь в Ивеллон один: по морю. Дальше Безымянной бухты-то там никто не ходит, драконов боятся, там этот их Дракенсанг прям рукой подать, а до Безымянной в начале лета многие рискуют, добираются, больно богато там рыбы и зверя морского. А уж красиво там! Я ходил по молодости, и, скажу тебе, княже, красота там несказанная. Прям душу из груди вынимает и наружу выворачивает! Скалы могучие, фьорды дивные, водопады белопенные, птицы невиданные... А у входа в фьорд из Безымянной истуканы стоят, вот ей-Богу, не вру: такие, что корабль меньше его сапога. Стоят два, кажись, эльфы, на мечи опираются, один голову склонил, другой поднял и на море смотрит, вдаль. Мы хотели в фьорд войти, посмотреть, но мимо пройти не решились. Страшно стало. Словно тот, наклонившись который, прямо на нас смотрит, и безмолвно так вопрошает: кто такие, зачем здесь? И вот прямо в голове отпечаталось, не голос вроде, и не приказ, а не понять, что, но ясное: не надо вам туда.

– Б-р-р! – Содрогнулась Лада, стряхивая странное очарование. Гэбриэл слушал бы и слушал, вечность, представляя себе все это так ясно, так живо!

– Там только скалы? – Спросил он жадно.

– С моря только скалы видно. – Кивнул Устин. – Но иные говорят, что земля там хорошая. Скалы ее от ветров и морозов защищают, источники горячие, опять же, есть. Цветов видимо-невидимо, целые поля цветущие, лаванда, ирисы, вереск, ромашки... – Лада вздохнула, подлила Гэбриэлу вишневой медовухи. – Озера, реки рыбные. Коли бы не Орда, так жить бы там и не тужить!

– Это верно. – Подтвердил Ратмир. – Наши князья не первый год наемников собирают, из-за моря выкупают, чтобы Орду воевать, но все бестолку. Одну изведешь, а уже другая прет. Источник надо найти и известить, но невозможно это. Почему, никто не понял еще. Разведчики ходили, и хитро ходили, и по скалам, и в обход, и все сгинули, ни один не вернулся.

– И не вернется. – Заметил Кину. – Суо-ап-Мера, или, по-вашему, духожаба, тем и страшна, что заражает все вокруг себя зарядом чистой смертельной злобы. Его не обойти и не обмануть. И не обхитрить.

– Да, – кивнул голова, – баял наемни Федор про духожабу-то эту. Долго они с Ратмиром новость эту обсуждали, только ничего умного не придумали. По-ихнему выходит, что зимой надо жабу-то эту душисть, мол, зимой нет силы ни у кого...

– Неправда. – Вновь возразил эльф. – Зимой она особенно сильна. Ночи длинные, природа спит. Суо-ап-Мера не встречает даже естественного сопротивления жизни, что происходит летом. Но это бесполезно. Ее все равно вам не одолеть.

– А эльфы смогут? – Приподнял, как Гарет, левую бровь Ратмир.

– Нет. – Был ответ. – Это по силам только Стражу. Эта Мера слишком стара, велика и сильна.

– Ну, а, к примеру, – подумав, спросила Лада вдруг, – нам-то она не угрожает? Али еще вырастет, и того...

– Есть такая опасность. – Подтвердил Кину, и вот теперь над столом повисла гробовая тишина. Стало слышно, как чавкают и ворчат друг на друга кошки, которые каким-то своим непостижимым кошачьим чутьем угадали появление самого большого любителя кошек в мире и собрались подле Гэбриэла, слоняясь вокруг его ног, вытирая о них щеки и пушистые бока, и получая от него подачки в виде весьма лакомых кусочков.

– Но это будет еще не скоро. – Поспешил успокоить всех эльф. – Наверное.

Ужин после этого как-то быстро пришел к своему логическому завершению, и Ратмир и Гэбриэл задержались на высоком внутреннем крыльце. С него открывался вид на бухту и скалы, золотые в свете вечернего солнца, в белых венцах пены. Море было глубокого сине-зеленого цвета, бесподобно-красивого на взгляд Гэбриэла. Ратмир облокотился о перила напротив Гэбриэла, сделавшего точно так же.

– Значит, в Кальтенштайн люди тебе нужны, княже?

– Знаешь?

– Все знают. – Усмехнулся Ратмир. – Мы с эльфами крепко дружим, от них новости первее иных узнаем.

– И что скажешь?

– Я наемник. За хорошую плату я хоть на Элиот штурмом пойду, если, конечно, силенок достанет и ватага соберется подходящая.

– Как думаешь, сколько людей нужно?

– Тысячи две, самое малое.

– И где взять? Быстро?

– Быстро?.. Трудно это. – Ратмир сделал гримасу, рассуждая. – Твои вассалы отказать тебе не смогут, а вот время протянуть – легко. Я тебе вот что посоветую... – Он выпрямился. – К Афанасию Валенскому обратись.

– А он кто?

– Отшельник. Святой человек.

– Он что, мне людей даст? – нахмурился Гэбриэл.

– Он тебе весь Русский Север преподнесет на блюдечке фарфоровом, ежели благословит тебя. – Без усмешки сказал Ратмир. – Сила в нем великая, верят в него люди крепко. К нему даже католики из Анвалона и Междуречья приходят за помощью и благословением, сам эрл Фьёсангервенский к нему ездил за советом и ободрением.

– И где его искать? – Спросил Гэбриэл, покусывая губу.

– А чего его искать? – Пожал плечом Ратмир. – Андрюха, старший сын Устинов, ответит тебя, тут рядом. Только на гору подняться. Только учти, ни купить, ни застращать его не получится. Либо ты ему понравишься, либо нет. Тут как Бог даст.

Гэбриэл подумал. Неудачно... Сотня есть у него. Тысячу двести обещал Ратмир. Рискнуть?..

– Я пойду. – Сказал он, опуская на каменные плиты урчащую на его руках трехцветную кошку. – Ради брата я дракона в поле лопатой забью, зайца зубами поймаю. Надо будет, один на сраных корнелитов этих отправлюсь. Афанасий, так Афанасий. Я, так-то, нравиться не умею, но рискну. Спасибо за совет.

Уверенный, что спасает Клэр и жертвует ради ее спасения своей жизнью, которая теперь будет посвящена ей, Иво о самой Клэр как-то не задумывался. Нет, он пытался с нею поговорить, заботился о том, чтобы она ела, рад был, совершенно искренне рад, что она так прикипела к коту Франтику. Стоило как-то девушке приоткрыть корзину, и кот мгновенно просочился наружу и ловко взобрался ей на грудь, обняв за шею, пристроив голову на ее плече и замурлыкав. Это девушку и тронуло, и обрадовало. Кот был такой мягкий, приятный наощупь, такой ласковый! С этого мгновения они не разлучались ни на минуту, и так и прибыли в Гранствилл. В Блумсберри, с помощью Марты, Клэр принарядили. Правда, девушка была такая тоненькая, что новое и дорогое платье сидело на ней мешком, но пока что никто не придавал этому значения. Иво знал, что Клэр и Мария были из одного Привоза и прекрасно знали друг дружку; он даже понимал, что Мария скорее успокоит ее и поможет освоиться и ожить. Но он боялся, и не без оснований, что Мария помешает исполнению его великого плана, будет против его брака с Клэр. Он считал девушку своей собственностью. Как иные, подобрав щенка или котенка, несут его домой, с радостью предвкушая, как будут заботиться о нем, и как он в ответ будет их любить, так и Иво вез эту девушку в Хефлинуэлл, мало помышляя о том, каково будет ей в новых для себя условиях, среди новых для себя людей. Привыкнет. – Думал он. – А потом и сама поймет, насколько ей с ним хорошо. В мечтах он уже купил им дом, уже зажил своей семьей. С некоторым злорадством размышляя о том, как шокирован будет Гэйб, Иво думал и о том, что будет с Габи. И не мог не испытывать некоторое мстительное и одновременно горькое чувство, думая о том, что испытает ОНА.

Алиса была шокирована первой, когда Иво заявился к ней в сад, ведя хрупкую темно-волосую девочку с котом на руках. Едва взглянув на нее, феечка почему-то сразу вспомнила Сады Мечты, и насторожилась. Алиса не любила и не хотела вспоминать Красную Скалу и все, что с нею там произошло, кроме того, что было у нее там с Гэбриэлом. Его любовь и защиту она не могла бы забыть ни за что на свете, но остальное – нет! Выйдя им навстречу со своей свитой, Алиса замерла в недоумении, и девушки ее свиты замерли тоже.

– Леди Алиса, – Иво был решителен и бледен, – дамы. Разрешите вам представить мою невесту, Клэр.

– Невесту?.. – Алиса широко распахнула и без того большие глаза, а девушки, кое-кто из которых был равнодушен к чарам красавчика-Фанна, издали чуть слышное: «Ах!», – легким ветерком пролетевшее по саду.

– Клэр, – Иво подвел девушку к скамейке, – сядь здесь. Я сейчас вернусь. – И девушка послушно, не поднимая глаз, села, поглаживая кота, смиренно прильнувшего к ее груди и тихонько мурлыкающего ей в ухо какие-то утешительные песенки. Она была так дурно одета, и так скромно и некрасиво причесана, что девушки, Аврора, Юна, Вирсавия, Дженни и несколько других, отличавшихся, как и их госпожа, отменным вкусом и некоторым щегольством своих нарядов, созерцали неожиданную соперницу с недоумением и осуждением.

– Алиса, можно тебя на пару слов? – Попросил Иво, и Алиса увлекла его к ульям, в тот уголок своего сада, куда никто, кроме нее, не смел и носа сунуть, и где они были надежно защищены от чужих ушей. Девушки зашептались промеж собой, поглядывая на неподвижную Клэр, о том, как плохо она одета, и какие дурные и странные у нее манеры, и «кто она вообще такая?!».

– Он таких любит, мы все знаем... – Прошептала Юна, когда Аврора пренебрежительно заявила, что девушка «тощая, как доска».

– Но не настолько же! – Фыркнула статная Аврора.

– Она миленькая. – Возразила добрая Мина. – И несчастная. Возможно, у нее горе, она ведь полукровка, а мы же знаем, какая страшная у них бывает жизнь.

– Ты права. – Смягчилась Аврора. – В конце концов, одежда – не главное. На личико она очень красивая, и волосы у нее, – тут Аврора не без тщеславного удовольствия поправила свою косу, – не дурны... Мы могли бы ей помочь.

– О, вот увидишь, для того он и привел ее сюда, чтобы Алисочка ее одела и научила держаться. – Многозначительно кивнула Юна, и у Вирсавии, да и у Дженни тоже, и кое у кого еще, упало сердце.

– Иво! – Алиса всплеснула руками. – Что это значит?! Невеста?!

– Да, это моя невеста. Она с Красной Скалы...

– Я догадалась. – Алиса переплела пальчики стиснутых рук. – Я все понимаю, но ты решил все так... неожиданно!

– Это мой долг и мой крест. – Сказал Иво. – Я должен взять это на себя. Она... ты сама ее видишь. Она не разговаривает и не делает ничего, кроме того, что ей скажешь. Я велел ей сесть, и она так и будет сидеть, понимаешь?! День, два, три... И я не знаю, что с нею делать, как ее расшевелить!

– Она вообще... Нормальная? – Усомнилась Алиса.

– Я тоже сомневался. Но кот этот появился, и я понял, что она просто... просто вот так ушла в себя, понимаешь? Чтобы не сознавать всего того, что...

– Я знаю. – Быстро перебила его Алиса. Она не хотела развивать эту тему, и ей все сильнее казалось, что Иво делает что-то не то. Пока она искала слова, чтобы объяснить ему свои ощущения, он сбивчиво продолжал:

– Гэйб велел мне жениться, но я же... ты же знаешь, что я... в общем, мне все равно, а Клэр – она идеальный вариант, понимаешь? Я для нее – тоже идеальный вариант. Я все про нее знаю, не осуждаю и понимаю ее, смогу ее защитить.

– Ты уверен, что ты ее понимаешь? – Спросила Алиса задумчиво. – Ты знаешь, что ей *нужно*?

– Забота и защита. – Тут же убежденно ответил Иво. – И Гэйб поддержал бы меня, если бы знал.

– Ты не хочешь ему написать?

– Я написал. Отправил в Гармбург, не знаю, там ли он, но в Гармбурге он все равно будет и письмо мое получит.

– Его решения ты подождать не хочешь?

– Нет. Я уже все решил сам. Он мне друг, а не хозяин, он сам так говорит.

– Верно. – Алиса вздохнула. – Чего ты ждешь от меня? Я все время на виду, со мною мои девушки, служанки, Тильда, портнихи, ювелиры. Я готовлюсь к *свадьбе*, ты не забыл? Я не могу стать ее няней, у меня *столько* дел! Еще благотворительность, и слава Богу, что нет *гостей* из-за траура! Но на обед все равно приезжают господа из Малого Города и Разъезжего.

– Я понимаю...

– Нет, не понимаешь! Если она такая, как ты говоришь, с ней все время кто-то *должен* быть. Я даже не знаю... Нужно приставить к ней служанку, но *такую*, чтобы не болтала и не сплетничала. Не отдам же я ей Розу, я без нее пропаду сразу же!.. Погоди... я попробую попросить Мину. Она очень *добрая*. Но ей придется кое-что рассказать о Клэр. Мина не сплетница и не болтушка, и *кое-что* ей доверить можно, я думаю.

– Алиса, – Иво забрал ее руки в свои и поцеловал, – ты чудо! Я обожаю тебя. Гэйб оставил мне письмо для Райя, насчет денег...

– Ах, пустяки! Я все сама сделаю. Ее нужно одеть, причесать и привести в достойный вид... Мы сейчас же этим займемся. И Иво... – Она пристально глянула ему в глаза. – Как мы ее представим? Кто она, откуда?

Иво чуть покраснел. Он подумал о том, что слава о Клэр определенная уже пошла по округе благодаря беженцам из Пустошей. И стоит, наверное, Алисе об этом рассказать. Но может, и нет? Иво смалодушничал, решил ничего не говорить, подумав, что где Хефлинуэлл, и где простые крестьяне с их сплетнями?.. Ох, недооценил он своей популярности и взрыва ревности и негодования, который вызвал среди его поклонниц всех сословий и возрастов слух о его женитьбе!

– Я не граф. – Сказал он, поколебавшись. – Я могу и на служанке жениться. Скажем, что она была служанкой в богатом доме, в Элиоте.

– А она крещеная? – Подозрительно глянула на него Алиса. – Ты ведь знаешь, что Эдикт предписывает некрещеных полукровок держать с животными или в каком-нибудь *чулане*, но не в доме, и тем более, не в замке!

– У тебя ведь есть летний павильончик. – Умоляюще произнес Иво. – Пусть она там поселится, сейчас тепло, ей будет там хорошо. А потом мы с отцом Марком ее окрестим. Он мне не откажет, я знаю... А если и откажет, поможет Гэйб.

– Ах, Иво! – Всплеснула руками Алиса, поджала губки, всем своим видом выражая невысказанное: как сильно он ее озадачил и сколько она уже сейчас предвидит проблем, связанных с этой девушкой!

Сводный брат пропавшего графа Кемского, Август Фокс, уже который день проклинал и самого графа, и его несвоевременное и загадочное исчезновение. Отыскать графа или его след уже которую неделю никто не мог. Сам Август тоже был гостем Красной Скалы, и, в отличие от остальных поисковиков, знал, когда того там видели живым и здоровым в последний раз. От этого момента и плясал, не подозревая, что то был уже не граф, а играющий его роль ассасин, а сам граф на тот момент был уже несколько часов, как мертв, и тело его съела негашеная известь практически без остатка. Неизбежно появились подозрения: не в недрах ли Красной Скалы сгинул сводный братец?.. И хрен бы с ним, Август всегда его терпеть не мог. Но определенность требовалась в вопросах наследства и опеки над малолетней дочерью графа, плодом династического брака с полоумной графиней Кларой Лефтер, которая после родов окончательно сошла с ума и теперь содержалась под замком и присмотром одной надзирательницы и двух сторожей, замазывая зачем-то собственным дерьмом окна и постоянно пытаясь что-то поджечь. Тот еще подарочек, а по-тихому не избавишься: Лефтеры род не особо богатый, но в родстве со всеми тремя королевскими родами Острова, три Лефтера и вовсе были королями и королевой Нордланда во времена оны, а значит, эта чокнутая чувырла – королевских, мать ее, кровей. Все Лефтеры, через одного, рождались с прибабахом, в каждом поколении имелись сумасшедшие, но об этом в приличном нордландском обществе даже упоминать было не принято. И вот сидит эта дура, гыгычет, слюни по подбородку текут, дерьмом воняет, а тронуть ее, суку, не моги, ибо – королевская кровь!

И дочечка от мамочки не далеко ушла. Семь лет, а до сих пор в постель ссытся и даже до пяти считать никак не научится. Но тоже почти принцесса, да еще, если папаша не отыщется и не заделает мальчишку-наследника, кандидатка в мужья будущему графу Кемскому. Вот счастье-то кому-то привалит! Август брезгливо скривился, подумав о невестке и племяннице. Будет только справедливо, если он за время опекунства поправит свои дела... А потом сбавит счастливому молодожену эти два сокровища, и свалит в Константинополь, где можно будет жить на собственной вилле, под сенью виноградной лозы, любоваться синими волнами *теплого* моря, попивая молодое вино и забыв Нордланд, как страшный сон. Но, чтобы полу-

чить полноценное опекуновство и доступ к закромам, нужно определиться с судьбой графа. А то тот выехал за ворота Найнпорта, и больше его никто, нигде, не видел.

– И куда же он делся? – Язвительно вопрошал он у своего агента. – Испарился на жаре? Превратился в воробышка, насрал на голову лошади своей и улетел, чирикавая? Или в преисподнюю сверзился, своими грехами угнетенный?.. Если испарился, где одежда? Если в воробышка, то где лошадь с какашками на голове? Если провалился, где дыра?

– Мимо корчмы он не проезжал, значит...

– Значит, куда-то свернул до корчмы. Куда?

– Нашел я там в лесу брод и тропку в бывшую деревеньку, Гремячее. Но деревню давно спалили. Там кто-то жил, и не так давно, но следов их сиятельства нет никаких. Собаке давали его вещи нюхать, она никаких следов не нашла. Мы подпол обшарили, искали, не рыли ли где, не прикопали ли тело. Ничего.

– Другие тропы из деревни?

– В несколько других деревень. Там тоже никто графа не видел. И никого, похожего на графа хоть чуть-чуть. Мы даже допустили, что он мог переодеться женщиной, или сам, или по принуждению, но и тут ничего.

– Значит, кто-то лжет! – Разозлился Август. Как и его сводный брат, он был белокурый, стройный, почти тощим, с правильными и тонкими чертами лица, слегка женоподобным – у них была общая мать, и именно на нее они оказались похожи. У него были изящные руки и маленькие ноги, но в остальном он не дотягивал до красавца – брата. Был более блеклым, менее харизматичным и, благодаря вечно недовольному выражению лица и опущенным углам рта, слишком тонкого и бледного, казался непривлекательным. Сам он, правда, этого не видел, так как, глядясь в зеркало, всегда придавал своему лицу приятное и немного лукавое выражение, которое (как ему казалось) ему очень шло. Злясь, он начинал ломать пальцы, и их похрустывание немного его успокаивало, а вот других раздражало. Глядя на эти пальцы, его агент Роб Вышка осторожно произнес:

– Сударь... – И примолк. Август в раздражении повернулся к нему:

– Ну?! Говори, что примолк?!

– В последнее время поговаривают о дерзких убийствах... В Сандвикене, в Найнпорте и даже Элиоте... Говорят, что убитые – те, кто посещал некую Барр и те, кто неосторожно высказался о Хлорингах.

Август резко отвернулся, зажмурившись и прикусив губу. Вот оно! Вот то, что он уже некоторое время подспудно ждал и боялся услышать. Хлоринги! Он, конечно, был не в курсе – членом Братства Красной Скалы он не был, – но, когда Гор сбежал, граф был в таком ужасе, в такой панике, что кое – о чем проговорился, а остальное Август додумал, сопоставляя, сам. И еще тогда стало жутко на сердце: Господи, ну и идиоты! Похитили принца крови, надругались над ним, и оставили в живых! И теперь малой кровью никто не отделается, в это Август верил, как в «Отче наш». То, что Хлоринги сейчас в Междуречье, ничего не значит – они там, а их агенты здесь. Или, что еще хуже – не агенты все это делают, а их родственнички-эльфы. А это значит, что даже убей сейчас Хлорингов, это не спасет их убийц. Эльфы не простят, они не прощают никогда, никому и ничего. Значит, братец попал под раздачу одним из первых. Что тут удивляться? Он ближе всех и слабее всех. Драйвера что эльфы, что Хлоринги, оставят напоследок, тут и особенно умным не надо быть, чтобы сообразить. И что он, Август, на очереди – тоже весьма вероятно. Он брат и тоже бывал на Красной Скале, пусть и реже, чем граф – дорогое, сука, удовольствие! – но те, кто знает такое про принцев крови, долго не живут, а разбираться в степени его осведомленности никто не станет, убьют просто на всякий случай.

Но что делать-то теперь?! Бежать с Острова прямо теперь, почти бедняком, и стать наемником в Европе? Август был и ленив, и трусоват. Одно дело – быть Марком Антонием в Садах Мечты, и совсем другое – реальные войнушки, где и покалечить могут, и убить. Август себя,

любимого, холил, лелеял, берег и баловал, от каждой царапины впадал в отчаяние, и от одной только мысли о злых дядьках с режущим, колющим и дубящим инвентарем в мозолистых грязных лапах ему становилось дурно. Он – человек культурный, утонченный и мирный, с тонким чувством прекрасного. Он если и позволял себе что-то вне рамок приличного, то только в Садах Мечты, и, между прочим, мясо никогда не уродовал. Если оно у него и умирало, то внешне все оставалось эстетично. И гуманно: мясо до последнего верило, что дяденька ему попался добрый и дурного не сделает. Так что Август искренне считал себя хорошим человеком. Не то, что братец и его друзья-извращенцы. Он и в братство поэтому не вступал... ну, в основном. Если не считать дороговизны этого членства.

Но теперь, похоже, у него нет иного выбора, кроме как связаться с этим самым братством и попытаться с ними вместе как-то решить проблему. Братец, правда, никогда своих приятелей по именам не называл, но Август по некоторым его обмолвкам и неосторожным высказываниям догадался, что один из них – граф Кенка, брат герцога Далвеганского. Он в этом был уверен, скажем так, на девяносто процентов. Но обращаться с такими вопросами к такому человеку напрямую было как-то страшновато. Если не угадаешь, рискуешь головой... И Август, немного подумав, решил обратиться к нему с просьбой помочь советом в ситуации, которая сложилась в последнее время и сильно Августа беспокоила: в округе начало происходить что-то страшное. Крестьяне бежали из деревень, распространяя панические слухи о каких-то чудовищах, оживших мертвецах и даже о драконах. Хлоринги, мол, бросили юг, отправились в Междуречье, к королеве обращаться в последнее время бесполезно, она никуда не выходит, оплакивает своего любовника, командора де Латрей – тьфу! Ни стыда, ни совести... Сказать, что брат всегда им, Кенкой, восхищался, очень его уважал... Ну, а там, остороженько, прощупать почву и насчет Хлорингов... Решив так, Август принялся писать письмо графу, чтобы отправить его с Робом Вышкой.

Анастасию герцог нашел плачущей в укромном патио, под сенью девичьего винограда.

– Ну-ну. – В некотором смущении потрепал племянницу по плечу. – Слезами его не вернешь. А ребенку его повредишь.

– Я была так счастлива, дядя. – Всхлипнула девушка горько. – Словно вышла из серой мглы на свет. Мир стал таким чудесным от его присутствия! Он был таким добрым и веселым... Таким веселым! Зачем, дядя, зачем, зачем, зачем?! Почему не дать нам жить, просто жить?!

– Жаль, не знал я о ваших кувырканиях. – Герцог утопил подбородок в жирных складках. Он в самом деле сожалел. – А мог бы сообразить, зная, что этот... *умник*, – вас вместе оставляет. Это он, болван, о последствиях не думал, а я мог бы и догадаться. Да что теперь...

– Ах, дядя! – Анастасия вдруг припала к его массивному чреву и зарыдала. Хмурясь и гримасничая, герцог поглаживал ее плечо. Заговорил, когда она притихла:

– Я не особенно религиозный человек, но в высшую силу верю... А знаешь, почему? Из-за этой чертовой, мать ее, любви. Когда всю жизнь наблюдаешь, что творится с людьми из-за этой напасти, поневоле проникаешься в веру во что-то, что насмехается над нами. Эллинский бог любви – ужасный бог. Он коварен, глумлив и жесток. Не видал я что-то, ребенок, лучезарного счастья. А видал я... Как суровые мужики, все в шрамах, со стальными яйцами, превращались в слюнявое чмо из-за какой-нибудь сладкой идиотки с клюквенным желе вместо мозгов. Видал я ростовщика, сущего кровопийцу, умного и безжалостного, как дьявол, готовый последний кусок у младенца изо рта вырвать, который вдруг начал бегать за молоденькой шлюшкой и бросать ей охапки то, что с такой алчностью скопил. А что творят от любви бабы и девицы, это никакому пониманию не поддается! И не разбирает эта чертова напасть ни сословий, ни рас, ни возрастов. Леди бегают за свинопасом, король – за кухаркой. И побоку гордость, стыд и честь. – Он глубоко вздохнул, его опять начала одолевать одышка. – Страсть не продается, не покупается и не регламентируется. Если мы хотим, то хотим, если нет – то

нет. То, что продается, Анастейша – не страсть, не любовь, а лицедейство. У него есть своя цена, и мне оно нравится гораздо больше, чем любовь эта самая, пресловутая. И ты, ребенок, оплачь своего Вэла, оплачь, как следует... НО в дальнейшем покупай лицедейство, зная, за что и сколько платишь. Ты будешь герцогиней, и выбор у тебя будет огромный.

– Разве я буду при этом счастлива? – Всхлипнув, спросила Анастасия.

– Ты не будешь несчастна. – Возразил герцог. – Это важнее, ребенок. Это важнее...

Поговорив с Ратмиром, Гэбриэл решил пройтись по Светлому Яру, посмотреть свой замок, познакомиться с людьми. Замок был меньше Гнезда Ворона, и уж само собой, в разы меньше Хефлинуэлла, но такой обжитой, светлый и уютный, что Гэбриэл уже теперь чувствовал себя здесь, как дома. Челяди было не много, но ее присутствие ощущалось везде. Услышав звук эльфийской гитары, Гэбриэл направился туда, и очутился во внутреннем дворе, где служанки выбивали ковры и взбивали перины и подушки, а Оззи и Джон, сидя на перилах галереи второго этажа, там, где разместились с Дэном и его лучниками, зубоскалили, перебрисывались с отчаянно флиртующими девушками остроумными и подначками и наигрывали на гитаре задорные мелодии.

– *Шляпу тырил у меня*

Жулик и притвора! – Запел Джон. – *Пресвятые небеса! Покарайте вора!* – И эта лихая песенка, судя по всему, имела у девушек даже больший успех, чем лиричные напевы. Гэбриэл посмотрел, усмехаясь, и отправился дальше. Забрел на кухню, где стояли такая жара и духота, что даже ему, полуэльфу, стало неважно, зашел к швеям, которые, переполошившись, вскочили, кланаясь. Он извинился, пробормотав, что просто заблудился, вышел, и столкнулся с Ладой.

– Вы бы сказали, сударь, мы бы вам сами все показали. – Сказала ласково. Гэбриэл почему-то сразу вспомнил Элоизу, насторожился. Но Лада падать на колени и признаваться ему в любви, вроде, не собиралась. – Вы, говорят, к Афанасию собрались? Так мой Андрей вас проводит. И дорогу укажет, и город покажет, и коня покараулит.

– Угу. – Кивнул Гэбриэл. – А где раненый? Я проведать его хотел.

– Так идемте, я покажу. – Лада с готовностью указала ему, куда идти. «Все уже знают. – Не без недовольства думал Гэбриэл. – А князь Ратмир-то того... поболтать любит».

Гарри Еннера устроили удобно, в больших, светлых покоях с видом на море, местный врач только что от него ушел. Ему была сделана новая перевязка, пахло лекарствами. Смотрел он бодрее, хоть тени под глазами по-прежнему казались слишком темными, а губы – обметанными. С ним были оба друга, Гэбриэл слышал их голоса с лестницы, но едва он вошел, они замолчали, и смотрели так, что он понял – говорили о нем.

– Вы продолжайте, не стесняйтесь. – Сказал, закрывая за собой дверь перед носом у Лады. – Где я, злодей, опять облажался?

– При чем тут... – Вспыхнул Кирнан, а Марк с вызовом произнес:

– Мы благодарны вам, граф, за спасение нашего друга и за приют.

– Ну-ка, ну-ка. – Гэбриэл прошел на середину комнаты, вытащил стул и уселся на него верхом. – Чем это я успел тебе насолить?

– Простите, граф. – Поспешил вмешаться Кирнан. – Мы в самом деле благодарны вам, а Марк зол вовсе не на вас, а на вашего брата, их светлость...

– Из-за сестры, что ли? – Приподнял бровь Гэбриэл. – Ну, он сам признал, что был не прав, письмо ей с извинениями написал и отправил. Мечтает просить ее руки. Это я как бы по секрету говорю, хотя брат этого не стесняется, и скрывать не намерен. Но болтать об этом пока не стоит, хотя бы ради девчонки. Желающих, чтобы мы никогда с Анвалонцами не помирились и не породнились, до хрена, так-то.

– И Кенка первый среди них! – Напомнил потемневшему лицом Марку Кирнан.

– Кир прав. – Слабым голосом обратился к Марку и Гарри. – Подумай о том, откуда мы это узнали.

– Узнали что? – Насторожился Гэбриэл. И, не смотря на предостерегающее шипение Марка, Кирнан откровенно ответил:

– До герцога Анвалонского дошло, что его светлость якобы неуважительно отзывался о Софии, называл ее деревенской дурочкой и смеялся над ее манерами и внешностью.

– Че-его?! – Поразился Гэбриэл. – Это откуда у вас сведения такие?! Брат ни об одной женщине такого не говорит никогда, он вообще этот... Угодник дамский, если что-то и позволит себе, то только со мной наедине! А о Софии этой он вообще мне сказал, что только ее и видит своей этой, женой и герцогиней Элодисской! И другие ему нафиг не нужны! Погоди-ка! – Он сам себя прервал, замерев. Глаза потемнели, сверкнули красными огонечками. – Вы тут эту тварь назвали, Кенку, я не ошибся?

– Вэл, его оруженосец, – Марк еще не знал о смерти младшего брата, – написал в письме домой, что слышал от Кенки, а тот, якобы, слышал от его светлости.

– Угу. – Фыркнул Гэбриэл презрительно. – Я прям вижу, как брат сидит с Кенкою и за бутылочкой вина своих знакомых женщин обсуждает. А подливали им, наверное, радужные единороги и летающие феи. Или болотные черти... Станет брат с Кенкой вообще разговаривать! А кто такой этот Вэл?

– Мой младший брат. – Марк задумался и слегка покусывал губу. – Он служит оруженосцем у графа...

– У Кенки? – Чуть нагнул голову Гэбриэл, исподлобья поглядывая на Марка. – И как вам в голову пришло парнишку этому... доверить?

– Я в курсе, что Сулстады и Хлоринги давние враги. – Возразил Марк. – Но Эльдебринки – нет. Отец не уважает и не любит герцога Далвеганского, но у Кенки, его брата, репутация доблестного и благочестивого рыцаря. Вэл просто бредил им.

– А с виду-то брат у тебя как, симпатичный?

Марк побледнел и долго не отвечал. В последнем письме Вэл сумбурно и многословно пытался ему написать о своих терзаниях, не бросив при этом тень на своего кумира. Марк ничего из его письма не понял и грешным делом решил, что братишка, строча его, был пьян. Но вопрос Гэбриэла, и тон, каким он был задан, вдруг, словно от щелчка, все поставил на место. Мысленно отшатнувшись от этого открытия, Марк оцетинился вновь:

– Почему вы спрашиваете, граф? Что за тон?!

– За тон и вопрос я при случае отвечу. – Возразил Гэбриэл. – А вот братишку вашего я от Кенки забрал бы. От греха. Как бы не случилось с ним чего... Непоправимого.

– Что ты имеешь в виду? – Удивился Кирнан, а Марк вдруг резко двинулся от окна:

– Можно вас на пару слов, граф.

Они вышли за дверь, где уже никого не было, но Гэбриэл на всякий случай прошелся до ближайших углов: нет, никого.

– Вы подозреваете графа... в любви к юношам? – Прямо спросил Марк. Гэбриэл приподнял бровь:

– Ого. Люблю прямых людей. Нет, не подозреваю. Я точно знаю. Граф – мразь и извращенец, похлеще своего братца, хотя как сказать. По мне, они друг друга стоят – один маленьких девочек растлевает, другой с Барр, ведьмой и извращенкой, шашни водит и мальчишек... – Он запнулся, поняв, что Марку реально дурно. Спросил сочувственно:

– Что, брат жаловался уже?

– Он не... жаловался. – Марку было в самом деле дурно. Шок был таким сильным, что ему хотелось присесть, а лучше – прилечь. – Он написал мне письмо, в котором пытался... даже не знаю... пожаловаться, намекнуть, посоветоваться... Я решил, что он пьяный писал... А теперь вдруг понял... Но что теперь делать?!

– Пиши отцу, прямо сейчас, пусть отзывает пацана домой под любым предлогом. Сколько ему, Вэлу вашему?

– Шестнадцать...

– Пусть возвращается домой. Может, Кенка на него и не полезет, побоится, но раз твой брат уже начал жаловаться, значит, тот совсем одурел, и ну его на хрен.

– Письмо будет долго идти... И как все отцу объяснить?! Вы его не знаете, он такой...

– Верно, не знаю, но брат рассказывал. Бешеный Зубр, да?

– Точно.

– Тогда пиши брату. Что хочешь, пиши, что болен и хочешь его видеть, что дома его ждут, что... да хоть что. Пусть возвращается домой. Я попрошу Терновника, он своим, эльфийским способом письмо отправит, оно быстро дойдет.

– Да. – Кивнул Марк. Коснулся плеча Гэбриэла:

– Не говорите больше никому. Ни Киру, ни Гарри...

– Я не совсем дурак, так-то. – Усмехнулся Гэбриэл. – Не сомневайся, от меня никто ничего не узнает.

– Спасибо, что сказали. – Опустив глаза, через силу произнес Марк. – Надеюсь, еще не поздно, и Вэл избежит разочарования... Он так бредил Кенкой, так им восхищался. Это был его кумир. Разочарование его... убьет. Пусть он лучше нас ненавидит за то, что разлучили его с кумиром, чем получит такой удар. Это... разобьет ему сердце. – Последние слова Марк произнес чуть слышно и как бы уже себе самому. Вернулся в комнату, а Гэбриэл пошел к себе. На душе было погано. Откуда-то мгновенно пришла уверенность, что поздно, поздно все. Все плохо с тем мальчишкой. От бессильно бешенства стискивались зубы. Сколько ж эта тварь будет жизни калечить и судьбы ломать?! О, как Гэбриэл хотел до него добраться, как можно скорее, и расправиться с ним, как со Смайли, разбив рожу в фарш! Убить мразь, чтобы мир, по любимому выражению Доктора, стал чище!..

На дворе было жарко, после прохлады замковых помещений ощущение было такое, словно в баню вошел. Только без пара. Недолго думая, Гэбриэл стянул жилетку и бросил на столбик перил. Девушка с нереально-красивыми серыми глазами и темными бровями вразлет выступила вперед:

– Вы ведь к Афанасию собрались?.. Госпожа Лада вот вам снарядила на дорожку блинов с икоркой. По пути перекусите. А вот и квас холодный, с медом, с изюмом. Лучше нету по жаре.

Гэбриэл только глянул. Девушка была такая красивая и славная, что недовольные слова сами собой умерли на языке. Вроде и не полукровка, не кватронка даже, а красивая – глаз не отвести. Кожа аж светится здоровьем и юной свежестью, волосы, русые, с пепельным оттенком, блестят на солнце бриллиантовым блеском.

– Ты кто? – Взяв прохладный кувшинчик с квасом, спросил он.

– Ульяна. – Улыбнулась девушка, показав краешки белых зубов. – Устина дочка. А вот и Андрюшка, брат мой. Он вас проводит.

Андрюшка был подросток лет четырнадцати, Гэбриэл уже видел его мельком. Поглаживая длинную морду вороного эльфийского скакуна, он спросил, с восторгом глядя на Гэбриэла:

– А конь-то тот самый?..

– Который? – Нахмурился Гэбриэл.

– Ну, который через фургон перелетел?

– Здесь вообще есть хоть кто-то, – рассердился Гэбриэл, – кто хоть чего-то обо мне не знает?!

– Да вы не подумайте худого, княже! – Сделал Андрей честные глаза. – Здесь болтунов нету! Чего мы знаем, о том не болтаем!

– Да? – Гэбриэл взлетел в седло, забрал повод. – Ну-ну.

– Так конь-то тот?

- Нет.
- А тот тоже эльфиец?
- Олджернон.

Андрей тоже лихо взлетел в седло длинноногого русского сивки, и, упрямо не замечая недовольства «князя», заявил:

– Нам туда, княже. Задами проедем, там тропа по берегу, а потом на скалу, но там пешком придется, пойдете один, я коней посторожу. А масть у коня какая?

- У которого?
- У того самого?
- Серая.

– Поглядеть бы! Сейчас, почитай, весь Остров о вашем коне говорит. А фургон большой был?

– Нормальный такой. – Сдался Гэбриэл, который и сам в душе гордился и своим конем, и собой, и тем прыжком. Непробиваемое дружелюбие парнишки было при этом каким-то симпатичным и естественным, злиться на него не хотелось. Потом Гэбриэл понял, что это – отличительная особенность большинства его валенских подданных. Среди его челяди были такие, кто по рвению и желанию ему угодить превосходил Бонифация Гриба, но большинство вели себя так, словно титул и власть – это не повод и не причина для уважения. И тем более, страха – страха в руссах, пожалуй, было меньше всего. А еще Гэбриэла поразило впоследствии то, что коренные валенцы, нордландцы в четвертом и более поколении – так и не соизволили научиться говорить по-нордски, и в деревнях и на простых улицах он слышал только финскую и русскую речь. Наглые, насмешливые, бесстрашные – было его первое впечатление о подданных.

Но все и всех затмевали природа и горы, окружающие его. Скалы, море, птицы, бездонное северное небо, украшенное немислимыми облаками-башнями самых невероятных форм. Он и тысячи миль не отъехал от дома, но все здесь было настолько иное, что Гэбриэл словно попал в другой мир. И этот мир приводил его в восторг и, одновременно – в тоску. Он был еще здесь, и уже скучал, и это было и странно и правильно.

Андрей охотно отвечал на его вопросы: как называется гора, какие есть деревни в округе, сколько людей в них живет?

- А это что? – Гэбриэл показал на руину на плече горы.
- А это Дунькина башня. – Сообщил Андрей. – Там Дунька-дурочка повесилась.
- Какая Дунька-дурочка?

– А не знаю, это до меня еще было. Все говорят: «Дунькина башня», да и все. – Он почесал в затылке. – Там страшно очень.

– В смысле?

– А в самом, что ни на есть. Мы туда в ночь творились забирались, так того... испужались малость. Внутри не пошли. Нечисто там. Все говорят: там черт живет. Наверное, правда. – Кони их, шедшие бодрой рысью, сбавили шаг, выбравшись на берег моря, почти к самой кромке прибоя, пошли, потряхивая головами, по прибрежному песку, «украшенному» гниющими и высохшими водорослями, мусором и обломками дерева. Море, спокойное, ленивое, с легким шипением облизывало песок и гальку рядом с лошадиными копытами. Гэбриэла так и тянуло всматриваться в морскую даль – не увидит ли он, как Лада, охотящегося дракона? Но сколько хватало глаз, горизонт был чист, если не считать обитателей Птичьей Скалы. Острова и островочки, похожие на спины морских зверей, голые и ошетилившиеся лесом, скалистые и с пологими берегами, были повсюду, сколько хватало глаз. Кое-где острый глаз полукровки замечал лодки и паруса шхун, рыбаки и охотники на морского зверя вели свой ежедневный промысел. Солнце пекло, но с моря дул освежающий ветерок, и Гэбриэлу все больше здесь нравилось.

Пройдя под отвесной скалой по узкой полоске галечного пляжа, они поднялись на пригорок, с которого на скалу уходила узкая и прихотливая тропинка, как и сказал Андрей, для лошади не подходящая. Гэбриэл спешился, отдал поводья мальчишке, который тут же принялся наглаживать эльфийского коня, любуясь им и лукаво поглаживая на графа.

– Да прокатись, прокатись. – Хмыкнул Гэбриэл, и мальчишка, бросив поводья своего коня, который тут же спокойно потянулся к травке, птицей взлетел в седло. Глаза горели чистым подростковым восторгом: на эльфийского коня пацан сел впервые, а легенд об этих скакунах по острову ходило предостаточно. Гэбриэл вновь ощутил себя мальчишкой, который, припав к конской гриве, в галопе забывал ферму, Мамашу, забывал все на свете, и оставались только он, конь и стремительное движение, ветер в лицо, всепоглощающая, истинная свобода. Невесело усмехнулся своим воспоминаниям и пошел по тропе вверх.

Тропинка оказалась впору разве что для козы. Тропа опять неприятно напомнила Гэбриэлу его побег с Красной Скалы. И почему он здесь постоянно думает о прошлом, причем, о самом тяжелом прошлом?.. Легко прыгая по камням, Гэбриэл поднялся на скалу, огляделся. Все, что он видел отсюда, было так прекрасно, величественно и даже торжественно, что горло сжал спазм восторга. Суровые, непомерные в своей высоте горы, подернутые сизой дымкой Дебри, обитель прекрасных Фанна, море... Теперь Гэбриэл вдруг подумал, что лучше понимает своего оруженосца. Иво тоже красив, даже кажется немного нежным, но внутри он, как эти скалы и море – дикий, свободный и сильный. "А тетка-то его где-то тут проживает. – Мелькнуло в голове. – Надо бы ее навестить... Что бы он там про это ни думал". Восторг так и распирал его изнутри, захотелось как-то выплеснуть его, и Гэбриэл, раскинув руки, закричал от всей души, как он когда-то говорил брату, "что-то глупое, но громкое".

– Совершенно с тобою согласен, юноша. – Раздался рядом спокойный голос, и Гэбриэл резко развернулся.

Он представлял себе Афанасия Валенского сухоньким старичком, но перед ним сейчас стоял крепкий мужчина среднего роста, не старше пятидесяти, светло-русый, с короткой аккуратной бородкой и убранными в хвостик волосами. Одет он был в простую рясу, подпоясанную веревкой с узелками, из под краев рясы выглядывали добротные сапоги. Глаза – спокойные, серые, у губ морщинки, наводящие на мысль о непростом, немного насмешливом нраве. Гэбриэл в первый миг растерялся, разглядывая его, потом вспомнил, что это невежливо, а мужик для местных чуть ли не святой, не стоит его обижать, и вроде поклониться надо, а с другой стороны, он граф, или не граф?! Потом все-таки решил поклониться, но тут Афанасий поклонился сам:

– Здрав буди, княже.

– Я не князь...

– Ты сын принца, по-нашему, великого князя, значит, княжич. По-нордландски эрл, по-нашему, князь Валенский. – Глаза Афанасия улыбались насмешливо, но насмешка была доброй, без ехидства, и Гэбриэл улыбнулся сам:

– И тебе не хворать. Я тут...

– Знаю, за благословением пришел. Ну, что ж, коли пришел, благословлю. – Он оглянулся, вздохнул от всей души:

– Красота! Ничем отечество мое, Новгород Великий, не напоминает, а все же любо мне здесь все. А к Северу, к Вызиме, еще краше. Фьорды, как лабиринты в горах, развалины замков драконьих...

– Ты был в Ивеллоне?

– Был. Далеко мы зашли, дальше всех. До озера Табат, есть там такое, красоты место неопишуемой, маками и ромашками холмы поросли, просто ковер цветной, низины – ирисами, да таких расцветок необычайных, глаз не верит. Там всех Орда и растерзала. Я один ушел. Чудо спасло, не иначе... – Он вновь огляделся. – Слышал я, что ты нашей веры, православной?

– Да, я... То есть, я хочу в вашу веру. Римская мне не нужна, не верю я в нее. После Эдикта этого...

– От противного, значит?

– Я из Элиота в Грантвилл шел с руссами. Со Ставром. Я тогда шальной был, только одно и понимал: что свободен. Но там священник был, отец Михаил, он мне рассказал много, и молитве научил, я только так и молюсь, хотя Отче наш знаю.

– Ну, что ж. – Афанасий указал на камни. – Присаживайся, Гэбриэл, сын Гарольда. – Он один не назвал Гэбриэла на русский манер, Гаврилой. – Поговорим.

Гэбриэл сам не понял, как произошло, что он рассказал Афанасию все. Про маленькую Алису, про ферму, про Сады Мечты, про Сета и Гефеста, про Конюшню, про Домашний Приют, про Марию и Киру. Даже про Мертвую Королеву. И при этом не чувствовал ни стыда, ни неловкости, ни сожаления о том, что так раскрылся незнакомому человеку. Афанасий слушал спокойно, как-то отрешенно, не показывая никаких эмоций, но Гэбриэл чувствовал, что он не просто слушает, а впитывает его рассказ, пропускает через себя, и возникало чувство какого-то облегчения.словно с него сняли часть невыносимой тяжести, часть страшной его вины.

– Я каждую ночь молюсь о них, но разве им от этого легче? Их мучают при жизни и делают монстрами после смерти. И никому до этого дела нет! – Гэбриэл ударил кулаком по камню. – Брат говорит: интересы государства, то, се... Да манал я интересы такие, ради которых такое зло терпеть надо! А вот слушаю его, не перечу, прав он, наверное... И при этом такое в душе творится, что сил нет терпеть. Они ведь живые, мальчишки те, девчонки, Кира – она помогает, чем может, и каждую секунду жизнью рискует ради них. Попы говорят: они, мол, животные, у них души нет, то, се... Но разве эта девчонка, Кира – не святая?! Скажи?! Ее бьют, насилуют, в стойле держат, как скотину, Паскудой зовут, вместо имени, а она делает то, что должна делать, не смотря на страх, на ужас, на неминуемую смерть... Что моя молитва, она мне помогает, а не им! Марк этот говорит, что в монастырь надо идти, чтобы грехи отмолить, а я готов грешить и погибнуть, но хоть кого-то спасти!

– Ты прав. – После небольшой паузы произнес Афанасий. – В монастырь люди не для Бога идут, для себя. Бегут от мира, от горестей, страстей и страхов его, в тишину келейную. Ты не такой. Не могу я тебя утешить и успокоить, да и не нужны тебе ни покой, ни утешение. Много тьмы в тебе, страстей еще больше, но любовь в тебе такая, что жжет, как огонь. И я не о плотской любви говорю сейчас. Ты их истинно любишь, малых своих, поруганных, истерзанных. А любовь, Гэбриэл, это все. Любовь – это Бог, это начало и конец, это жизнь и смерть. Как сказал апостол: Теперь пребывают сии три: Вера, Надежда, Любовь, но Любовь из них больше. Ты всю свою жизнь ненавидел своего Хозяина, мечтал сбежать от него, но куда ненависть твоя привела тебя? На что дала сил? И сколько и сейчас душ ненавидят там, мечтают о том, чтобы сгинуло место этого поганое, смерти желают Хозяину его. Но что может ненависть?.. Ведь тебя, Гэбриэл, любовь спасла и вывела оттуда. Любовь спасла тебя, спасет и других, любовь разрушит Красную Скалу. Запомни: не ненависть, не жажда мести, а любовь и кровь сердца твоего, что болит за них. Я не буду говорить тебе о грехе и спасении, о покаянии – все это к тебе придет в свой черед, потому, что душа у тебя живая. Есть люди, которые всю свою жизнь живут по правилам, все посты соблюдают, ни разу перекреститься не забудут, в церковь ходят, милостыню подают – и при том ни Богу свечка, ни черту кочерга. Не холоден и не горяч, а только тепл – и с отвращением исторгнут тебя уста Мои. Ты горяч, ты так горяч, что люди тянутся к тебе, обожают тебя, ненавидят, боятся и боготворят, проклинают и восхищаются, и так будет всю жизнь твою. Завтра на рассвете прими от меня крещение в православную веру, и благословение тебе и всем, кто пойдет с тобой. И иди своим путем, иди туда, куда сердце зовет, и ничего не бойся. Страх – отец всяческой лжи и всякого греха. Захочется солгать – спроси себя: чего боишься? И только потом решай, лгать ли. Вот это мое тебе напутствие, Гэбриэл Хлоринг.

А молитвы... что ж, это мой путь: молиться за других. За тебя теперь молиться буду, за девочек твоих, за Марию, за Киру. Пусть даст ей Господь сил дожидаться тебя и не сгинуть во тьме.

– А Бог... он есть? – Спросил Гэбриэл с сомнением и с некоторым страхом. – Он со мной?

– Бог есть любовь. Никогда не забывай этого, не гони от себя любовь, и Он тебя не оставит.

Спускаясь со скалы, Гэбриэл ощущал нешуточный душевный подъем и облегчение. Прав был Устин, когда сказал, услышав о его предстоящем визите к отшельнику: "Сила в нем великая. Он каждого выслушает и услышит, каждому в самую душу заглянет и скажет так, что люди от него, словно птицы, улетают, а которые и исцеляются". Теперь Гэбриэл понимал, почему Афанасий был так уважаем и почитаем на Севере. Он и сам уже уважал его и верил ему. Если такой человек верит в Бога и живет вот так, значит, Бог есть, его не может не быть. "Наверное, – думал он еще, – права и Алиса, когда говорит, что люди приписывают высшим силам собственные глупости и предрассудки, а потом их же упрекают за это... Солнышко мое, как же я скучаю по тебе!!!".

И Мириэль была права. Она сказала: «Пройдя Альвалар, ты не будешь прежним». Он уже – другой.

Глава вторая: Золото Старого Короля

– Ой, он такой высокомерный! Он мне ничуть не нравится.

– И мне! Вот даже не понимаю, что все говорят, будто он самый красивый мужчина в королевстве? Заносчивый и ужасный.

– Я так вообще его ненавижу. – Мария Кальтенштайн мрачно передернулась. – Видеть его не могу! Он мне сегодня улыбнулся, я аж отвернулась. Еле сдержалась!

– И не говори! Он такой наглый! – Поддакнула одна из ее сестер. – Думает, что лучше него никого нет!

– Просто, девочки, никто еще не ставил его на место.

Дочери Унылого Ганса щипали корпию для перевязок и резали и скручивали полосы чистого холста на бинты. И обсуждали – конечно же, Гарета Хлоринга. Нравился он им безумно, отчаянно. И ни одна не желала, даже боялась, признаться в этом остальным. Эти девочки давно уже понимали и свою бедность, и свое положение. Их даже не отдали на воспитание в монастырь – у их отца не было на это денег, и он взял им наставницу, монахиню-клариску, сестру Гертруду, которая и старалась, как могла, внушить девочкам нужные мысли о самих себе. Другими словами, некрасивая и немолодая женщина, потеряв всякую надежду на то, что вдовый рыцарь склонит ее к греху, вымещала свое разочарование на его дочерях, изо всех сил стараясь, чтобы у девочек не осталось никаких иллюзий. «Для вашей же пользы. – Обосновывала она свою жестокость. – Разочарования сердца разбивают и до ранней могилы доводят». «Были бы вы хотя бы хорошенькие, – мстительно сетовала она с притворной жалостью, – на хорошенькую рожицу жених бы, может, и нашелся. Но вы в отца удались, горлицы мои горемычные. Так, видать, господь пожелал»,

Ганса Кальтенштайна сестра Гертруда ненавидела и заочно унижала и поносила с неустанным пылом, жаром и изобретательностью. Прошли те времена, когда она с замиранием сердца и с бабочками в животе прислушивалась ночами к звукам в коридоре подле своей комнаты, которую специально не запирали. Как большинство монахов, монахинь и старых дев, она была почему-то убеждена, будто у представителей противоположного пола нет мечты слаще, нежели их застарелая честь. И страстно желала грехопадения – разумеется, со всеми положенными эмоциями: девственным страхом и (авансом) раскаянием.

Вот только Ганс Кальтенштайн оказался маниакально порядочным человеком, и относился к сестре Гертруде с неизменным почтением. Распаленная фантазия монахини принимала это почтение за нечто иное, и долгое время женщина (точнее, весьма перезрелая девица сорока двух лет), не то, чтобы надеялась, но была абсолютно уверена в том, что вот-вот эту девственность у нее отнимут. Только Ганс все не приходил и не приходил, не замечая даже ее весьма прозрачных намеков на то, что она ложится поздно и не запирает двери. Он был настолько порядочным и честным, при этом и очень простым человеком, что в самом деле ее намеков не замечал и не понимал. И когда она, не выдержав, сама ввалилась, полуодетая, среди ночи в его спальню, лопоча что-то о напугавших ее крысах, Унылый Ганс и тут поступил, как порядочный человек, то есть, увы – по-свински. Этого унижения женщина простить ему не смогла, и любовное томление сменилось лютой ненавистью. Ганс как не знал о первом, так продолжал пребывать в неведении и о втором, а вот его дочери оказались заложницами его недогадливости и ее разочарования. Сестра Гертруда успешно навязывала им целый букет комплексов, и по поводу своей внешности, и по поводу своего поведения, ума, да вообще: пригодности для брака и жизни. Только старшая, Мария, еще пыталась противостоять этому давлению, без особого, впрочем, успеха. Поэтому появление блестящего герцога, а с ним – более десятка видных и привлекательных во всех смыслах мужчин, так подействовало на девочек. Они всем своим

существом тянулись к новым людям, и в то же время боялись их, дичась, пугаясь и вызывая искреннее недоумение и даже насмешки – обсуждая их между собой, Гарет, его друзья и оруженосцы сходились на том, что девочки милovidные, но дикие и не умеют вести себя. Правда, их отцу они об этом не говорили. Гарет был неизменно вежлив, даже галантен, и это рождало в девичьих сердцах панику, грешные мысли и жгучие надежды. Не имея никаких навыков общения с такими загадочными существами, как молодые привлекательные мужчины, девочки действительно вели себя смешно и трогательно. И постоянно убеждали друг друга, что Гарет им ничуть не интересен!

Люди в осажденном Кальтенштайне на удивление быстро наладили свой быт: под навесами вдоль стен стояли лавки и столы, висели котелки над очагами, возникли отгороженные углы, внутри которых настелены были лежанки. Бегали, визжали и кричали дети, говорили и ругались женщины, ревела скотина, недоумевая, почему ее не отпускают на пастбище и вместо вкусной травы потчуют старым сеном и безвкусной соломой. Этот нескончаемый рев раздражал и без того все время раздраженного герцога Элодисского. Он то и дело поднимался на стену и смотрел на быстро обретающие узнаваемые очертания осадные машины, все сильнее мрачней: корнелиты свое дело знали, что бы он о них не думал и как бы не презирал. Но тяжелее всего было день и ночь думать про брата и ждать, когда несчастье, настигшее его, ударит и по самому Гарету. Это могло произойти в любой момент, без какого-либо предупреждения, как уже происходило прежде. Беда была в том, что Гарет не мог ни просчитать, ни даже просто предположить, куда отправится Гэбриэл, как он поступит? Герцог хорошо знал карту Междуречья, местные дворянские семьи и расклад сил между ними, но понимал, что Гэбриэл-то ничего об этом не знает, и действовать будет, исходя из своего незнания, как тогда, при побеге с Красной Скалы, выбрав почти недостижимый Гранствилл вместо близкого Таурина. Конечно, с ним Кину. Но что посоветует эльф, кроме того, чтобы махнуть через Каяну за помощью к наместнику? Почти уверовав в это, Гарет прикидывал, сколько времени потребуется на то, чтобы добраться до Лисса и договориться с дядьками. Если те согласятся помочь, до Кальтенштайна эльфы доберутся очень быстро – это-то они умели. Но при любом раскладе выходило, что уйдет все равно не меньше двух недель. И что отчебучит Младший, если дядьки пошлют его подальше?.. Что Гэбриэл сдастся и отступит, Гарет не допускал даже теоретически. А вот в то, что Младший способен ринуться ему на помощь даже в одиночку, верил легко и всерьез опасался этого. Зато о Русском Севере Гарет почему-то не подумал ни разу.

А вот о корнелитах и их осадных машинах думал постоянно. Быдло-то оно быдло, но дело знает – приходилось ему признавать себе через сильнейшую досаду голубой крови высшей пробы. Изготавливая их с таким искусством, они и используют их грамотно. Наверное. И ладно бы они строили свои хреновины, так еще самые горластые из них подъезжали поближе, но так, чтобы стрелой было не достать, и орал всякую мерзость. Например, предлагали защитникам крепости самим повеситься на ее стенах, чтобы смерть их была легкой и "приятной". Грязно намекали на Гарета и Гэбриэла и их небратские отношения друг с другом, в выражениях, от которых Гарет просто сатанел и успокаивал себя лишь тем, что рано или поздно эти крикуны ему попадут в руки... Со всеми приятными и поучительными последствиями. А корнелиты, глумясь, обещали пройти мечом и огнем все Междуречье, расписывали, что сделали с Анвилским аббатством и его монахами, кричали, что из Междуречья отправятся прямо в Пойму Ригины, где достанется всем, и особенно – женщинам Хлорингов, а там дойдет очередь и до "старой суки Изабеллы!". "Мы ваш Элиот с землей сравняем и известью присыпем, где он был! – Орал он. – Мы свой собственный город построим, всех попов и рыцарей изведем, не будет больше десятины! И бабы будут общие!"

– Быдло, оно и есть быдло. – Кусая губы, мрачно говорил Гарет. – Про что бы ни начинали, а все сворачивает на баб.

- И выпивку. – Добавил меланхолично и как-то по-особому задумчиво Унылый Ганс.
- И выпивку. – Повторил Гарет, и вдруг его глаза вспыхнули злорадными огонечками:
- Ты гений, сэра Иоганн!

Столько простаивая на стене, он не просто слушал оскорбления и злился. Он по старой, приобретенной в Европе, привычке наблюдал за лагерем неприятеля, за его распорядком, делая в уме отметины, которые теперь оказались очень важными. Да, организованы они были довольно грамотно... Почти идеально. Но в том-то и дело, что – почти.

На следующий день, к вечеру, ворота крепости неожиданно распахнулись, и корнелиты напряглись, не понимая, что задумали осажденные. Вожаки корнелитов, Ангел и Петр Дуля, сразу же предположили, что это какой-то обманный маневр, и точно: с северной стороны их лазутчики заметили корзину, которую пытались спустить со стены. В корзине оказался мальчишка-подросток, который чуть не угодил в расставленную корнелитами ловушку, но ловок оказался, гаденыш, вывернулся и удрал обратно под защиту стен и лучников. Со стены его благополучно и забрали, под свист и улюлюканья корнелитов, которые, не стесняясь в выражениях, поносили защитников крепости, глумились, что разгадали их "замысел тупорылый", и что "хоть сто лет думайте, не придет ничего умного в башки ваши чугунные!". Крепость угрюмо отмалчивалась, но стоило хоть одному корнелиту опрометчиво подойти ближе, как в его сторону тут же летели стрелы. Ворота закрылись. Лодка, во время всех этих событий отчалившая от юго-восточной башни Кальтенштайна, скрылась в камышах прежде, чем кто-либо мог заметить ее и проследить за нею.

К вечеру следующего дня в лагере корнелитов возникло оживление: поймали мелкого купца с товаром. Купцу надавали по шее и прогнали, забрав телегу с мулами и товар: несколько кругов желтого козьего сыра и десять бочонков темного пива. Купец дал деру, радуясь, что жив остался, а корнелиты распечатали бочонки и вскрыли сыр, устроив себе маленькую сырную вечеринку. Дуля и Ангел, раздавая матерки и тумачи, попытались упорядочить этот праздник желудка и мочевого пузыря, но в основном тщетно... И зря: пиво оказалось каким-то уж очень забористым. Не успели ступить сумерки, а половина лагеря уже валялась мертвецки пьяная, а вторая половина пела песни и дралась. Почувяв неладное, Ангел и Дуля принялись спешно организовывать всех, кто оставался более-менее адекватным, но поздно: из крепости вырвались два больших отряда всадников в броне, под руководством Гарета и Мильестона, и вихрем промчались по позициям корнелитов, сея хаос и панику. Метались с диким ржанием кони, вспыхнули свечками осадные машины, палатки и фургоны. Бросившиеся за всадниками в погоню немногие трезвые корнелиты вынуждены были остановиться, обстрелянные со стен лучниками. Наглецы скрылись в замке не только с победой, но и с трофеями: несколькими лошадьми и с пленными. Всю ночь в лагере корнелитов бушевали огонь и вожжи, наводившие порядок пинками и плетками, а со стен им улюлюкали, свистели и выкрикивали ответные оскорбления, высовывали меж бойниц голые зады и даже вывесили на стены полотнища с наспех намалеванными оскорбительными картинками, изображающими позор корнелитов. А утром совершили над пленными показательную казнь, расправившись с ними именно так, как перед этим обещали расправляться с осажденными сами корнелиты, не пропустив ни одной детали.

Разумеется, озверевшие корнелиты, едва оправившись и организовавшись, пошли на штурм, вновь не слушая своего самого адекватного вождя – Ангела. Штурм был к вечеру отбит, но пожрал столько людского ресурса с обеих сторон, что Гарет отчетливо осознал: следующий штурм будет последним. Но и вожди корнелитов поняли, что крепость они, может, и возьмут, но после этого им останется только самораспуститься на мелкие банды и бегать вокруг Зеркального, скрываясь от междуреченских дворян и Птиц.

Крещение произошло на рассвете, прямо в море. Гэбриэл, в простой белой рубашке, скрывающей его шрамы, вошел по пояс в воду, спокойную, теплую. Море в этот час словно бы ластилось к нему, вкрадчиво и приятно шурша галькой за спиной, чуть покачивалось, слегка покачивая и его. Небо было карамельно-розовым, почти безоблачным, и, что было удивительнее всего – обитатели Птичьей Скалы не кричали и почти не летали над бухтой. Народ, собравшийся в отдалении поглазеть на крещение князя-полукровки, тоже застыл в благоговейном молчании. Гэбриэлу вспомнилась акколада: было так же торжественно и волнительно, и хотелось какой-нибудь нелепой выходкой уравновесить пафосность момента. Но он держал себя в руках. Слава Богу, Афанасий в который раз оправдал свою славу: провел церемонию просто, без причуд и пафоса, но при этом так, что Гэбриэла все-таки пробрало до самых печенок, и на вопросы вроде: "Отрекаешься ли ты от Лукавого и всех дел его?" – он отвечал со всей серьезностью и искренностью. Самовнушение это было, или нет, но после того, как Гэбриэл, повинувшись легкому нажатию ладони Афанасия, погрузился в теплую воду и вынырнул, ему показалось, что воздух стал прозрачнее и слаще, краски утра – ярче, запахи острее, а звуки – отчетливее.

– Живи по совести, Гэбриэл, князь Валенский. – Сказал Афанасий. – И не забывай, что Бог есть любовь.

– Да. – Сказал Гэбриэл. – Не забуду.

И словно только того и ждали, обитатели Птичьей скалы всем скопом сорвались с ее уступов, с громкими криками и писком сделали петлю над их головами и рассыпались кто куда, о чем потом с упоением рассказывали очевидцы, и пересказывали кто во что горазд люди по всему Острову. Крещение обрастало деталями, вроде чудесного благоухания, дивных птиц, певших ангельскими голосами, и даже загробного дьявольского голоса из бездны, стенавшего, что "пришел его конец". Но как для Гэбриэла, так и все, что случилось, само по себе было чудом. Вернувшись в "Светлый Яр", он заметил праздничную одежду и радостные лица челяди, и ему это, чего там, стало приятно. Смыв в бане морскую соль и переодевшись в чистое, он вышел к столу.

– Что мои спутники? – Поинтересовался у нарядной и румяной Лады.

– Все ухожены, княже. – Ответила она певуче. – Хворый юноша лучшее себя чувствует, откушал с утра творожку, друзья его с ним завтракали. И школяров, охальников, – Лада чуть покраснела от возмущения, – не обидели. Вольно им руки-то распускать! В кухню забрался, негодный! Но я его скалкой-то приголубила, он и заулыбался. Ой, что это я! – Опомнилась она. – Мы вас поздравляем, – она поклонилась от души, в пояс, красиво поведя рукой, – и в честь такого дня откушайте на славу!

И Гэбриэл откушал. Слов нет, то, что он ел здесь вчера, было шикарно, но сегодня у него уже просто не осталось слов.

– Мне нужен местный повар. – Решительно заявил он. – Которого я того, с собой заберу. Пусть дома это-вот все мне тоже того, готовит!

Устин так и замер с большим подносом, на котором разлегся среди овощей и свежей зелени жареный каплун, с ужасом взглянув на жену. Гэбриэл поймал его взгляд:

– Да не бойсь, что я, зверь, семью разбивать? Мне бы того, кто и уехать мог бы, и готовил вкусно.

– А разве Саввишну? – Оживилась Лада, тоже струхнувшая было. – Она вдовая, детей нет, а готовит так даже и лучшее моего.

– Так уж и лучшее! – Возмутился Устин. – И это же не баба, а чистый аспид, гадюка семибатушная, она хоть кого до греха доведет, право слово!

– Но готовит-то она так, что ангелы во рту поют. А пироги такие заводит, что чисто поэмы!

– Да и что говорить, стряпуха она от Бога. – Согласился Устин, ставя блюдо с каплуном перед Гэбриэлом. – Мужик ее жив когда был, земля ему пухом, бедолаге, сколько раз зарекался, выгнামши ее, обратно пускать, а за ради еды ее бесподобной принимал, сердешный, взад.

– Мне ее нрав без разницы. – Засмеялся Гэбриэл. – Лишь бы готовила.

К обеду снова приехал голова с князем Михаилом и валенским капитаном стражи, по местному воеводой. Теперь, после встречи с Афанасием и крещения, как и обещал Ратмир, местные изменились. Глаза потеплели, рты заулыбались, разговор пошел самый дружеский. Князь Михаил пообещал еще пять сотен копий, итого набиралось достаточное количество. Гэбриэл еще раньше слышал от брата, что русская конница считается лучшей на Острове, а может, и в Европе, во всяком случае, русских всадников боятся даже иоанниты и прочие крестоносцы. "В Европе про это вспоминать в приличном обществе не принято, – говорил ему как-то Гарет, – но крестовый поход на Русь провалился в треском, причем в буквальном смысле. Бравые крестоносцы ушли под лед на каком-то русском озере". Теперь все эти нюансы, вроде бы основательно подзабытые – Гарет говорил ему об этом, когда они плыли на "Единороге" в Гранствилл в самый первый раз, – кстати всплывали в памяти. В руссах была какая-то непоколебимая уверенность, что ничего невозможного нет, все решаемо. "Проблемы? – Читалось в их взглядах и повадке. – Разве ж это проблемы? Сейчас порешаем с мужиками и все утрясем". Глядя на них и их слушая, Гэбриэл почувствовал, как слегка отпускает невыносимое напряжение, державшее его в плену с той самой минуты, как его конь перемахнул фургон и помчался вдоль Каяны, оставив Гарета в осаде за стенами Кальтенштайна.

– Еще бы пять сотен конных. – Говорил князь Михаил. – И ладно бы, и никакие корнелиты, Верные и прочая шваль не страшны. Благодаря Афанасию, княже, весь Русский Север теперь твой, и не сомневайся даже. Свистнешь, придут, и людей дадут, и денег, и корабли снарядят. Вот только времени на это уйдет не мало, а его, как я понимаю, нет.

– А если, – осторожно предположил голова, – сей же час отправить в Новоград, к князю Федору? Он даст хоть пять сотен, хоть пятнадцать. Ежели только конных, то они к Коням в самый раз поспеют.

– А что? – Кивнул Ратмир. – Я сей же час Олекшу пошлю в Новоград, коли князь не возражает.

– Князь не возражает. – Откликнулся Гэбриэл.

– А ежели деньги нужны... – Начал голова, но Гэбриэл возразил:

– Деньги – это моя проблема. Я Хлоринг, или где?!

– Корабли я нашел, снаряжают. Завтра утром можем отплывать. – Кивнул Ратмир. – Коли деньги капитанам будут, так и мешкать не станут. Тем более, теперь, когда Афанасий дело это благословил.

Кину, который нашелся на южной стене, созерцающим море, кивнул, услышав, что нужны деньги:

– Я обещал и сдержу слово. Поехали.

Гэбриэл на полном серьезе ожидал, что эльф приведет его к какому-то древнему эльфийскому кладу, и все, похоже, к тому и шло: они долго ехали по тропе, уводившей их все выше и выше по склонам Туманной, по скалистым уступам, через звонкую березовую рощу, полную золотых солнечных бликов, трепетных теней и цветущего разнотравья, над головокружительными обрывами. Очень скоро Гэбриэл понял, что цель их – та самая Дунькина башня, которая оказалась даже выше и дальше, чем это казалось снизу. От ее подножия видна была вся Сайская бухта, далекие Сая и Фьесангервен, Лукоморье, Винетта и кораблики и шхуны далеко в море. Сама же руина вблизи утратила всю свою живописность и привлекательность. Буйные заросли крапивы и лопуха наглухо прикрывали все подступы, древняя каменная кладка каза-

лась ненадежной и ветхой даже на вид. Во многих местах камень искрошился и осыпался мелкой крошкой, как рассыпается источенное червями дерево. Спешившись и накинув поводья на длинный сук, эльф несколькими взмахами сабли расчистил себе и Гэбриэлу, тоже спешившемуся, путь к дверному проему, пошел, хрустя подошвами эльфийских сапог, по источающим острый травяной запах осям. Удивительно, но, в отличие от Башни Тополиной Роци, здесь совсем не воняло мочой.

– Видно, местным сюда далековато по нужде бегать. – Заметил Гэбриэл, заходя вслед за Кину внутрь.

– А сам ты что тут чувствуешь? – Как-то странно спросил Кину. Гэбриэл пожал плечами, оглядываясь. И почти сразу понял, что Кину спросил не просто так. Здесь все было как-то не так, как должно быть. Понятно стало теперь, что имел в виду Андрей, говоря, что здесь "страшно". Перешагнув искрошенный временем каменный порог, Гэбриэл словно очутился в ином измерении, или в гулком подземелье, захлопнув за собой дверь. Зной, запахи свежесрезанной травы и июльского полдня, стрекот кузнечиков, птичий щебет и лошадиное фырканье исчезли, как отрезанные, так, что Гэбриэл даже недоверчиво оглянулся – но нет, за дверным проемом по-прежнему были лес и кони, щиплющие траву. А здесь не слышно было даже мухи, ощущение было такое, что они в огромном, пустом и холодном зале.

– Что за фигня? – Спросил он вполголоса, и под несуществующими сводами зашептало, зашелестело вкрадчивое эхо. В тот же миг с треском и хлопаньем крыльев, с оглушительным карканьем, сорвалась и пролетела мимо них невидимая воронья стая. Гэбриэла даже обдало ветром и запахом птичьих гнезд. От неожиданности он вскрикнул и крепко выматерился, а Кину повелительно воскликнул:

– без фокусов, Юхан!

– А чем плохи мои фокусы? – Услышал Гэбриэл скрипучий голос, чуть не подпрыгнул от неожиданности, разворачиваясь и хватаясь за рукоять Виндсваала. И лишь опустив глаза к полу, увидел карлика с маленькими слезящимися глазками, в нелепой шапке с завязками, с огромным носом и тонкими кривыми ножками. Вместо одежды на карлике было какое-то еще более несуразное, чем шапка, тряпье. К бедру, точнее, к тому месту, где у нормально существа должно было бы находиться бедро, карлик прижимал большой кошель, в котором порой что-то нежно позвякивало. Ростом он едва доставал Гэбриэлу до бедра.

– Хи-хи! – Он ткнул в бок Гэбриэла длинным узловатым пальцем. – А я знаю тебя, эфеб, хи-хи-хи!

– Какого хрена?! – Как всегда, от испуга Гэбриэл разозлился.

– Одна моя знакомая греховодница очень уж хотела заполучить тебя себе, но цена оказалась непомерной, хи-хи-хи! Коли уж идти против того, кто так силен, так не задарма же!

– Что ты несешь?! – Отстранился от него Гэбриэл. От карлика несло плесенью и гнилью, а эфебом в глаза Гэбриэла называла только дама Бель. Все это разозлило графа Валенского еще сильнее.

– Я бы объяснил, но не задаром, нет-нет, не задаром! – Задрал нос карлик. – Одно маленькое...

– Я сказал: – голос Кину стал ледяным, – оставь свои фокусы!

Гэбриэл впервые видел Кину таким разгневанным, и словно впервые до него дошло, что его родственник, спутник и наставник – не абы кто, а настоящий король, древний, как само время, величественный и властный. Карлик сбавил тон, слегка даже струхнув – это чувствовалось, не смотря на всю его бравату, – и стал даже чуть меньше размером, заметно съежившись.

– И что же угодно королю, – спросил он смиренно, но не без затаенного злорадства, – если не моих фокусов?

– Со мной Хлоринг, – сказал Кину по-прежнему холодно, – который имеет право на клад Старого Короля.

– Ах! – Красные слезящиеся глазки карлика вспыхнули злобными огонечками. – Вон, вы куда метите?! О цене напоминать излишне, король, нет? Плата Ключнику священна!

– А ты не мечтал бы наложить свою когтистую лапку на часть его сокровищ, нет? – С издевкой спросил Кину. – Вот тебе и плата.

Алчный огонек в маленьких глазках вспыхнул ярче.

– Пепельные алмазы. – Сказал он, не в силах скрыть охватившее его вожеление, больше похожее на похоть, настолько, что Гэбриэла передернуло. – Пять пепельных алмазов, пять! Маленьких, хорошеньких алмазиков! – Он облизнулся длинным, узким, ядовито-красным языком, и Гэбриэлу почудились волчьи клыки за его бескровными узкими губами. – И я, так и быть, открою тебе дверь в оплот Старого Короля!

– Один пепельный алмаз. – Возразил Кину. – И считай, что это неслыханная щедрость с нашей стороны.

– Ах, вот как?! – Зашипел карлик, и Гэбриэл увидел, что ему не показалось: во рту карлика и впрямь волчьи клыки, меж которых, в пене слюны, вращается кончик омерзительного языка. – Щедрость! Вот как, вот, значит, как?!

– Ты знаешь меня, Юхан. – Отрезал Кину. – А я знаю тебя. Не забыл? Я ЗНАЮ тебя.

– Конечно, знаешь. – Карлик весь сжался, в голосе появились одновременно и смиренные, и исполненные ненависти нотки. – Ты король трех миров, владыка Белой Башни, твоя власть велика. Один ничтожный пепельный алмазик, ОДИН, ах, это так щедро! А юный принц понимает, на что идет?.. Ах, что это я! Все в твоей власти, ты все знаешь, все предвидишь, что это я, конечно, да...

– А ничего, что я рядом стою? – Не сдержался Гэбриэл. – Я вам как, не мешаю?

– Я говорил тебе, что клад Драге Урда принадлежит его победителю, Карлу Хлорингу, или его потомкам. Это неслыханные сокровища. – Сказал Кину сухо.

– Да, я помню. – Хмыкнул Гэбриэл. – И что дело за малым: найти и взять.

– Юхан – Ключник. Он открывает двери между мирами. За оговоренную плату он откроет для тебя дверь в пещеру Драге прямо отсюда. Даже малой части золота, что там лежит, хватит, чтобы купить все корабли и всех наемников Острова пожизненно. Камни из драконьей пещеры стоят еще дороже золота. Легендарные же пепельные алмазы вообще бесценны.

– А как я их найду?

– Ты законный владелец клада... Подумай о них, позови мысленно, и они сами покажутся тебе. Драконьи камни – особые, в них особая сила. Рубин в кольце Алисы – тоже из драконьего клада.

– А насчет того, понимаю ли я, все такое... Это чего?

– Ты справишься. Я тебя знаю.

– Да-да-да... – Протянул Юхан, облизываясь. – Хорошо, когда кто-то все знает, да-а, хорошо!

– Хватит паясничать, Юхан, открывай дверь! – Приказал Кину.

– Повезло засранцам. – Узнав последние новости, заметил герцог Далвеганский, имея в виду Хлорингов. – Черт им ворожит, что ли?

– Повезло? – Нахмурилась Анастасия. – Прости, дядя, но что такого? Они в осаде, их могут убить!

– Они по всему Междуречью болтались, как два щенка лопоухих по загону с волками. – Хмыкнул герцог. – И отделались тем, что в крепости заперлись. Конечно, повезло. – О том, что один из братьев ускользнул, в остальном Междуречье не знали, корнелиты не докладывали об этом никому, осажденные – тем более. Не знал пока и герцог Далвеганский.

– А может, про Стража все правда? – Нервно поежилась Анастасия. Она, как повелось после ее драматического возвращения в Клойстергем, ужинала с герцогом. – И им ворожит он?

– Чушь. Сверхъестественное не существует, Анастейша. Призраки, духи, баньши и прочие тролли – это больная людская фантазия. Люди, ребенок, вот худшие монстры на свете! Они гораздо кровожаднее вампиров, поганее гоблинов и злее драконов.

– А эльфы?

– А что в них сверхъестественного? Что, они молочком писают или бабочками пукают? Или, напротив, огнем дышат и дым из жопы пускают? Нет, ребенок. Они всего-навсего дольше живут и иначе выглядят, но они такие же, как мы, в том смысле, что у них красная кровь и их можно убить обычным оружием, не каким-то волшебным.

По бледному, осунувшемуся лицу девушки скользнула тень усмешки. Утрата страшно подействовала на нее, по сути, смерть Вэла разметала ее жизнь в клочья. И теперь из этих клочьев на оставшуюся целой жесткую основу нарастала новая Анастасия. Ее порыв, побудивший ее все бросить и попытаться отомстить отцу, не только спас ее в минуты страшного отчаяния, но и придал ей веру в себя, даже некоторую самоуверенность. Дядя совершал остальное. Человек жесткий, умный и свободный от предрассудков, он рад был увидеть в племяннице наследственные ум, дерзость и способность действовать и смело, и рассудительно. Какой парень на ее месте сумел бы сбежать из монастыря и добраться через половину Острова в другое герцогство, не зная ни дороги, ни людей, ни мира за стенами монастыря?! А что не парень... так и что? Для герцогини и королевы это не недостаток. И Титус Сулстад, не обращая внимания на гневные попреки брата и его требования наказать "Неблагодарную" гадину, предоставил племяннице полную свободу, обедал и ужинал в ее обществе, с удовольствием убеждаясь, что Анастасия умна, беспринципна, точно так же, как и он, презирает предрассудки и готова с легкостью нарушить любое табу и поступиться любой добродетелью. Герцог Далвеганский считал эти качества признаками истинного величия, тем, что и делает человека достойным власти, ставит его на недостижимую высоту. Он с удовольствием начал пестовать в племяннице ее нарождающуюся самоуверенность и поддерживать ее цинизм. О его малолетних любовницах она недавно узнала, но отнеслась к этому спокойно. Дядя успел так очаровать ее, что девушка уже готова была оправдать любой его грех. К тому же, это, все-таки, было не то, что грех ее отца, о котором она пока даже просто подумать не могла без содрогания.

О чем она не знала – никто не знал, – так это о том, что герцог скопец. Анастасия знала, что отвратительный человечиска, к которому она с первых секунд почувствовала глубочайшее презрение, готовит какое-то лекарство для дяди, но полагала, как и все, что это от его болезни, настигшей его совсем недавно. Его мучили одышка и изжога, часто настигали изнурительные сердцебиения; он то по нескольку дней не мог облегчиться, то начинал мучиться жесточайшим поносом. Порой его бросало в жар, охватывала слабость, тошнота и рвотные позывы, он постоянно и очень сильно потел, и запах пота стал как-то по-особому неприятным. Доктор осторожно посоветовал ему отказаться от некоторых продуктов и вообще есть поменьше, но получил только проклятия, угрозы и требование лекарств. Снадобья Доктора помогали, но ненадолго, и с каждым новым разом становилось все хуже.

Сам Сулстад считал – и был не так уж и не прав, – что всему виной то, что с ним сотворили по приказу Хлоринга. А прав он был в том, что огромный стресс, пережитый им, явился спусковым крючком для давно зревшей болезни, заставив ее развиваться со стремительной силой. И нравственные муки не ослабевали ни на миг. Поэтому он думал столько о мести... И поэтому так тянулся к Анастасии – болезнь сделала его сентиментальным, заставила тянуться к единственному родному существу, которое не осуждало и даже любило его. Анастасия искренне переживала о его здоровье, и ему это было, что ни говори, приятно.

– Все равно Хлорингам не вывернуться. – Ковыряясь в мясном рагу, вдруг заметила она. – Все против них. Ну, и что, дядя? Это ведь хорошо для Бергстремов, не для нас.

– Я бы не был так уверен насчет Хлорингов. – Герцог пососал хрящик, бросил его псу, такому же толстому старому мастиффу, который сначала долго обнюхивал подачку, и лишь

затем осторожно съел. – Могут и вывернуться, и для нас, ты права, так будет лучше. Но и в другом случае мы не прогадаем. Нет, Анастейша, не прогадаем.

– Не понимаю?

– Рон женится на девчонке Еннер и станет хозяином Северной Звезды и эрлом Северного Междуречья, от Фьёсангервена до Анвила. Если Бергстремы воспользуются тем, что, как им кажется, само плывет им в руки – убьют мальчишек, и сошлются на корнелитов, – Рон Сулстад, и мы вместе с ним получим формальное право призвать их к ответу за это убийство.

– И встать на сторону Хлорингов?

– Формально – да, ребенок. Встать на сторону Хлорингов. – Герцог с самодовольным видом обгладывал очередной хрящик.

– Но, дядя... Я не понимаю...

– После смерти сыновей Гарольд Элодисский – человек конченный. Что у него останется? Бездетная сестра-королева и племянница? Да прижитая невесть от кого бастардка-внучка? И удар, который, не случись он сам по себе, можно и ускорить, у меня есть отличный медикус для этого.

– Понимаю... – Анастасия забыла о еде, охваченная восторгом от понимания. – Бергстремы избавят нас от Хлорингов, Рон – от Бергстремов... И вы женитесь на Габриэлле, и никто на свете не упрекнет вас в кознях против Хлорингов.

– Бергстремы, – герцог бросил очередной хрящик псу и шумно перевел дух, – сами вырыли себе могилу. Да еще и легли через нее, став для меня мостиком к цели. Да, у меня еще недавно планы были иные... но запомни, ребенок: ты должна и можешь строить далеко идущие планы, и это могут быть чертовски хорошие планы, но не цепляйся за них слепо и тупо. Всегда держи глаза и уши открытыми, и не пренебрегай ничем. Изучай людей, изучай ситуацию, и будь всегда готова извернуться в прыжке, как кошка. Ситуация меняется каждый день, и каждый миг вносит коррективы в твои планы, может даже в корне поменять их. Держи в голове главную цель и следи за ситуацией. Информация – вот твой бог! Быть в курсе всего и вовремя – вот главное, а не планы и интриги. Уничтожить врага – это приятно. Но куда приятнее воспользоваться врагами. И следить, хихикая, как они сами ведут себя к гибели, а тебя – к цели.

– А если Хлоринги выживут и уничтожат Бергстремов?

– Вряд ли. Но если уничтожат, это тоже прямая выгода для нас. Они избавят нас от Бергстремов, и начнут конфликт с Роном.

– Почему?

– Они не простят ему Еннеров, и не поверят в то, что их девка идет за него добровольно. Мы будем вынуждены вступить за Рона, ведь он Сулстад.

– И тогда война?

– Да, ребенок, война. Честная, открытая, выгодная нам. У Хлорингов не будет в этой войне могущественных союзников – с Эльдебринками они и так в контрах, а если спросят напрямую Бешеного Зубра, откуда среди корнелитов анвалонские наемники – а они спросят, – этот вопрос приведет его в ярость, я хорошо его знаю!

– А у нас будут союзники?

– Будут. – Подмигнул ей герцог. – Скоро я встречаюсь с новым командором Иоаннитов. Я кое-что знаю, и это знание поможет мне договориться с Римом.

– Значит, война все-таки будет?

– да, Анастейша. Ничто и никто ее не остановит – ни Бог, ни королева и ни герой. Ее остановлю я – когда случится все то, что должно случиться. И стану королем этого Острова.

– Ты будешь хорошим королем, дядя. – Убежденно произнесла девушка, глядя на него влюбленными глазами. – Лучшим в мире!

– А эти Хлоринги-то, – сыто рыгнув, громко заметил один из посетителей сандвикенского трактира "Очаг и свеча", – братцы-чельфяки-то эти, как есть, сквернавцы, содомиты и богохульники великие! Людишки болтают, что они в Великую Ночь такое промеж собой и с эльфами вместе вытворили, что кто видел – поседел совсем, а то и ума лишился. Теперь вот на Север убралась, а туточки нечисть вся осталась! Слышали поди, что творится-то на этом свете, что в Пустошах-то делается? На руках волосы, и то дыбом! А с чего все началось? А с того, что братовья-чельфяки возвратились домой. До того все здесь спокойно было!

Трактир был солидный, кого попало сюда не пускали, и хозяин с недовольством поглядывал на говорунов. Выглядели они прилично, платили щедро, но болтали такое про принцев крови, а это ведь...

– Измена это, вот что. – Прошептал его брат, вместе с которым они вот уже много лет содержали трактир. – Государственная измена. Воля твоя, ты старшой, но доложить следует. Не то иные доложат, и пойдем, как соучастники.

– Выставим, но вмешиваться и связываться не будем. – Так же тихо возразил брат. – Сам говоришь: дело государственное, за ними и нас потянут, а там докажи, что ни при чем!

– Уродцы и умертвия всякие – дела ведьмы Барр. – Недовольно произнес один из посетителей. – А сэр Гэбриэл, о котором вы скверные и изменнические речи здесь ведете, чудов этих резал, да и герцог Элодисский, едва вернувшись из-за моря, Дикую Охоту изловил и на колья посадил. Спокойно было, говорите? А Дикая Охота, по-вашему, что такое было?!

– А стоило им уехать, как ведьма и затеяла дела свои чародейские. – Поддакнул другой посетитель. – Но ничего, вернутся Хлоринги!

– Ожидайте, ожидайте. – Скривился пришлый оратор. – Если только вернутся они...

– Шли бы вы отсюда, по-хорошему. – Негромко произнес брат трактирщика, склонившись к их столу. – Чтобы не пришлось стражу звать.

– Заячьи душонки вы, вот кто! – Воскликнул говорливый гость, хлопнув кружкой по столу. – Знаете, что мы правду говорим, только королевы да стражи боитесь! В Междуречье народ-то посмелее вашего будет, поднялся да и проучил всяких-разных, а вам только и сидеть в болоте своем, да по-жабьи квакать... – Он вдруг странно крикнул, скосив глаза к переносице, где словно сам собою появился темный предмет, похожий то ли на гвоздь, то ли на небольшой арбалетный болт. Не успел он упасть, а посетители – понять, что произошло и отреагировать, как в переносицу второго говоруна вонзился с еле слышным звуком второй такой же предмет. И никто даже не понял, откуда прилетел этот предмет, кто его кинул, или им выстрелил? Все оглядывались в страхе и смятении, с подозрением глядя друг на друга, и не доверяя никому. Правда, вот только на священника с приятным и невыразительным лицом, который тоже стоял и оглядывался со всеми, никто с подозрением глянуть и не подумал.

Гэбриэлу было ужасно любопытно, как будет открывать некую дверь Юхан. Ему представилась дверь в кирпичной стене, возникшая по волшебству, но все оказалось еще волшебнее: воздух прямо перед ним засеребрился, замерцал, и превратился словно бы в овальное зеркало, но отражались в нем не внутренности Дунькиной Башни, а какое-то длинное, узкое, невероятно высокое помещение, которое пронзали падающие слева и сверху косые лучи света. И в свете этом стены помещения мерцали и искрились. Карлик сделал приглашающий жест, и Гэбриэл протянул руку, ожидая встретить сопротивление холодного стекла, но рука не встретила никакой преграды. Преодолевая сопротивление всех своих чувств и инстинктов, Гэбриэл набрал в грудь побольше воздуха и шагнул в драконье логово.

Кину как-то говорил, что драконье золото образуется от трения чешуи дракона о породу, из которой сложена его пещера, а камни – от драконьего жара, когда дракон, расширяя свое жилище по мере своего роста, выжигает его своим пламенем. Не случайно среди драконьих камней так много сапфиров, чей цвет напрямую зависит от нагрева – чем горячее, тем голу-

бее. В пещере, которая не одну тысячу лет служила жилищем старому, огромному дракону, стены были гладкими, оплывшими, как стекло, и мерцали позолотой с вкраплениями разноцветных искр. Золото и камни лежали у стен, как в иных помещениях лежат пыль и мусор. Местами Гэбриэл угадывал извилистый след драконьего хвоста – с тех пор, как Карл Хлоринг, предок близнецов, убил Драге Урда, ни одна душа не потревожила покой этого места, и здесь еще чувствовались дух и мощь его обитателя. Очарованный мерцающей красотой, Гэбриэл, забыв обо всем на свете, медленно шел вперед, хотя мог набрать золото и камни прямо здесь, пока не очутился подле драконьего ложа. Урд почивал на грудах золота и камней, среди золотых колонн, и Гэбриэл, медленно поворачиваясь вокруг себя, с благоговением рассматривал все, что попадалось в поле его зрения. Порой он замечал следы когтей и другие свидетельства драконьего присутствия, и величие, мощь древнего зверя, тишина все еще ожидавшей его пещеры начали давить на Гэбриэла, гнать его прочь – и хрен с ним, с золотом! Ему захотелось бегом броситься назад, не останавливаясь, выскочить из башни вон и умчаться в Валену. Желание было таким сильным, что Гэбриэл, борясь с ним, прикрыл глаза и представил себе брата. "Испугался? Ты?! – Не поверил Гарет. – Ты ж у меня дурилка бешеная, таких ничем не проберешь! Ну же, я же с тобой!". И Гэбриэл, чувствуя, что брат в самом деле с ним, перевел дух, подумал о пепельных алмазах и открыл глаза.

И камни отозвались! Окружающее сияние как бы померкло, зато пять темных звездочек загорелись ярче, притягивая взгляд. Это было так необычно и здорово, что Гэбриэл подумал о своем Солнышке и о камнях для свадебного убора. И тут же стал обладателем трех больших и пяти маленьких розовых алмазов. Увлечшись, он принялся искать камни для брата, для Вэнни, для Марии, для Мириэль... Мириэль достался большой прозрачный камень, названия которому Гэбриэл не знал, но, видимо, о королеве эльфов он подумал зря – пещера отозвалась вдруг странным, чуть слышным гулом и вибрацией. Струхнув, Гэбриэл поспешно нагреб в седельные сумки зернистого золотого песка. Алчность была ему чужда, и он не стремился набрать как можно больше, напротив, взвесив сумки и решив, что они слишком тяжелые, Гэбриэл немного отсыпал обратно. И едва он сделал это, как по пещере словно бы вздох пронесся... Подспудно ожидающий этого, Гэбриэл почувствовал, как его внутренности ошпарило одновременно и льдом, и огнем. Изо всех сил борясь со своим страхом и стараясь не бежать, он сделал пару шагов в сторону выхода, споткнулся, упал на одно колено. Пещера качнулась, Гэбриэл вдруг ощутил себя раздающимся вширь и ввысь, полным неслыханных силы и ярости. А снаружи раздался слитный рев такой мощи, что пещера задрожала сильнее, посыпались камешки... Тут уж Гэбриэл плюнул на гордость и как заяц драпанул к зеркальной "двери". Буквально выпав в Дунькину Башню, к ногам Кину и Юхана, он упал на четвереньки, и его вырвало. Все продолжало качаться, сам он – пухнуть изнутри, в ушах стоял рев драконов, сквозь который бился крик Гарета: "Младший, что с тобой?! Ты где, Гэйб, ты где?!".

– Смотри на меня! – Кину с силой сжал его голову в ладонях. – Смотри мне в глаза, слушай меня, одного меня! В глаза мне смотри!!!

Гэбриэл, зрачки которого плясали в расширившихся глазах, становясь то вертикальными, то снова круглыми, наконец поймал взгляд Кину, сосредотачиваясь на его голосе. И постепенно бешеная пляска его зрачков утихла, гул и рев отдалились и смолкли, качка утихла.

– Вот так... – Кину отпустил его лицо, погладил по голове. – Все хорошо. Все хорошо. Держись за меня. Поднимайся.

Гэбриэл хотел спрашивать, но лишь открывал и закрывал рот, не в силах издать ни звука и в ужасе чувствуя, что забыл, как нужно говорить, не помнит ни одного слова. Цепляясь за эльфа, кое-как поднялся на дрожащие ноги, и Кину обнял его, прижимая к себе. Гэбриэла все еще мучило, внутри все тряслось, ноги подкашивались. "Что это было со мной, интересно?" – Мелькнуло в голове, и он чуть не заплакал от радости: оказывается, он помнит слова и гово-

рить не разучился! И поймал цепкий взгляд карлика, одновременно и злорадный, и разочарованный.

– Скажи ему, король. – Проскрипел Юхан. – Скажи, не томи его!

– бери свою плату и проваливай! – Яростно огрызнулся эльф. Гэбриэл, отстранившись, достал из кармана темный алмаз.

– Что там было? – Спросил хрипло. – Я чуть не обоссался впервые в жизни от страха...

– Драконы приветствовали тебя, хи-хи-хи! – Карлик облизнулся, весь дрожа, не сводя глаз с алмаза. – Дай мне его скорее, дай! Мой хороший, хороший, МОЙ!!!

Но Гэбриэл сжал кулак, и карлик завизжал:

– Отдай! Это мое, это моя плата! Нельзя лишать Ключника платы, смерть преступнику, смерть! Скажи ему, король!!!

– Это верно. – Неохотно произнес Кину. – Лишать оговоренной платы Ключника нельзя, это закон, и он древнее самого Острова.

– Я не собираюсь его лишать платы. – Гэбриэл быстро приходил в себя и возвращал уверенность. – Но пусть скажет! Я должен понять, что произошло.

– Один маленький розовый алмазик в придачу к пепельному, – облизнулся карлик, – и я все расскажу сиятельному принцу...

– Я сам расскажу все своему племяннику. – Возразил Кину. Гэбриэл бросил Юхану алмаз, и тот впился в него, воркуя, облизывая, поднося его к глазам и чуть не плача от вождления и удовлетворения. А Кину заговорил сухо, словно торопясь отбыть неприятную повинность:

– Я уже говорил, что в драконьих сокровищах заключена страшная сила. Если ты не подчинишь их своей воле, они подчинят тебя себе. И ты уже никогда не выйдешь из этой пещеры. Превратишься в низшего серого дракона, который будет сторожить эти камни и золото, пока не умрет.

– О-о-о, какое лицемерие! – Пропел Юхан. – Ни слова лжи, но какая неправда!..

– И ты меня не предупредил? – Напрягся Гэбриэл.

– Я знал, что никакой опасности для тебя нет. Ты не алчен и не труслив.

– О-о-о-о! – Закатил глазки карлик и пустился в какой-то странный, дерганный, парали- тический пляс.

– Хватит! – Взорвался Гэбриэл. – Я хочу знать, что происходит! – Он снова сунул руку в карман. – Розовые алмазы не для тебя. – Он вынул руку, встряхнул ладонью, рассматривая вынутые камни. – Но вот этот карбункул, пожалуй, я мог бы тебе отдать. – Он показал карлику крупный кроваво-красный камень, который взял для себя. – За ВСЮ правду обо мне и этой пещере.

– Не стоит! – Быстро сказал Кину.

– Может, и нет. – Согласился Гэбриэл. – Даже скорее всего – нет. Но плата уже назначена. Как насчет Ключника? Должен ли он отработать плату полностью?

– У Бьерга Черного, сына Тора, было три сына. – Облизнувшись на камень, произнес карлик. – Двух сгубило проклятие Стража, остался один. Прекрасная Дрейдре спасла Хлорингов, родив Карлу сына... одного сына.

– Я знаю. – Хмыкнул Гэбриэл. – "История Нордланда и Хлорингов", первая книга, вторая глава.

– Прекрасная Дрейдре, – карлик аж причмокнул на слове "прекрасная", и Гэбриэла передернуло вновь, – была оборотнем, Белой Волчицей. Превращалась в белую большую собачку и бегала по лесу, кроликов кушала, олешков, человечков всяких... да-а-а-а. Все Хлоринги до единого, живущие ныне – только ее потомки, и во всех есть такие маленькие, такие невидимые, такие крошечные частички оборотня, во всех до единого, да-а-а! Но чтобы Хлоринг стал оборотнем, нужно, чтобы эти маленькие частички со стороны отца спарились с такими

же крохотными частичками оборотня со стороны матери, и тогда, хи-хи, родится огромный могучий зверь, хи-хи-хи-и-и! – Карлик зашелся в кашле, а Кину рывкнул вне себя:

– Лара не была оборотнем!

– Но король драконов, чью кровь вы выпили – был. – Карлик бросил придуриваться и произнес это четко, низким, значительным голосом. – Это был КОРОЛЬ драконов. Его кровь – не водица, Владыка Белой Башни. О, нет! Его кровь объединилась в крови юного принца с кровью Белой Волчицы, и кто в итоге получится, волк, или дракон, не знаю... Кого ты видел в его глазах, когда драконы ревели, приветствуя своего сородича и брата?

– Довольно! – Сдавленным голосом оборвал его Кину. – Держи! – Забрав из безвольных пальцев ошарашенного Гэбриэла камень, он швырнул его Юхану, подхватил сумки и, ухватив племянника за плечо, повлек его к выходу.

Выйдя наружу, и ощутив вновь все запахи и солнечное тепло, и услышав все положенные в лесу звуки, Гэбриэл присел на камень. Его потряхивало, каждая жилочка в теле тряслась, причем каждая – сама по себе. Пекло июльское солнце, но Гэбриэлу было холодно.

– И кто я? – Спросил он у эльфа. Тот, отойдя к краю обрыва, над которым стояли руины башни, заложил руки за спину и смотрел на море. При звуке голоса Гэбриэла чуть дрогнул, опустил голову ниже, но не ответил и не оглянулся. Гэбриэл встал, игнорируя дурноту – он и не такое научился игнорировать в свое время, – подошел к эльфу.

– Значит, во мне сидит все-таки дракон. – Произнес не без вызова. – Ненавистная тебе тварь.

– В этом нет твоей вины. – После мучительной паузы возразил Кину, но опять не обернулся.

– Спасибо и на этом. – Гэбриэл начинал злиться. – Нет, я серьезно. Спасибо и на этом. Интересно, а почему вы об этом не подумали, когда глотали кровь этого самого...

– Мы глотали кровь этого самого, – развернулся Кину, глаза его сверкали почище, чем у Гэбриэла, красивое лицо, не изменившись ни одной черточкой, стало жутким, – стоя на сожженной земле Альвалара, политой кровью эльфов, людей и драконов! Если бы не это, драконы, опомнившись, ринулись бы мстить за своего короля, и тогда не осталось бы ничего и никого живого! И да, ты сейчас меня этим бы не попрекнул! Да, я ненавижу драконов, они наши враги, естественные, вечные, лютые враги! А меру их ненависти ты сам знаешь, тебе рассказал твой ассасин, что они заказали твою гибель!

– Сейчас речь не о них. – Тихо сказал Гэбриэл. – А обо мне. Я не хотел этого и для меня это так же, словно обухом по голове. Меня до сих пор всего трясет. Что мне делать? Мне, и брату, ведь он такой же, как я?

– Я не знаю. – Кину отвернулся. – Я не только твой наставник, я твой дядя. Я люблю тебя, Сетанта Ол Таэр. Мне тоже трудно осознать и принять то, что мой любимый племянник – потенциальный дракон. Я видел дракона в твоих глазах, самого ужасного из них, черного. Мне надо это пережить.

– Я тоже... – Гэбриэл запнулся. – Мне тоже... – Слова не шли из него, застревая в горле. – Мне не все равно, что ты чувствуешь. Если бы я мог убить этого дракона в себе, я сделал бы это для тебя.

– Не нужно. – Смягчился Кину. Подошел, положил руку на плечо. – Не казни себя, тебе не в чем каяться и не за что извиняться. Ты таков, какой есть, и дракон в тебе – это часть тебя самого. Кто знает, может быть, именно благодаря ему ты такой? Твоя нереальная сила, твое мужество, твоя выносливость превосходят все, что свойственно людям, эльфам и даже полукровкам, а вот драконам свойственно вполне, даже в облике двуногого. Каюсь, я порой думал об этом и боялся этого. Я хотел проверить... Убедиться. Деньги можно было достать и иначе... Но я устал бояться и сомневаться, поглядывать на тебя с неуверенностью и подозрениями.

– Так это проверка была... – Хмыкнул Гэбриэл, не в силах избавиться от неприятного чувства. – Но ты же продумал, что делать будешь, если убедишься?

– Я надеялся, что не прав. До последнего надеялся. А что бы чувствовал ты? Что чувствовал бы ты, окажись, к примеру, кто-то, кого ты любишь, кто тебе безгранично дорог, связан родственными или иными узами с твоими врагами, с Красной Скалой?

Гэбриэл промолчал, подумав, что даже представлять этого не хочет. Довольно с него и дамы Бель.

– Предвзятость и ненависть к расе в целом – это качество людей, не Старшей Крови. Я давно перестал напоминать себе об этом, и к чему я пришел?.. Как Тис, я ослепил себя собственной ненавистью. Прости мне мое смятение. Мы разберемся с твоим драконом и с тем, как тебе с ним жить. Вместе.

– Фу-у, – выдохнул Гарет, плеснув себе в лицо водой. Он тоже понемногу успокаивался. – Куда ж он влез-то, а, дурилка бешеная?!

– Ваш брат, милорд? – Матиас стоял рядом, с водой и полотенцем наготове. – Как он?

– Он только что, – Гарет вытерся полотенцем, все еще тяжело дыша, – так испугался, что я тоже чуть не обделался. Чтобы его так испугать, это я не знаю, что должно на него навалиться, но у меня осталось ощущение, дурацкое, конечно, но... что я слышал рев драконов.

– Опять?! – Поразился Матиас.

– Да, снова. – Гарет перевел дух, прислушиваясь к своим ощущениям. Брат успокаивался, ускользал, их связь таяла, как всегда, когда кризис миновал. – Мне даже казалось, что он меня звал, и, merde, этот драконий рев у меня так и стоит в ушах.

– Не приведи, Господь. – Поежился Матиас. – Только где он мог с драконами столкнуться, не в Лиссе же?

– Хрен его знает, куда эта дурилка бешеная отправилась! – Гарет успокоился и разозлился. – Где его демоны носят, чего ищут?! Он ведь на все способен, – произнес ожесточенно, – вообще на все! Хрен угадаешь... А ты сиди тут, как крыса на сырной голове, ногти грызи и гадай, что он отчебучил, и что тебе рикошетом прилетит... и обо что!.. Ну, вернется, встретимся, я ему... рожу набью, вот не сойти мне с этого места!

– Сами же, милорд, в синяках и будете... – Хмыкнул Матиас, и получил тычок под ребра:

– Поговори мне еще!

В Гармбурге ранним утром причалил корабль из Англии, с которого высадились в порт худощавый смуглый валлиец с голубыми глазами и его люди – четыре сотни одетых в легкие кольчужные и кожаные доспехи молодцов с большими английскими луками и короткими мечами. Валлиец принялся расспрашивать местных, не говорит ли кто по-английски, нашел толмача и заявил ему:

– Я Джек Грайс, прислан моим принцем, Джоном Ланкастером, в помощь его другу, Гарету Элодисскому, или как там называется ваше герцогство? Где мне его найти? Мне сказали, что их светлость в этом городе с ужасным названием.

– Их высочества направились в Замок Зеленого Леса, охотиться на зубра. – Ответил переводчик, мастер одного из кожевенных цехов. – Вон замок, это Воронье Гнездо, оплот брата его светлости, эрла Валенского, там вам будут рады.

К счастью и для Грайса, и для обитателей Гнезда Ворона, управляющий Уэст хорошо говорил по-английски, он был из старой английской семьи, в которой не забывали свои корни и свой язык. Он познакомил Грайса с Гейне, который места себе не находил от беспокойства, проклиная себя за то, что отпустил патрона с малым числом, в то время, как отовсюду доходят слухи один другого противоречивее обо всяких мятежниках и врагах Хлорингов. На намек по поводу малого числа посланных бойцов Грайс фыркнул:

– Мои йомены – лучшие в подлунном мире, таких молодцов вы больше нигде не найдете! Каждый попадает со ста шагов в центовую монету против ветра, а каждый следующий попадает в стрелу предыдущего! Это вам не кто-нибудь, это английские лучники!

– Сегодня-завтра мы ждем его высокопреосвященство и королевского маршала мессира Кюрмана, они должны подойти с основными силами Хлорингов и гвардейцами ее величества. Заодно должны вот-вот прибыть гонцы из Зеленого Леса с приказами от его светлости. Хотя я рискнул бы, и, не дожидаясь, направился бы в Зеленый Лес уже сейчас. Не спокойно у меня на душе. – Признался Гейне.

– Что ж, мои молодцы с вами. – Согласился Грайс. Подобно многим островитянам, он считал, что разборки местных – это мелкие, провинциальные дела, с которыми они, бравые английские молодцы, разберутся одной левой. Не представляя величину Острова на самом деле, он полагал, проплыв на морском корабле от Элиота до Гармбурга, что уже видел весь Остров и нашел его небольшим, симпатичным, провинциальным и довольно веселым. Как и большинство европейцев, впервые попадающих сюда, он считал разговоры об эльфах занятыми байками, и весело смеялся, когда ему рассказывали, как эрл Валенский убил дракона. Во что только не верят эти провинциалы!

– Смейся, сударь, смейся. Вот увидишь первого остроухого, собственный язык проглотить. – Пообещал ему Уэст. На следующее же утро четыре сотни англичан и две с половиной сотни наемников под командой Гейне выступили в сторону Зеленого леса. Немецкие наемники и нордландские копыеносцы ехали верхом, англичане дружно шагали в арьергарде и пели слитными мужественными голосами печальную песню, в которой старый отец рыдал над телом мертвого сына, павшего геройской смертью на поле брани. Местные останавливались, встречая их на дороге, отходили и отъезжали на обочины, и провожали глазами незнакомые броню и знамя. Крестьяне оставляли свои бороны, косы, грабли и тяпки, выпрямляли усталые спины и смотрели из-под руки на сверкающие металлическими частями доспехи, каски и шлемы, на лоснящихся лошадей. Сюда уже дошли обрывочные и не всегда правдивые слухи о корнелитах и их зверствах, и бойцов, направляющихся в места, где те самые корнелиты лютовали, провожали со смешанными чувствами. Маловато как-то бойцов-то будет... А с другой стороны, корнелитов-то поди тоже немного, откуда им много взяться-то?.. Самая страда, и урожай нынче такой богатый, что воевать-то?!

– Успокойся. – Барр ласково коснулась рукой руки Драйвера, но тот нервно отдернул ее:

– Успокойся?! Успокойся?! Ты понимаешь, что творится?! наших гостей убивают, уже одиннадцать убийств, Сандра, **ОДИННАДЦАТЬ!!!** Это все люди, которые несли нам деньги, взгляни, – он протянул ей руки, – манжеты истрепались, два перстня уже пришлось продать! Я оборванцем стану скоро, уже становлюсь!.. Свежего мяса нет, девок вообще не осталось, я такие унижения терплю от гостей каждый день, такие унижения, что хоть в омут головой, только бы избавиться от этого... – Он импульсивно закрыл лицо руками. Барр смотрела на него с жалостью и тревогой.

– Ну, прости. – Произнесла мягко, почти воркуя. – Я увлеклась нашими делами на севере. Что эта тварь, лечит мясо?

– лечит. – Неохотно ответил Драйвер, кусая ногти. – Хорошо лечит, не отнять. Почти, как Фриц Вонючка. Вот дрянь, а?! Никогда бы на него не подумал, только не на него, что он за моей спиной девку обучает!

– Он ее не обучал. Она научилась сама. – Рассеянно произнесла Барр, и Драйвер громко фыркнул:

– девка?! Сама?! Сандра, я тебя умоляю! Это тупое мясо на подобное не способно... Это скот, низшие твари... А ты понимаешь, какое зло – эта девка?! – Сменил он вдруг тон, глаза фанатично блеснули. – Глядя на нее, и мои питомцы, мальчики мои из Домашнего Приюта,

начнут думать, что девки – не такое уж и тупое мясо, что они на многое способны, вот, в чем самое страшное зло, вот, почему девку эту нужно уничтожить, уничтожить прямо теперь!

– Пока нельзя. – Сухо ответила Барр. Ей не особенно приятно было слышать от Драйвера его рассуждения о женщинах вообще. Да, тупое мясо, но не все же. Есть она, есть другие гордые и умные души, зачем всех под одну гребенку-то чесать? – Я хочу выманить обратно Фрица, он нам нужен, без него никак. Как только Вонючка вернется на Красную Скалу, мы избавимся от девки, и так, чтобы бездна содрогнулась. Она получит сполна за все.

– Хорошо бы. – Капризно фыркнул Драйвер, оправляя манжеты, и впрямь, не свежие и слегка потрепанные. – Пока ты даже Гелиогабала не нашла.

– Ошибаешься. – Усмехнулась Барр. – Я его выследила. Он в монастыре в Росной Долине, близ Кьелля. Мой подарочек ему уже отправлен, скоро он его получит.

– Правда? – Оживился Драйвер. – Что за подарочек? Крыса?

– Вроде того. – Барр встала из-за стола, потянулась, как кошка, разомлевшая у очага. – Боюсь, моя зверюшка наделает делов, прикончив нашего добросердечного епископа...

– Опять вель?

– Да, вель. – засмеялась Барр, и Драйвер тоже рассмеялся, подумав и представив. – Она сожрет весь этот монастырь, отложит кладки, и к весне по всей Росной Долине будут только руины и совы ухать по ночам... ТАМ же нет проклятого Хлоринга с его волшебным мечом. – Эти слова она произнесла, вновь ожесточаясь.

– Ты хотя бы видела его?

– Видела.

– И как он?

– А ты что, скучаешь по нему?!

– Поверишь, нет? Порой – да. – Вдруг признался Драйвер. – В нем что-то было, эдакое... Необычное. И притягательное. Если бы он не был Хлорингом, если бы его не нужно было убить во что бы то ни стало, он стал бы лучшим из моей Семьи. Он был... сильным. – Драйвер не сразу нашел нужное определение. – Ты ведь и сама это признавала. Ты же так и не смогла его сломать. Даже Аякс не смог... Кстати, куда он пропал?

– Твой распрекрасный силач его убил. – Скривилась Барр. – Не знаю, как, но я не смогла поднять тело. Оно не отзывалось на зов, видимо, гаденыш догадался его обезглавить и вынуть сердце. А скорее всего, его научила эта проклятая эльфийская ведьма.

– Почему ты не избавишься от нее?

– Она сильна. Слишком сильна в своем лесу. Выманить бы ее, как сучку Лару!

– А если ее убить?..

– И кто это сделает?

– Тот эльдар, как его? Которого я отправил в Пойму. Он отличный исполнитель, убийца от бога, ему плевать, кого, я прикажу, он и эльфийскую королеву положит.

– А это мысль... – Медленно, так и эдак просматривая в голове идею, заметила Барр. – Это злобная тварь, без мозгов и души, он ведь и в самом деле сможет... Но эльфы его уничтожат.

– Ну, и что? Он уже не нужен, всех его парней Хлоринги нашли и убили. Его и самого вот-вот поймут и убьют, пусть хоть полезное дело сделает напоследок.

– Но меня он не слушает, этот приказ должен отдать ему ты.

– Ну, так вызови его, ты же можешь.

– Могу. – Барр воспряла духом, на губах заиграла легкая полуулыбочка. – А насчет денег не волнуйся. Они вот-вот к нам рекой потекут. Я сделала для этого все, что требовалось, и даже более того.

Драйвер хотел спросить, что именно, и даже соорудил скептическое лицо, но тут, оборвав его, в дверь вежливо постучали, и мажордом объявил:

- Барон Гуннарсон, хозяин Лосинового Угла!
- А вот и наши деньги. – Усмехнулась Барр.

– То, что вы сейчас прочтете, – произнес герцог Анвалонский, обращаясь к трем своим старшим сыновьям, Эрику, Седрику и Хильдебранду, – должно быть тут же похоронено в ваших сердцах. Ни одна живая душа, помимо нас с вами, об этом знать не должна. Впрочем, прочитав, вы и сами так решите. Читай! – Он отдал письмо Эрику, и тот, хмурясь, развернул его, а герцог встал и прошелся по своему обширному кабинету. Прочитав, Эрик, бледный и ошеломленный, протянул письмо Седрику, но пальцы его дрожали и не хотели отпускать лист. Седрик и Хильдебрант, неразлучные погодки, которых многие принимали за двойняшек, принялись читать вместе, прильнув друг к другу рыжими головами, пока Эрик большими глотками пил портвейн.

– Когда я увидел лицо моего мертвого сына, – герцог всю ночь думал, как и что скажет, и теперь речь его лилась легко, – я был озадачен выражением его лица. Я его не понимал, и дух мой был страшно смущен этим. Я не мог смириться и молиться за упокой его души. Его лицо не шло у меня из головы, я его не понимал, и это тревожило меня. Это письмо помогло мне его понять.

– Но вдруг это ложь?! – Воскликнул Седрик. – Граф Кенка...

– ... здорово задурил всем головы. – Закончил его фразу, перебив его, Эрик. Он был умнее своих братьев, а порой соображал даже быстрее и яснее, чем отец. Телом и лицом он пошел в Эльдебринков, крупный, рыжеволосый, но характером и умом – в Стотенбергов. Когда герцог злился на него, то заявлял, что он – вылитый кардинал. – Кто-нибудь слышал о его фаворитках, любовницах, нет?.. Зато о том, что он посещает найнпортскую ведьму, знают многие. А теперь скажите мне, отец, Хил, зачем ему знать с ведьмой, повышающей мужскую силу, если бабы у него нет? – Эрик поднял руки. – И почему мы такие тупицы?!

– Верно, сын. И я об этом всю ночь думал. – Кивнул герцог. – Зато эта ведьма обитает слишком близко от извращенца и паскуды Драйвера, а тот мужеложец известный, нам это доподлинно было известно с Гарольдом Элодисским, но тот взял с меня слово молчать об этом.

– Но как это... – Седрик все не хотел сдаваться, – что, если... но тогда, значит, Вэл... сам? – Это он произнес шепотом, и повисла тишина.

– А что бы сделал ты, – нарушил долгое молчание Эрик, – если бы верил, как Вэл, восхищался, как Вэл, преклонялся и уважал, и столкнулся с его извращенством?

Герцог издал рычащий стон, порывисто шагнул в сторону, а Седрик прошептал:

– Черт... – Сник и тоже налил себе портвейна. Хильдебрант, тот уже пил, молча, бледный до того, что все веснушки ярко выделялись на его обычно румянном лице.

– И еще одно. – Герцог справился с собой, вернулся и сел во главе стола, – будь у вас брат, растлевающий пятилетних девочек, как поступил бы любой из вас?

– Застукал бы с девочкой – убил бы. – Хором ответили погодки.

– Начистил бы рожу и заставил уйти в монастырь. – Подумав, сказал Эрик.

– И по-любому отдалился бы от него, верно? – Герцог положил на стол тяжелые кулаки. – Но Кенка этого не делает, он верный брат.

– Потому, что сам извращенец и выродец. – Скривился Эрик. – А выродец выроodka всегда поймет. Что мы будем делать, отец?

– Сожги письмо, Хил. – Приказал герцог Хильдебранту. – Никто не должен знать о том, что там было написано. Ни одна частичка этой грязи не должна коснуться чистого имени нашего мальчика, и он не должен быть похоронен, как самоубийца, на перекрестке, с отрубленной головой. Но те, кто виновен в его гибели, должны поплатиться. – Он побагровел от долго сдерживаемой ярости, грохнул кулаками о стол. – Эта гнусная тварь и весь его род должны ответить! Мы сотрем Сулстадов с лица земли, и ангелы в небе... возрадуются!!!

- Война? – Встрепенулись погодки, словно старые боевые кони при звуке трубы.
- А причина? – Деловито поинтересовался Эрик.
- Нью-Нэш. – Лаконично ответил герцог. – И провокация.
- Это должна быть чертовски хорошая провокация... – Протянул Эрик.
- А на что тебе башка Стотенберга на плечах?! – Рыкнул герцог, вставая. – Думай! наших истинных причин ни одна душа не должна даже заподозрить!
- А что, если из-за Еннеров? Этот бастард Сулстадов...
- Он не их бастард, это сынок Антона Бергстрема, нагулянный от какой-то безродной девки. – Бросил через губу герцог.
- Но Кенка объявил его своим сыном.
- Забудь. Я думал об этом. Сюда первыми вмешаются Хлоринги, это их епархия. Вот если они потерпят крах, тогда другое дело, нам сам Бог велит. Но Гарольд постарается обойтись без войны любой ценой, нам это не надо.
- А Марк-то так и не нашелся. – Вспомнил Седрик. – Если этот хренов байстриук его тронул, нам никакая провокация не нужна!
- Типун тебе на язык, дубина! – Взорвался герцог. – Я не собираюсь терять второго сына! Ты – думай над провокацией, а вы, – он указал пальцем на погодков, – отправляйтесь в Сайскую бухту, и без Марка на глаза мне не показывайтесь!
- Когда едем?
- Вчера!!!

Портнихи, белошвейки и кружевницы Девичьей Башни трудились круглые сутки, не покладая рук, и двух дней не прошло, а Клэр появилась в саду Алисы преображенная настолько, что все ахнули, и сам Иво – в том числе. На тоненькой девочке все платья сидели великолепно сами по себе, а в Хефлинуэлле портнихи были прекрасные, и из кремового, белого и шоколадного эльфийского шелка и кружева сотворили шедевр. Кроме тонкого красивого личика и шелковистых прямых черных волос, у Клэр были маленькие изящные руки и ноги, настолько, что некоторые из девушек, кто не мог похвалиться этими модными частями тел, утратили часть своей обычной живости. А главное – рядом с Иво она смотрелась так, словно была его продолжением. В них было столько общего, не смотря на разницу в росте, сложении, цвете волос и глаз, что казалось – их создавали именно друг для друга, по какой-то единой мерке, имея в виду именно пару, а не двух отдельных особей. Острее всех это почувствовала Алиса, и сразу же поняла, что противиться браку Иво и этой девушки не будет – высшие силы явно предназначили их друг другу, даже если сами они пока этого и не понимают, и не хотят.

– Ты такая красивая! – Иво взял безвольную руку своей невесты, наполовину скрытую кремовым кружевом, поцеловал прохладные пальчики. – Знаешь, что?.. Я свожу тебя в Гранствилл, покажу собор Богослова и Танец Ангелов.

– Мне поехать с вами? – Вопросительно глянула на Алису Мина Мерфи. Женщина легко согласилась стать наперсницей для маленькой невесты Иво, она была доброй и покладистой, и историю Клэр, смягченную и завуалированную, насколько возможно, приняла близко к сердцу.

– Спасибо, дама Мерфи. – Тут же откликнулся Иво. – Под моей защитой компаньонки Клэр не нужны. Я верну ее к вам сюда в целостности и сохранности. Идем, Клэр. Франтик пока побудет с Алисой.

Девушка неохотно отпустила своего верного кота. Перечить она не смела, но без Франтика чувствовала себя почему-то незащищенной. Разговоры, которые вели вокруг нее девушки и портнихи о ее замужестве, не могли ее успокоить – она слишком часто была "невестой" в играх гостей Красной Скалы, которых вдохновляли ее юность и невинный вид. И именно так Клэр и восприняла известие о своей свадьбе с Иво – как очередную прелюдию к жестокой игре. Другого она все равно не знала и пока не понимала. Но пошла покорно – что она могла еще?..

– У меня такое чувство, – когда они покинули сад, заметила Аврора, помогая Алисе разобраться с золотыми нитками для кружев, – что Иво сам себя уговаривает считать эту Клэр красивой. На самом деле она ему совсем не нравится.

– Я тоже так думаю. – Кивнула Алиса. – Это так и есть, Аврора. У него разбито сердце, и он думает только о той жестокой девушке, что разбила его.

– Да ладно! – Аврора оживленно склонилась к Алисе. – Ты же знаешь, я никому не скажу! Кто она?

– Он не признается. – Покривила немного душой Алиса. Ну, как покривила? Иво в самом деле ей не признавался, она догадалась сама. – Он не хочет ее называть, а зря – я бы ей показала... МЫ бы ей показали. Нельзя быть такой жестокой и *бессовестной*! – Она чуть покраснела, говоря это, глаза сверкнули золотыми огонечками. – Он приходил ко мне, когда ЭТО с ним случилось, ах, Авророчка, ты просто его не видела! Он *плакал*, как ребенок. Но это наш секрет!

– Могила! – Аврора навесила замочек на губы и поцеловала ключик, который символически спрятала в декольте. – Мне умереть, как хочется узнать, что это за гадюка Мирмидонская! Ты хотя бы догадываешься?!

– Не знаю. – Покачала Алиса головой. – Это ТАК странно... *Мой* Гэбриэл говорил, что у Иво была девушка в Блумсберри, которую недавно жестоко *убили*. Может, это из-за нее?..

– Ах! – Аврора с самым сострадательным видом прижала ладони ко рту. – Но какая ты скрытная, Алисочка, кто бы мог подумать!

– Я просто об этом забыла, у нас столько было других *дел*.

– Да уж... – Аврора спохватилась, уронив моток ниток в траву, нагнулась. В этот миг к ним подошла Роза, с заговорщическим видом склонилась к уху Алисы.

– Миледи! – Прошептала возбужденно. – Ах, миледи, что я сейчас узнала!

– Что такое, Роза? Опять какие-то *сплетни*?

– Это про невесту сквайра Иво... Оказывается, она... ужас, какая дурная!

– О чем ты? – Резко спросила Алиса, почувствовав неприятный холодок в груди.

– Весь Гранствилл из-за нее на ушах стоит! Она, говорят, сквернавка такая, и распутница, на глазах у порядочных людей такое вытворяла, что сказать нельзя, и даже думать о таком порядочной девушке скверно!

– А Иво знает? – Воскликнула Аврора.

– Говорят, что знает... что он нарочно, назло всем, ее пригрел... Но как он мог!

– Как он мог ее к тебе привести! – Аврора ахнула в искреннем возмущении. – Как он мог тебя так подставить! Что теперь будут говорить о тебе и о нас всех! А мы ее наряжали!

– Батюшка... – Алиса встала, прижав кулачки к груди. – Я должна с ним посоветоваться! Там же неизвестно, что произойти может! Ах, какой же он... Как я иногда его ненавижу!! – И опрометью бросилась вон из сада, в Золотую Башню.

Саввишна оказалась маленькой, приятно полненькой женщиной с круглым симпатичным лицом и живыми черными глазами. Гэбриэлу она макушкой едва доставала до груди, как и Алиса, но глядела на князя без робости, так, что он почувствовал себя мальчишкой несмышленным, которого следует воспитывать и опекать.

– Худой какой. – Констатировала она, когда ее представил князю Валенскому Устин. – И то, разве на югах ваших кормить-то умеют?

– А ты умеешь? – Поинтересовался Гэбриэл. – Мне не болтушка, мне повар хороший нужен.

– А я еще не согласилась с тобой ехать-то. – Дерзко заявила Саввишна. Голос у нее оказался не под стать – низкий, грубоватый, он скорее подошел бы Ладе, высокой, статной, с широкой грудной клеткой.

– Да и я тебя еще не зову. Сначала покажи свое искусство, потом поговорим. Я, если что, не обижу.

– Ну, так ступай в баню, да садись за стол. – Скомандовала Саввишна так, что Устин зашипел на нее, испугавшись гнева князя. Но Гэбриэл только бровь приподнял:

– Ну, смотри. Не понравится – накажу. За наглость.

– Вот и иди, готовь розги-то. – Без тени смущения и испуга фыркнула маленькая толстушка и направилась в сторону кухни.

– Ну, такая вот она. – Извиняясь, развел руками Устин. – Уж и муж ее бил, и батюшка в церкви каждую неделю епитимьи накладывает, а ей все нипочем.

– Ладно. Мне бы ополоснуться, вспотел на жаре. – Гэбриэл оглянулся, но эльф уже исчез.

Ополоснувшись и переодевшись, Гэбриэл заглянул к Гарри и его друзьям, посидел с ними, получив неожиданное предложение: чтобы Марк стал его знаменосцем, раз у него пока такового нет, а Кирнан – оруженосцем. Гэбриэл почесал в затылке:

– У меня так-то два армигера, Иво и Кайрон... Но сочту за честь, чего там. У отца, точно знаю, есть знаменосец, этот, как его, Виттингтон. А у меня до сих пор и рыцарей-то не было.

– Теперь есть. Две тысячи – это не мало. – Заметил Кирнан. – Это целое войско. Кто понесет твоё знамя, граф?

– А это достаточно почетно для Эльдебринка? – Подумав, поинтересовался Гэбриэл.

– Как для пятого сына – так даже слишком почетно. – Чуть усмехнулся Марк. – Но я заслужу эту честь, милорд, клянусь.

– Ладно. Заметано. Я должен что там сделать, сказать, бумаги какие подписать?..

– Вообще-то, да... Но обстановка все равно не располагает. – Признался Марк. – Подтвердишь, когда будем праздновать твою победу, это всегда на общем собрании и на пиру делается. Может, к тому моменту и не понадобится.

– А это ты выброси из головы – мысли такие. – Пригрозил Гэбриэл. – Проигрывать еще до начала!

– Граф! – Гарри чуть приподнялся на постели, и Кирнан сунул ему еще одну подушку под плечи, – я, как твой вассал, прошу у тебя... защиты и помощи. Это официально, так как я последний живой Еннер мужского пола, я наследник своего отца и его феода. Этот феодал был предательски захвачен, мой отец и его жена, леди Луиза, убиты, а мои сестры захвачены в плен. Я прошу защиты и справедливости, граф.

– А я против, что ли? – нахмурился Гэбриэл. – Я сам хотел предложить: выручим брата и пойдем на Фьесангервен. Твой отец был лучшим другом моего отца, в Хефлинуэлле траур, чтоб ты знал, а брат в ярости из-за графа.

– Жаль, что вы пришли так поздно. – Откинулся назад, прикрыв глаза, Гарри. – Почему вы не отвечали, отец же посылал к вам Девлина?

– Мы тоже посылали твоему отцу и письма, и людей. – Ответил Гэбриэл. – Ни от вас ничего не приходило, ни, как я понимаю теперь, от нас вы ничего не получали.

– Кто-то здорово все продумал и провернул. – Констатировал Кирнан. – Рассорил вас с Эльдебринками, заставил дядю Лайнела и моего отца самим попытаться разобраться с Корнелитами. Круто, что скажешь.

– Это Бергстремы. – Убежденно произнес Марк.

– Это тот бастард, Гирст. – Возразил Гарри слабым голосом.

– А Гирста признал Кенка. – Напомнил Кирнан. – так что кандидатов много. Можно гадать на кофейной гуще, а можно и выяснить. Со временем.

– Или поубивать всех на хрен. – Засмеялся Гэбриэл, вставая. – И не гадать, и не париться. Нет врагов, нет проблем. Пошли ужинать.

– А это чего такое? – Поинтересовался Гэбриэл, осторожно ковыряясь ложкой в густой похлебке, поставленной перед ним собственноручно Саввишной.

– Ты ешь, не сомневайся. – Заявила женщина. – Это солянка. Мы летом ее не готовим обычно, но за ради тебя расстаралась, сварила.

– А чего туда входит?

– Все, что надо, то и входит, лишнего ничего нету. Ешь, не ковыряйся! Сметану вот размешай, да и ешь.

Гэбриэл фыркнул весело и, послушно размешав сметану, попробовал густое горячее варево. И зажмурился:

– Ух, ты! Что там, что я ем?!

– Баранина парная, телятинка нежная, окорок свиной копченый, – принялась любовно перечислять Саввишна, – гусятина, капуста свежая, капуста квашеная, огурчики из бочки, грибы: грузди соленые, белые грибочки, только-только выросли в бору, свежие, лисички, опята, горошек зеленый, лук репчатый и лук перо, молоденький, чесночок, все свежее, наилучшее. Готовится отдельно, потом вместе в печке томится. Блюдо зимнее, но наилучшее для мужчины, не сомневайся. На моей солянке ты такой тощий-то не останешься, не бойся.

– Я не боюсь. – Гэбриэл с наслаждением доел солянку, выскреб ложкой все, что смог. – Признаю: ты готовишь круто, слов нет.

– Пирог вот еще.

– Съем. – Пообещал Гэбриэл, переводя дух. – Если они хоть вполовину, как эта... солян-ка, – он медленно повторил незнакомое слово, – то хоть лопну, а съем. Но я не тощий!

Саввишна легко согласилась поехать с ним на юг, но отказалась плыть в безопасности кораблем прямо в Гармбург.

– Где это видано, – возмутилась она, – князю солдатскую баланду хлебать?! Это у вас, на югах, может, такое и принято, а я не допущу!

– Но у нас нет времени на долгие сборы...

– У-у-у! Это я вас еще ждать буду! – Фыркнула Саввишна, и не обманула: собралась раньше всех, затребовав для себя фургон, припасов, возчика и мальчишку в качестве прислуги за все. На рассвете пятого дня с момента легендарного прыжка Пепла четыре корабля, снаряженных за драконье золото, отчалили от валенской пристани, провожаемые горожанами и даже крестьянами с окрестных деревень. Гэбриэл долго видел белые платки и даже рубахи. "Я сюда вернусь. – Пообещал он себе. – Жив буду, вернусь обязательно. Здесь кусок моего сердца".

Еще до сумерек корабли, сопровождаемые чайками и дельфинами, входили в Сайский порт. Гэбриэл ждал вестей от Ри, и они не заставили себя ждать: черная, как антрацит, птица принесла ему письмо. Гэбриэл жадно схватил свиток и отдал его Кину, который принялся читать, на ходу переводя с эльфийского:

– Девятого июля. Кальтенштайн все еще в осаде, пережил два штурма. Герцог сделал удачную вылазку, сжег осадные орудия, но корнелиты мастерят новые. От Лав двигаются граф Бергстрем и его союзники, всего три с половиной тысячи бойцов, из них тысяча ополчения. От Гармбурга к Кальтенштайну идут шестьсот пятьдесят человек, но они опаздывают. Вы – успеете".

– Сегодня одиннадцатое. – Быстро подсчитал Гэбриэл. – Черта с два мы успеем!

– Успеем. – Возразил Кину. – Мы пойдем по эльфийской территории вдоль Каяны и переправимся близ Кальтенштайна, у нас будет преимущество неожиданности – на эльфийской земле нас никакие разведчики не выследят. Люди пусть выступают прямо сейчас, а мы навестим Ольховник.

– И время потеряем?!

– Пехотинцы идут медленнее всадников. Мы их нагоним. Доверься мне. Я так же стремлюсь на помощь Виолю, как и ты, но опережать воинов не стоит. Мы должны подойти к Кальтенштайну все вместе.

Портшез с Гарри, который не захотел оставаться ни в Валене, не в Сае, сопровождаемый неразлучными друзьями и школярами, отправился вслед за Гэбриэлом, Кину и Ратмиром в Ольховник. Дэн повел основные силы к Каяне, договорившись встретиться на эльфийском берегу этой небольшой, но характерной речки близ Кальтенштайна. Гэбриэла вновь снедали нетерпение и тревога за брата, но по ощущениям, с Гаретом пока все было в порядке, а увидеть вновь озеро феи хотелось.

Озеро Малый Конь было все таким же спокойным, манящим и волшебным. Спутникам Гэбриэла незачем было знать про озерную фею, но и без этого им хватило впечатлений. Гор чуть не опрокинул Гэбриэла, обезумев от радости. Он отъелся, похорошел и залоснился, Ри и Альви отлично о нем позаботились. Не менее радостно встретил хозяина и Пепел, великолепно проводивший время на заливных лугах. Ри подтвердил все, о чем написал, и добавил свежие новости: Междуреченцы будут у Кальтенштайна завтра к обеду, чуть раньше туда подойдет ополчение из крестьян, откликнувшихся на зов Дули и Ангела.

– Я предлагаю дать им немного времени, чтобы подраться друг с другом. – Сказал Ри за ужином. – Ваше появление может заставить их сговориться друг с другом, пусть дерутся, полагая, что никто не вмешается.

– А если они все равно сговорятся?

– Не думаю. Скорее, даже уверен, что нет. Бергстремам нужна ваша смерть, и нужно списать эту смерть на корнелитов, поэтому до последнего момента они будут драться. Кстати: они не знают, что один из братьев сбежал. Из лагеря корнелитов этот слух никуда не просочился, от нас – тем более. Междуреченцы уверены, что в Кальтенштайне заперты оба брата.

– Это хорошо?

– Разумеется, это очень хорошо. Они даже не предполагают, что может появиться какая-то подмога раньше, чем подоспеют кардинал и маршал, а их они ждут не раньше третьего дня.

– А что за семьсот человек?

– Люди герцога, что оставались в Гармбурге. Они шли в Зеленый Лес, но по пути их встретил эльф... потом узнаете, какой, и ведет сюда.

– Погоди, их же две с половиной сотни было?

– Откуда взялись остальные, я не знаю. Какие-то иностранцы. А тебя уже третий день дожидается Ворон, вожак Птиц. У него для тебя важные новости. Поговори с ним.

Не смотря на насмешки Гарета, что он, якобы, "маскируется под мыш", Гэбриэл с рождения имел безупречное чувство стиля. Даже откровенное рванье, служившее ему одеждой в Садах Мечты, он ухитрялся носить так, что выглядел графом инкогнито, решившим поиграть в нищего. Делал он это почти неосознанно: там одернул, тут подвернул, там напротив, чуть выпустил, и вот он уже отлично выглядит не смотря ни на что. Брат, – казалось ему, слегка перебарщивает, стараясь подчеркнуть свою красоту и свое богатство, хотя до откровенной безвкусицы и нелепости нарядов Габи Гарет никогда не опускался. А наряды Габи казались Гэбриэлу таковыми даже в первые дни в Хефлинуэлле, когда он понятия не имел ни о моде, ни о стиле. Сам он не допускал в своей одежде ни малейших неряшливости, чрезмерности или вычурности. Правда, в одежде предпочитал, и в самом деле, только черные, темно-серые и, в крайнем случае, белые цвета. Поэтому при первом же взгляде на легендарного Ворона он оценил именно стиль вожака восточной банды. Как большинство полукровок Ол Донна Элодис, к которым принадлежал и сам Гэбриэл, Ворон был высок, темноволос и очень красив. Пожалуй, даже через чур красив, вызывающей, яркой, *чрезмерной* красотой. Может быть, именно поэтому он выбрал стиль небрежный и даже слегка неряшливый, который уравнивал впе-

чтление от его яркой внешности, от зеленых, как мох, глаз и темно-коричневых, почти черных, волос и густых бровей, и темного женственного рта. Свои густые и по-эльфийски прямые волосы он стриг необычно и небрежно, с левой стороны почти сбывая их, с правой – отпуская рваную длинную челку. У бровей, на подбородке, на шее и на бритом затылке у него были татуировки в виде рунно-травяного эльфийского узора, татуировки обвивали запястья и наверняка другие части тела, сейчас скрытые одеждой. Гэбриэл только взглянул на его куртку – черную бригантину из шерсти крупной вязки, кожи и серебряных плетения и заклепок, – и тут же понял, что спать-есть не будет, но обзаведется такой же. Ее, в отличие от кожаных доспехов, можно было носить и в пир, и в мир, и в добрые люди, как говорила Саввишна. Все, надетое на Ворона, было черным: даже камни, ониксы и агаты, даже кожаные ремни и пряжки, и даже, как потом оказалось, воронеными были клинки его сабель. Боевая подруга Ворона была под стать ему самому, такая же высокая, красивая, ловкая, странно и коротко стриженная и украшенная татуировками. Правда, серебро в ее одежде и амуниции было обычное, светлое, заметил Гэбриэл пару колец, серьги с гранатами и эльфийский шнурок на запястье. Она кого-то так сильно ему напомнила, и не только лицом, но и манерой держаться, и повадками, и даже голосом, что он быстро вспомнил бы, кого, не взбеси она его так своим откровенным пренебрежительным хамством. Что ни говори, а к почтению к себе Гэбриэл привык, и привык очень быстро. Его авторитарная натура приняла и впитала в себя это почтение, как нечто должное и естественное.

– Для тебя не Хлоринг, – холодно произнес он в ответ на небрежное "Здорово, Хлоринг", – а сэр Гэбриэл. Как минимум.

– Может, тебя сразу твоим высочеством величать? – Фыркнула Сова.

– Величай. – Разрешил Гэбриэл. – И кланяться при этом не забывай, хамло.

Сова взвилась, как ужаленная, но наткнулась на ловко вытянутую руку Ворона:

– Сова!

– Но, Ворон!!!

– Сова!!

– Я на твоём месте на цепи бы ее держал. – Без тени улыбки заявил Гэбриэл. – Не то хлопот не оберешься.

– Держал один такой! – Зашипела Сова. Гэбриэл удостоил ее взглядом:

– Ого! А сиськи у тебя тоже с узорчиком? – И Сова, молниеносно выхватив саблю, наставила ее на Гэбриэла:

– Руки, или язык, скотина?!

– Ни тем, ни другим не могу. – Отмахнулся Гэбриэл. – У меня невеста очень ревнивая. Ворон, уйми свою подружку, не то...

– Сова, заткнись и сядь на место, живо! – рявкнул Ворон, и Сова отошла к окну, шипя и сверкая глазами. – А ты, высочество, полегче. Мы себя оскорблять не позволяем никому!

– Я тоже неуважения не потерплю. – Резко ответил Гэбриэл. – Тем более, со стороны тех, кто жжёт мои замки и убивает моих людей! Скажи спасибо, что я не мой брат. Он вас на месте бы убил, и слушать не стал. А я выслушаю.

– Ты же уже все решил! – Скривился Ворон.

– Решил бы – убил бы. И сабелька твоей расписной титьки меня бы не остановила.

– Сова! – Остановил Ворон свою подругу на вздохе. – Мы твой замок не жгли и людей не трогали. Это подстава чистой воды. У нас свидетельница есть, мы ее недалеко от пожарища подобрали. Она сперва была малость того... Несла что попало, сама себя за волосы дергала. Я боялся, что совсем свихнулась. Но ничего, отошла и все рассказала. И мы поехали сюда – знали, что через хозяина Коневых Вод на вас выйдем.

– Кто ваша свидетельница? – Спросил Гэбриэл настороженно. Ворон шикнул на Сову, и та, демонстративно дернувшись, ушла.

– Не обижай ее. – Попросил Ворон Гэбриэла почти миролюбиво. – Она такое пережила, что тебе и не снилось. И злющая поэтому.

– Мне не снилось? – Хмыкнул Гэбриэл. – Ну-ну.

– Откуда бы тебе нас понять?! Ты – крещенка, принцев сынок, хоть и полукровка, но под Эдиктом не ходишь. У тебя один конь стоит больше, чем весь этот замок, и разносолов ты за день сжираешь больше, чем все твои подданные за всю жизнь!

– А ты завидуй молча. – Возразил Гэбриэл. – От зависти печенка сохнет и яйца скукоживаются.

Ворон не успел ответить, что хотел: вернулись Сова... и Ингрид. Гэбриэл при виде девушки не сдержал изумленного восклицания, подался к ней, и та сжалась, но тут же узнала, всхлипнула:

– Ваше... ваше высочество!.. – И зарыдала. Гэбриэл подошел, обнял, поглаживая плечи:

– Всё, всё... слава Богу, жива, цела! Мы с братом уж тебя оплакали и мстить собрались.

– Их светлость, – всхлипнула Ингрид, – переживал обо мне?!

– Он и сейчас переживает. – Искренне веря в это, ответил Гэбриэл. – Ох, и обрадуем мы его!

Немного его испугав, Ингрид вновь расплакалась, теперь – от радости и облегчения. Кое-как ее успокоив, Гэбриэл наконец-то узнал от нее подробности того, что произошло.

– Ты не ошибаешься? – Спросил, хмурясь, – они в самом деле называли его Шторм?

– Я никогда в жизни этого не забуду! – Содрогнулась девушка. – Он такой... красивый... и такой... жестокий! Он мне во сне снится, я от ужаса спать не могу... Он голову отрубил женщине у меня на глазах, саблей, одним взмахом... О, Господи!!! – Ингрид закрыла лицо руками.

– Значит, Шторм. – Он вновь обнял Ингрид, успокаивая, и при этом кусая губу. Чувства его охватили сложные. "Поймать и убить, наконец, паскуду! – Требовала одна часть его натуры. – Но это единственный родной брат Марии, дядя моего сына!". – Напоминала другая. "К черту!" – Отбросил он эту проблему до лучших времен. Пока что его ждали задачи посложнее.

– Очень уж удачно все складывается. – Пробормотал фон Берг. – Не к добру.

– Не каркай. – Перебил его Венгер. – Не так уж и удачно, не льсти себе. Нормальные рабочие моменты, как обычно. Все идет, как обычно.

– Верно. – Хмыкнул Андерс. Без навязчивого присмотра отца, оставшегося в Лавбурге, с двумя верными друзьями, в привычном ему полупьяном состоянии, он вновь стал самим собой. – Кончай ныть, фон Берг. Скоро пересажаем этих ""чих корнелитов голой жопой на кол, и с Элодисцами разберемся. Эти ""ные Хлоринги за Смайли мне ответят! Сполна! – Он потемнел лицом, вспомнив лучшего друга.

– Граф велел герцога... – Начал Венгер, но Андерс переменялся в лице и вспыхнул при одном упоминании об отце:

– Еще раз вспомнишь графа, в ""ло получишь на ""й! Это он влез и все испортил! Это не наш Корнелий всю эту ""ню заварил, а присланный папашей Гирст! Это, сука, их с папашей сраные дела! – Андерс повел рукой вокруг. – А это, "" их мать, мои земли, МОИ! Урожай потравили, пидоры, а что не потравили, то один "уй, убирать будет некому! Кого не убили, те с голоду передохнут или разбегутся, что одно""йственно. Удачно у него все складывается! – Андерс снова фыркнул. – Молчи лучше, удачник ""ев!

Местность, по которой они проезжали, и в самом деле, выглядела удручающе. Корнелиты, пройдя по цветущим угольям, с непонятной злобной тщательностью уничтожили все. Даже яблони и вишневые деревья они секли и разбивали цепами и кистенями. Ухоженные поля были вытоптаны, строения сожжены. Всюду видны были следы бессмысленного буйства.

Часто попадались трупы, реже – людей, чаще – хозяйственных животных. И Андерс больше всего бесился именно при виде последних. Скотину-то нахрена?! Если бы корнелиты их по общему обыкновению угоняли, то он, Андерс, впоследствии отбил бы и значительно пополнил собственное стадо. Ведь каждая корова – это пять серебряных талеров, мать ее! Андерс отхлебывал можжевелевую водку, морщась и злясь все сильнее. Монастыри – хрен с ними, отстроятся. Монахи, конечно, будут ныть, жаловаться и клянчить, но все равно справятся сами, сил и средств хватит. А вот деревни до зимы надо как-то восстанавливать... Нет, Андерс, конечно, ничего им давать не собирался – сам в убытке, и в каком! Но ведь и с них ничего не возьмешь, вот что скверно. Одна надежда – на военные трофеи и на герцогство. Да на женитьбу на Габриэлле Хлоринг, богатейшей невесте Европы, не только Острова. А если ее братьев не будет, то и вовсе...

О подходе междуреченцев в Кальтенштайне стало известно задолго до того, как они появились на склоне западного холма. Осажденные поняли это, заметив сильное оживление в лагере корнелитов. Вождям мятежных сектантов донесли о приближении междуреченского войска разведчики, и те объявили общий сбор. Корнелиты забегали, облачаясь в доспехи, расхватывая оружие, особым образом выстраивая фургоны. Гарет, рыцарь Кальтенштайн и их люди наблюдали за этой суетой со стен, как ни странно, мало пострадавших от двух штурмов. Сумасшедшая вылазка Гарета, Фридриха и Мильестона уничтожила почти готовые осадные машины, и теперь корнелиты мастерили их заново, подальше от передовой линии, да еще и поливая их водой. Ближайшие большие деревья корнелиты вырубили, и теперь таскали их издалека, что давало время и надежду на вовремя подоспевшую помощь.

Корнелиты, вновь демонстрируя грамотную слаженность действий, успели перестроиться и приготовиться к встрече врага задолго до его появления.

– Слишком грамотно для черни. – Мрачно заметил Гарет.

– Вы предвзято смотрите на вещи, ваше высочество. – Заметил Ганс Кальтенштайн. – Этим же грешили и милорд Лайнел, и сэр Ардо. И жестоко заплатились за это. Среди этого сброда наверняка есть наемники, вернувшиеся из Европы и прошедшие не одну стычку. Не исключаю я и самородка, талантливого в военном... Смотрите, ваше высочество!

– Вижу. – Гарет, у которого было по-эльфийски острое зрение, сощурился на всадников с множеством знамен, штандартов и вымпелов. – Однако! Сколько гербов... И с чем же они идут?

– На помощь? – Предположил Мильестон.

– Видишь красного вепря? Это Андерс Бергстрем. Чтобы претендент в герцоги Междуречья шел мне на помощь? Скорее коровы в замке запоют хором "Славен наш господь в Сионе", чем Бергстрем поможет Хлорингу. Антон, его папаша, поступил бы умнее – взял бы меня в заложники и потребовал от отца выполнения его условий. Например, Габи в жены Андерсу – тот же недавно очень удачно овдовел?.. Андерс проще и тупее. Он меня убьет, полагая, что это убийство спишет на корнелитов. Скажет потом: "А-я-яй! Мчался на помощь, копыт не покладая...". Думаю, они вступят в бой с корнелитами, надеясь, что я, как дурачок деревенский, выйду из замка им на подмогу. Тут-то меня и настигнет печальный конец. Но мы не выйдем. Кто бы ни победил, будем ждать за стенами Кальтенштайна подмоги от брата или кардинала. Думаю, корнелиты преподнесут нашим друзьям сюрприз... И кто бы ни победил, для штурма они будут готовы не сразу... – Говоря, Гарет присматривался к гербам. – Ну, надо же! Хьюитты, О'Келли, Квейды, Морганны, Сэведжи, Рорки, Дилэни... Останусь жив, я им это припомню! У Рорков отличный замок и городок на Королевской Дороге, с которого они жирно кормятся. Мне они лишними не будут. У старого Фолка О'Келли наследников мужского пола, вроде, нет? У вдовой дочери две своих девчонки. А их замок, как его: Балибах... Баллибабах...

– Старый Фолк сватается к племяннице фон Бергов, Грейс Дилэни. – Заметил Кальтенштайн.

– Она же, если не ошибаюсь, мелкая совсем?

– Ей тринадцать. Дилэни только что забрали ее от кармелиток.

– Старый козел! выслуживается перед фон Бергом и его дружаней Андерсом! – Гарет был страшно зол, и больше всего его угнетали бездействие и неопределенность. Междуречье все же поднялось! Не все – Гарет всматривался в гербы и не видел среди них многих и многих, и, хоть и к слабому, но удовлетворению, многих именно из тех, кто был наиболее влиятелен и силен. Вряд ли это была верность Хлорингам – скорее, неприязнь к Бергстремам. И все же масса тех, кто пришел, была для Гарета холодной водой в лицо. М-да-а, а они с Гэбриэлом отправились сюда с малыми силами, самоуверенные, как два токующих глухаря... Идиоты! Сама мысль тащиться в сердце Междуречья с пятью десятками копий казалась теперь такой тупой, что впору побиться башкой о стену – может, мозги встряхнутся и встанут, как надо? Если вдуматься, им с братом просто дичайшим образом повезло. Просто нереально повезло. Даже принимая во внимание все обстоятельства. Но что дальше?! И Гарет злорадно желал Бергстрему и всей его коdle, чтобы Кальтенштайн оказался прав, и корнелиты надрали бы им задницы, хотя его герцогско-рыцарская спесь и восставала против этого всей своей мощью. Но что ему еще оставалось?!

Глава третья: Гранствиллская лилия

Четыре дня подряд Вепрь терзал эльфийскую гитару, захваченную в качестве трофея у людей Карла Брэгэнна, останки которых болтались на дереве при въезде в поселок. С подветренной, разумеется, стороны. Да, с Очень Большой Болью Вепрь Карла познакомил плотненько. Пусть не так долго и тщательно, как пытал его тот, но моральное удовлетворение Вепрь получил. Полукровки, ушедшие в ту ночь с ним вместе, исчезли, и искать их Вепрь запретил. Вообще-то, главным Ворон оставил Беркута, но после налета тот безропотно и даже охотно уступил бразды правления Вепрю. А Вепрь, хоть и очень хотелось с ними поболтать о том – о сем, особенно с Сорокой, но понимал, что окончательно оставлять Светлое без защиты нельзя. Нужно дождаться Ворона, а там уж решать. Зяблик ходила, задрав нос, гордясь своим парнем, а Вепрь разбирался с гитарой. Синица показал ему основные аккорды, и обладающий, оказывается, отличным слухом Вепрь быстро их освоил... Но не только их.

– Я тут, это... – Страшно волнуясь и привычно не показывая этого, как мог, небрежнее, сообщил он Зяблику как-то вечером, – того, песню сочинил. Так, для прикола. Хочешь послушать?

– Хочу. – Зяблик тут же устроилась напротив него с ногами на большом сундуке, служившем хранилищем их вещей, постелью и лавкой. – Хочу-хочу! Обожаю парней, которые на гитаре умеют!

– Ты смотри мне, – полусерьезно пригрозил Вепрь, – обожает она...

– Но раз ты тоже умеешь, мне другие и не нужны! – Хихикнула Зяблик. – Ну, давай, что ли, мне не терпится!

Вепрю казалось, что песня получилась не самая лучшая, хотя чувства он в нее вложил немеряно. Голос у него оказался красивый, не очень мощный, зато звучный, низкий, чуть хрипловатый, с цепляющими душу нотками. Зяблик сначала слушала с благосклонной улыбкой, на лице ее так и читалась готовность подбодрить и хвалить его во что бы то ни стало, но после первых же слов глаза ее расширились, а потом и слезы на глазах появились, и искренний восторг, и гордость за него – и Вепрь, увидев все это, испытал, наверное, самое огромное счастье, какое знал до сих пор. И засмутился, прочистил горло, произнес с нарочитым безразличием:

– Это, как бы, первый у меня этот... опыт. Может, и не стоит другим-то показывать...

– Да как не стоит?! – Зяблика переполняли эмоции. – Надо вечером, у костра, всем спеть, спой еще, я слова выучу, подпою тебе немножко, вот увидишь, как у нас здорово получится!

Вепрь не был уверен, что женский голос будет кстати, но когда Зяблик тихонечко, эхом, начала подтягивать ему в некоторых местах, у него аж мурашки побежали по коже, до того это показалось ему красиво. Но выйти вечером ко всем со своим детищем, которое теперь было ему еще дороже и любимей, было страшно. Может, даже страшнее, чем пытки и угроза казни. Там опасность грозила телу, а здесь – самому тайному, уязвимому, даже нежному, что у него, оказывается, тоже было: душе. Вепрю потребовались все клятвы Зяблика, что песня у него классная, пара больших кружек пива и вся смелость, что у него была.

Обычно у общего костра на окраине Светлого, над Зеркальным, пел Ворон, у которого был самый красивый голос и самая лучшая гитара. В его отсутствие пели Синица, Козодой и Пеночка, девушка-полукровка с нежным голоском. Сегодня, придя сюда с гитарой, Вепрь онемел и сидел, вцепившись в нее, слушая Синицу и его любовные вирши, посвященные абстрактной красавице, и мечтая исчезнуть. Но Зяблик не дала, привлекла к нему всеобщее внимание, указав:

– Вепрь тоже вам споет. У него новая песня есть. Про нас про всех.

– Ну-ка, сбай! – Предложил Синица, ничуть не обидевшись. Вепрь закашлялся:

– Это... в горле что-то першит... – И получил большущую кружку пива:
– Пей и давай, пой!

Вепрь послушно перебрал струны и ударил по ним, от волнения охрипнув чуть сильнее, но быстро набравшись уверенности, от чего его голос зазвучал в свою полную силу:

*– Одинокая птица над полем кружит,
Догоревшее солнце уходит с небес.
Если вздыблена шерсть, и клыки, что ножи,
Не чести меня волком, стремившимся в лес.*

*Лопочухий щенок любит вкус молока,
А не крови, бегущей из порванных жил.
Если вздыблена шерсть, если страшен оскал,
То спроси-ка сначала меня, как я жил.*

*Я сидел на цепи, и в капкан попал,
Но к ярму привыкать не хотел и не мог.
И ошейника нет, чтобы я не сломал,
и цепи, чтобы мой задержала рывок.*

*Я в кромеиной ночи, как в трясины, тонул,
Забывая, каков над землей небосвод.
Там я собственной крови с избытком хлебнул,
До чужой лишь потом докатился черед.*

*Я бояться отвык голубого клинка,
И стрелы с тетивы за четыре шага.
Я боюсь одного: умереть до прыжка,
Не услышав, как хрустнет хребет у врага.*

*Не бывает на свете тропы без конца,
И следы, чтоб навеки ушли в темноту.
А еще не бывает, чтоб я стревеца
Не настиг на тропе и не взял на лету.*

*Вот бы где-нибудь в доме горел огонек,
Вот бы кто-нибудь ждал меня там, у двери.
Я бы спрятал клыки и улегся у ног,
Я б тихонько притронулся к детской щеке.*

*Я бы верно хранил, и стерег, и берег,
Просто так, за любовь улыбнувшихся мне.
Но не ждут, и по-прежнему путь одинок,
И охота завывать, вскинув морду к луне!*

Еще на втором-третьем куплете Вепрь краем глаза отметил, что Птицы тихонько отбивают ритм пальцами, и приободрился, заиграл свободнее, лучше, так, что девчонки откровенно плакали, да и у парней блестели глаза. Зяблик сказала правду: в этом волке почти все они, узнавшие с раннего детства и побои, и ненависть, и насилие, и людскую злобу к беззащитным, узнали себя сразу же.

– Здорово! – Вполголоса озвучил общую эмоцию Сеница. Вепрь застенялся жутко, так, что захотелось провалиться сквозь землю, но и приятно было почти невыносимо. Его принялись наперебой просить спеть еще что-нибудь, он отнекивался, утверждая, что других песен у него пока нет – что было чистой правдой, – тогда у него потребовали, чтобы он спел еще раз про волка. Вепрь согласился. Это была его минута славы. В эти моменты он ни о чем не сожалел, ничего не боялся, нечего больше не хотел и ни к чему иному не стремился, был счастлив здесь и сейчас, на берегу огромного озера, на околице недостроенного поселка, среди таких же, как он. На рассвете, после шикарного секса с Зябликом, которая открыла в своем парне новые достоинства, Вепрь вышел из дома, ушел к кромке воды, и долго стоял, смотрел на озеро, в котором отражался розовый, как карамель, рассвет. Сочиняя эту песню, он хотел извиниться за то, как жил прежде, оправдаться хоть как-то, что ли. Да, он был зверем, выродком, как сказал ему прямо в лицо бывший Гор. Он творил такое, чего Птицы, узнав, никогда ему не простят. Но разве в этом было так уж много его вины? Он не знал другой жизни и других отношений... "Но Клык-то другой. – Напоминала ему совесть. – И Гор другой". "Я тоже теперь другой. – Возражал он своей совести. – Как Ворон говорит? Лучше поздно, чем никогда". Но что-то в тайниках сердца опасно спрашивало: "А может, лучше никогда, чем поздно-то?".

На Королевском Мосту который день не успокаивались обитатели: четыре убийства в Сандвикене и два на мосту, за какую-нибудь неполную неделю! Мостовые были народом ушлым и прожженным, и мигом сопоставив все обстоятельства, вычислили, за что жертвам вспарывают животы и вырезают языки: за сплетни о Хлорингах и за визиты в Найнпорт, к некоей ведьме. Народная молва гласила, что в Элиоте счет убитым идет уже на сотни, но на то она и молва, чтобы преувеличивать. Мостовые знали точное число убиенных, но и этого было вполне достаточно. Тем более что каждый день приносил новые сведения.

– Вот те крест, – утверждал Джо Воля в трактире "Пегая крыса", – сам видел: в самой, что ни на есть, толчее баба как завизжит, люди как шарахнутся в стороны-то, а на пустом месте он и лежит, дрыгается еще, и кровишка вокруг растекается, а в кровишке все кишки, как есть, наружи. Очень, говорят, часто к Барр навещался, человек-то энтот. А в энтот самый день, как раз перед тем, выходил из трактира, где всякое о Хлорингах болтал, смеялся и утверждал, что точно все знает.

– Смеялся, говоришь? – Переспросил трактирщик, философски протирающий стаканы на стойке. Стаканы эти были непростые: с виду широкие и массивные, они обещали жаждущему утолить эту жажду с лихвой. Но толстые стенки и массивное дно оставляли угрожающе мало места для возделенной жидкости. Не менее замечательной личностью был сам хозяин. Не высокий и не низкий, не худой и не толстый, не красивый и не урод, он ничем не был бы примечателен, если бы не глаза. Серые, спокойные, с пытливым, цепким и циничным взглядом, глаза эти были зеркалом души опытной, мудрой, бесстрашной, жестокой и холодной, как у библейского аспиды. Глаза эти цепляли и даже пугали, если, конечно, обладатель их позволял встретиться с ним взглядом. Обычно он был неуловим, бесстрастен и нейтрален, способен поддержать любой разговор, но никогда не брал ничью сторону и не позволял себя втянуть ни в какой спор. В его трактире разговоры о сильных мира сего пресекались мгновенно.

– Смеялся. – Кивнул Воля. – Дурень. – Воля был примечателен тем, что слыл человеком, близким к мифическому Серому Дюку. Сам он был человек средненький, пронырливый, но в целом безобидный.

– А что за слух, будто в Сандвикене трактир "Голубой огонек" сгорел? – Трактирщик налил ему пива в глиняную кружку, невзрачную, но вместительную.

– Сгорел. – Кивнул Воля. – Про хозяина-то его болтали, что он того... – Воля хихикнул, – женским полом брезговает, итальянску любов предпочитает. Ну, это когда мужик и мужик...

Тьфу, страмотье! И гости его были из этих самых... Тьфу! Язык-то, насчет Хлорингов, тоже распускали...

– Что ж. – Помолчав, и выровняв за время молчания стаканы, спокойно произнес трактирщик, – язык, он, конечно, без костей, это всем известно. Но если им трепать по ветру почем зря, то не обессудь: можешь из-за этой безделицы и головы лишиться, и хорошей недвижимости.

Сказано это было неторопливо, с ленцой, с еле заметной насмешкой над собственной доморощенной философией. Воля согласно закивал, смакуя пенное:

– Во-во. Сами и виноваты.

– Но не сами же братья убивают этих болтунов.

– Да уж конечно! – Воскликнул Воля. – Итальянца, к примеру, своего герцог здесь оставил, а он, болтают, ловок до таких дел...

– Прямо слов нет, до чего ловок... – Скептически протянул хозяин. – Сам в Гранствилле, а убивает здесь...

– Я слышал, – Воля почти лег грудью на стойку, понизив голос, – про некоего Ангела...

– Что именно?

– Что он ловкач из ловкачей, а дорожка за ним кровавая такая тянется, что в кромешной тьме с повязкой на глазах не собьешься.

– И он тоже с братьями связан?

Воля не ответил, только изобразил пальцами какую-то фигуру, потом постучал указательным пальцем себе по носу. Трактирщик кивнул, прекрасно поняв его пантомиму, и перевел взгляд на молодого священника, который вошел минуту назад, занял угловой столик и смиренно ждал, когда на него обратят внимание, перебирая коралловые четки.

– Добрый день, святой отец. – Подошел к нему трактирщик, которого звали Августом. – Не желаете ли мясного пирога? день нынче скоромный.

– Пожалуй, можно и пирог. – Благоклонно произнес священник, и взглянул Августу прямо в глаза. Он был молод, не старше тридцати, и, как и Август, был миловиден, но нейтрален, не приметен ничем, кроме глаз. Встретившись с ним взглядом, Август весь внутренне подобрался. Хищник учуял хищника, убийца столкнулся на узкой дорожке с убийцей. Фигурально выражаясь, они ощетились, приюхиваясь друг к другу.

– У вас хорошие пироги. – Мягким, "пасторским" голосом произнес священник. – И замечательное жизненное кредо. С таким кредо вы имеете отличные шансы на долгую жизнь. А не знаком ли вам... эээ... чадо, – некий Серый Дюк?

– Впервые слышу. – Искренне ответил Август, он же – Серый Дюк, король всех воров Элиота и Элодиса.

– Что ж, это тоже хорошо. Богоугодные знакомства – еще один залог долгой жизни.

– А вам, падре, не знаком ли некий Ангел?

– Увы. – Вдохнул Лодовико дель Фьоре, он же Ангел. – Ангелы далеки от грешной земли, обитают в горних высях, иже еси на небеси, и лично знать их даже мне не доводилось.

– Жаль. – Август поставил перед священником мясной пирог, тарелку сухариков, сырную нарезку и кувшин с вином. – А как вам думается, отче, что сказали бы друг другу Серый Дюк и Ангел, ежели бы встретились?

– Понятия не имею. Откуда нам, порядочным людям, знать, что творится в голове у грешников? – Лодо делал вид, будто не замечает, как переглядываются остальные немногочисленные посетители трактира, вооруженные кастетами, доминиканскими свинцовыми дубинками и прочим неприметным, но смертоносным оружием. Он был уверен, что положит их всех прежде, чем они успеют дернуться. Он даже точно знал уже, как. Да и хозяина Лодо не опасался. Тот был, словно тертый, битый, прошедший огонь и воду бродячий пес, вожак песьей

стаи, хитрый, опасный, виртуоз выживания. Но – пес. А Лодо был волком-одиночкой. Не рождаются на свет псы, способные в бою один на один одолеть волка. Не существует их в природе.

– Но я слышал кое-что из вашего разговора... – Продолжил он мягко, как и положено священнику. – О клевете на сильных мира сего, и о расплате за эту клевету. Хлоринги молоды и только-только вступили в игру... Но они богаты, сильны и безжалостны. Воистину, безумие движет теми, кто пытается идти против такого тандема: силы и золота. Зато выигрывает тот, кто становится на правильную сторону...

– И помогает, чем может? – Чуть прищурился Август.

– А уж если помогает, чем может, – ласково улыбнулся Лодо, наливая недогнущей рукой вино в бокал, – то и вовсе обретает немало выгод... и не только материальных. Считаю это моей проповедью, чадо.

– Благодарю. – Август нагнул голову. – Благословите, отче.

– Благослови тебя, Господь. – Согласно осенил его крестным знаменем Лодо.

– Ваше высочество! – Алиса, заявившись к принцу Элодисскому в неурочный час, выглядела такой взволнованной, что он тот час же отослал всех, даже Тиберия, и велел ей говорить. Он грешным делом испугался, не получила ли Алиса каких страшных известий от Гэбриэла, и протянул Алисе руку:

– Что стряслось, девочка моя?

– Мне очень страшно, батюшка! – Призналась Алиса. – Речь об Иво и этой девушке, которую он берет в жены...

– Я слышал об этом. А сегодня мне донесли, что эта девушка, которую он осмелился привести прямо к тебе, отнюдь не...

– Эта девушка – с Красной Скалы! – Перебила его Алиса. – Ее сделали такой, жестоко над нею издеваясь! Ее били, запугивали! Она не виновата! Ей всего тринадцать лет, батюшка! Она всех и всего боится, она даже разговаривать боится!

– Я понимаю. – Чуть смягчился его высочество. – И мне жаль это погибшее дитя. Но для всех людей в Элодисе она – блудница, а закон к блудницам суров.

– Я знаю! – Алиса прижала к груди кулачки. – Я все понимаю, и думаю, что ради нее же самой ей бы быть где-то в уединенном месте, не на виду у людей, не здесь... Я не знала всего, когда Иво привел ее, он мне ничего не сказал... Он... он поступает ужасно! намерения у него добрые и благородные, он хочет ее спасти и исцелить, но это так жестоко: держать ее при себе и заставлять слышать проклятия и обвинения, и бояться расправы – а она ужасно, ужасно боится, батюшка! Если бы Гэбриэл был здесь, он все сделал бы правильно, я уверена в этом. Но его нет! Он защитил бы их обоих, я знаю, знаю! Ведь он любит Иво, и все те, кто, как и он, страдали на Красной Скале, для него дороги...

– Я понял тебя. – Нахмурился принц. – Ты, как верная невеста, пытаешься защитить то, что дорого твоему возлюбленному. Ты права: Гэйб дорожит этим юношей, он его друг. Что он задумал?

– Он повел Клэр в Гранствилл. В собор!

– безумец! – Принц встал. – Или хуже того: провокатор! Ты права: если произойдет катастрофа, Гэйб не простит этого ни нам, ни жителям Гранствилла. Я не рискну даже предполагать, во что выльется его гнев, но в истории нашей семьи уже был случай, когда Хлоринг уничтожил целый город из-за своей женщины. – Он громко позвал Тиберия и велел седлать коней. – Необходимо любой ценой помешать этому Иво надеться глупостей. Мы немедленно едем в город. И почему Гэйб не забрал этого Иво с собой?!

Иво был полон священного рвения отстоять честь Клэр и заступиться за нее – как он это понимал. Что при этом думает сама девушка, что происходит в ее измученном сердце, он не

думал – не по злобе, не из черствости, а просто потому, что такой он и был: искренний, добросердечный, по-своему благородный, он жил в собственном мире и заменял чувства и мысли других людей своими представлениями о том, какими они должны быть. Другими словами, он сам выдумывал их себе, а сталкиваясь с несоответствиями, оскорблялся и разочаровывался. Как оскорбился сейчас, столкнувшись с людской несправедливостью и предвзятостью в адрес Клэр. Несправедливость и жестокость жгли ему сердце, и Иво был полон готовности сразиться за честь этой несчастной девочки со всем миром разом, пренебрегая всей его жестокостью и предвзятостью. И пусть Клэр увидит, на что он готов ради нее! Иво искренне считал, что его благородство и верность тронут сердце девочки и исцелят его. Почему нет-то?! Она будет полна благодарности и любви, он – верности и заботы. И все у них сложится хорошо. Чем не идеальная семья?

Вот только Клэр была от мыслей о его верности и заботе далека, как никто. Попав на Красную Скалу, девочка усвоила, что вина, невинность, покорность, смысл, причины и следствия не значат ничего. Ее будут бить и насиловать в любом случае, и к этому не привыкнуть, не приспособиться, и этого не избежать. В начале, когда она еще пыталась как-то приспособиться, что-то понять, как-то заслужить иное обращение, было жутко, обидно и очень больно, и Клэр просто запретила себе думать и понимать. Сейчас она думала только о том, что ее кот, Франтик, остался где-то там, позади, а он был единственной ниточкой, связывающей ее с реальностью. Смысл обвинений и визгливых выкриков горожанок, заступивших им путь в Старый Город, от нее ускользал, она не понимала выражений "поганный рот", "срамница", "блудница вавилонская" и "шлюха анафемская". Да и не пыталась понять. Зато отлично чувствовала общий настрой толпы, и сразу поняла, что все привело к неизбежному: насилию и побоям. И в этот раз, судя по накалу общей ярости, это будут такие насилие и побои, какие ее хрупкое тело может и не вынести... Она сжалась и упала на колени, не слушая отчаянных требований Иво "не унижаться перед ними!". А горожанки и примыкающие к ним мужчины хором требовали, чтобы с нею поступили, как положено поступать с блудницами: поставили к позорному столбу, а потом остригли, выжгли клеймо шлюхи, били плетью и выгнали из города. В какой-то момент Иво понял, что переоценил свои силы и возможности, а вот власть толпы, напротив, недооценил, и приготовился пасть смертью храбрых, прикрывая собой Клэр от готовых полететь в них камнями и прочим, менее смертоносных, зато более вонючих, снарядов. Его высочество со свитой появился как раз вовремя: камни и снаряды были уже готовы полететь в блудницу и ее защитника, тоже, как известно, фигуру неоднозначную и вызывающую бурю различных эмоций у горожан.

– По какому праву, – понеслись к его высочеству горячие претензии, – эту девку пускают на чистые улицы?!

– Разбить ей рот ее поганный, чтобы зубами плевалась, шлюха бесстыжая!

– Зад ей розгами иссечь до костей, чтобы не о мужиках думала, а о чем другом!

– Клеймо ей на лбу выжечь, чтобы честные люди вслед плевались, а не жалобились на рожу ее, тьфу! Ишь, прикидывается овечкой, тварь паскудная!

Его высочество поднял руку, подъезжая ближе. Его белоснежный олджернон в роскошной сбруе тихонько пофыркивал, поглядывая влажным глазом на Иво и Клэр из-под густой челки, бережно переступая изящными копытами. Крики быстро стихли, но принц, отлично чувствующий толпу, прекрасно понимал, что просто велеть им разойтись, пообещав во всем разобраться, не получится – люди на взводе и готовы на все, чтобы добиться своего. Как же этот Иво раздраконил-то их!

Но и отдать им на расправу девочку, которую его высочество увидел впервые, поразившись ее детской хрупкости, было нельзя. Нельзя и из соображений человечности, и помня о сыне, который не простит этого ни ему, ни Иво, ни горожанам. Гранствилл однажды уже

поплатился за подобное преступление, чего Хлоринги вспоминать не любили, но и забывать не смели.

Пока принц Элодисский собирался с мыслями, выглядывая отца Марка, спешившего сюда, произошло вдруг настоящее чудо, которое в городе вспоминали и столетия спустя: камни мостовой перед Клэр с тихим хлопком раскололись, и из земли стремительно возник и начал расти зеленый побег. За несколько секунд он окреп, поднялся, обзавелся листьями и тугими бутонами, один из которых раскрылся в белоснежную большую лилию, с таким сильным ароматом, что его ощутили все в толпе. Даже Клэр, перед которой и распустился цветок, тихонько ахнула и стиснула руки, что со стороны выглядело молитвенным жестом. Стало тихо-тихо. Отец Марк, спешивший сюда в тревоге и смятении – он любил Иво, и стремился его хоть как-то защитить, – мгновенно понял, что сказать и как усмирить толпу.

– Чудо Господне, суть христианства, – заговорил он волнуясь, так как сам верил во все, что говорил, – состоит в том, что Господь дает надежду каждому, ВСЕМ. Каким бы ты ни был грешником, как бы ни пал, Господь говорит: "Покайся, и Я прошу и приму тебя в безграничность любви Своей". Это несчастное падшее дитя Он избрал сейчас, чтобы напомнить нам, грешным, о милосердии и чуде покаяния. Гнев и осуждение греха есть естественные чувства человеческие, они похвальны, ибо суть проявления праведности; они справедливы. Но любовь и милосердие выше справедливости! Никто, понеже человека, не знает милосердия – ни зверь лесной, ни эльфы, ни гады морские... только люди могут пожалеть и простить... Что будет милее Господу – если мы сейчас накажем это несчастное дитя, заклеив ее навеки, изгнав ее на погибель и лишив всякой надежды, или милосердно примем ее покаяние, простим ей, ради ее хрупкой юности, тяжкие грехи ее, и дадим ей возможность в уединении, в молитвах, в посте и целомудрии, заслужить иную жизнь и божье прощение? Господь послал нам знак недвусмысленный – можем ли мы им пренебречь?

– Не можем. – Пока толпа колебалась, быстро произнес его высочество, спешился и опустился на колени перед лилией, после чего на колени упала вся толпа. В наступившей тишине слышно стало, как заиграла музыка Танца Ангелов – на полчаса раньше положенного. – Я поручаюсь перед лицом Господа за эту несчастную. Жизнь ее отныне будет целомудренной и праведной, слово мое залог этому. А чудесный цветок повелеваю оградить и приставить к нему стражу. Пусть каждый житель Острова сможет прийти сюда и увидеть это чудо: Грансвиллскую Лилию, свидетельство благодати и милости Божьей.

Не все остались довольны тем, как все обошлось для Клэр, но возразить не посмел никто. Впрочем, уже в тот же день местные сообразили, какие перспективы открываются для города в связи с чудесной лилией – к вечеру появились первые паломники из окрестных деревень и поселков, которые, помимо религиозного рвения, понесли в город деньги за ночлег, еду и питье. Это примирило горожан с тем, что блудница избежала наказания. А девочка вернулась в Хефлинуэлл в свите принца и была отдана под надзор Мины Мерфи и отца Северина, который обязался научить ее молиться и приготовить ее к крещению.

Маленький, невзрачный, тихий попик был неказистым, и на первый взгляд, ничем вообще не примечательным. Потому многие, в том числе и близнецы, им пренебрегали. Гэбриэл жалел его, как вообще жалел всяких чудиков, но, как и брат, всерьез не принимал, а отец Северин был человеком умным, пылким и добрым, искренне верующим, хоть и слегка безвольным, и тихим, и лишенным честолюбия и напористости. Его высочество, пожалуй, был единственным, кто оценил его веру, ум и талант, и сделал его настоятелем домашней церкви. Клэр отец Северин сразу же пожалел и преисполнился желания ей помочь. И прочитал девочке проповедь, рассказав ей про святую Юлию, над которой надругались язычники, но душа которой осталась неприкосновенной и чистой, про святую Сесилию, Марию Магдалину и некоторых других. И о, чудо – Клэр его услышала. Лилия, распутившаяся перед ней, слова отца

Марка о милосердии, а теперь проповедь отца Северина, пробудили в ней робкую, но настоящую надежду. Надежду на то, что есть некто, кто знает, как она страдала, кто любит ее, и заботится о ней. Кто послал прекрасный цветок, чтобы ее спасти... И только Иво и принц Элодисский знали, что лилию эту вырастила для нее Алиса.

Битва началась стремительно и без особых прелюдий – корнелиты не стали вступать ни в переговоры, ни в разговоры, и первыми пошли в атаку. Гарета, наблюдающего за битвой со стен Кальтенштайна, продолжали терзать самые противоречивые чувства. С одной стороны, глядя, как корнелиты бьют междуреченцев, он не мог не злорадствовать: не ждали, суки, предатели, клятвопреступники херовы?! Ведь все присягали королеве и Хлорингам, все изменники, все до единого! Вон, длинными крючьями стянули с коня Вальтера Сэвиджа, и набросились, как крысы на пса, дубасят и колют его чем ни попадя... А остался бы ты, Вальтер, верен короне и своему герцогу, сидел бы дома, мял титьки служанкам, попердывал и горя не знал. Но, с другой стороны, умелые и безжалостные действия корнелитов, их маневры и сам факт того, что мужичье бьет рыцарей, были принцу крови невыносимы. Быдло, холопы оборзевшие, которых немедленно следует осадить и вернуть на место, обозначенное всем ходом вещей! О, как Гарету хотелось быть сейчас там, на поле битвы, добраться до Ангела их проклятого, но не убить, а взять живьем, чтобы потом показательно и позорно казнить в столице! Находясь в выгодной для наблюдения позиции, Гарет видел все успехи, косяки и ошибки и корнелитов, и междуреченцев, и скоро сам запутался, за кого "болеет". Ибо так уж устроен человек: зная, что и те, и те его смертельные враги, Гарет просто не мог почти бессознательно не выбирать "свою" сторону, которая, правда, то и дело менялась: он "болел" то за рыцарей, то за корнелитов. Сверху, со стены, ему казалось, что рыцари бестолково носятся по полю, больше спасаясь от корнелитов и их крючьев, чем сражаются. Арбалетчики корнелитов на диво слаженно и споро стреляли из-под защиты своих фургонов, сменяя друг друга: одни стреляли, другие заряжали, в три очереди, почти не делая пауз между залпами, производя катастрофические опустошения среди кнехтов и ополчения междуреченцев. Несколько больших групп ожесточенно рубились друг с другом по всему полю, между ними сражались одиночки и малые группы. Несколько конных копьеносцев прорвались к обозу корнелитов, но были встречены толпой женщин-корнелиток, которые, вооруженные чем попало, с диким визгом бросились на конников и под изумленные выкрики со стен, улюлюканье и свист защитников Кальтенштайна, обратили их в бегство, а тех, кто не успел сбежать, растерзали с еще большим остервенением, нежели их соратники-мужчины.

– Это не бабы, а фурии адовы какие-то! – Озвучил общую мысль Фридрих.

– Сектантки. – Вздохнул Унылый Ганс.

– Ваше высочество! – Донесся с поля чей-то вопль. – На помощь! Ваших вассалов убивают!!!

– Ага. Сейчас. – Фыркнул Гарет. – Черта с два вас убивают. – Он видел, как Бергстрем и его рыцари, перегруппировавшись, разворачиваются по склону холма, сообразив, в чем сила корнелитов, и в чем их слабость. Увлечшись, те теперь оказались между своими арбалетчиками и междуреченскими рыцарями, и арбалетчики корнелитов не могли пока стрелять; зато междуреченские лучники с холма обстреливали пехотинцев с крючьями. Андерс, верхом на роскошном вороном фризе, сам вел рыцарей, набирающих смертоносный разбег. Рыцаря на тяжелом боевом коне, облаченных в боевую броню, остановить на полном скаку было почти невозможно, это были живые танки, способные смести все на своем пути. Так что корнелиты, – Гарет видел это теперь совершенно четко, – были обречены.

Ястреб закричал, пролетая низко над башнями Кальтенштайна. Гарет, взглянув вверх, успел увидеть золотое оперение и изнанку широкого крыла. Со стороны Зеркального и Каяны стремительно надвигалась грозовая туча, превращая день в сумерки и угрожающе погромыхи-

вая чернильным нутром. "Младший!" – Внезапно сказал себе Гарет. Что брат здесь, он понял еще до того, как тот появился на склоне северо-восточного холма, под надвигающейся грозой, верхом на Пепле, рысью сбегаящем по пологому склону. За ним скакал знаменосец с его знаменем, трепещущем на усиливающемся свежем ветру: графская корона, орел, полумесяц и меч. А за ним...

– Ваш брат, ваше высочество, – невозмутимо констатировал Кальтенштайн, – несомненно, умеет преподносить сюрпризы.

Люди Гейне и английские лучники, так уж вышло, появились на опушке южной рощи одновременно с Гэбриэлом, который появился с северо-востока. Острый глаз эльфа, который привел их, проведя тропами Зеленого Леса и укромными тропинками, скрытыми от любопытных глаз, разглядел гербы на стене и знамя Гэбриэла Хлоринга, и указал бойцам, где друзья, где враги. Гейне, бывалый наемник, мгновенно оценил обстановку; понимая, что теперь, когда появилась подмога, герцог выйдет из крепости, он приказал своим людям и англичанам ждать этого момента, а потом прикрыть и поддержать герцога.

Задача Гэбриэла и его людей была предельно проста: врагами были ВСЕ на поле, и бить следовало всех. Слева и справа слышались команды на русском языке, которые выкрикивали Ратмир, воевода Дмитрий и Олекша, сам Гэбриэл вел сотню, которую дал ему Ри. Думал ли он еще полгода назад, когда хвастал голодной беременной девчонке своим успехом, что такое успех на самом деле?! Ливень, как всегда в эту пору года, упал стеной, словно окатил из ведра. Завеса воды снизила видимость, мешая арбалетчикам корнелитов и лучникам междуреченцев, но несколько не мешая эльфийским лучникам Ри и Дэна, которые носились по полю, на скаку посылая стрелы точно в цель. Гэбриэл увидел всадника на вороном фризе, с вепрем в гербе, и забыл все на свете. Он думал, что это Антон Бергстрем, его враг, один из тех, кто терзал его, один из самых гнусных из них. Возможность убить еще одного врага вскружила голову, Гэбриэл закричал:

– Бергстрем!!! – Так, что переорал шум боя и грозы. Рыцарь в белой миланезе, – полном миланском доспехе, стоившем больше, чем целый город со всеми жителями, – с окровавленным мечом-бастардом в руке, развернул храпящего вороного, чистокровного фризского жеребца, который стоил больше миланезы. Конь двигался с тяжелой грацией, сверкая белками глаз и раздувая жаркие ноздри. Дождь хлестал нещадно, сверкали молнии, озаряя кипящую на равнине битву. Защитники крепости, не сдержавшись, вышли за стену, и теперь рубились среди фургонов с арбалетчиками корнелитов; их поддержали тяжелые конники Гейне и английские лучники, которым почти не мешала гроза, благодаря и искусству, и выбранной не спеша под покровом грозы позиции. Основная масса корнелитов и междуреченцев, спохватившись, ухитрилась каким-то образом объединиться и теперь пыталась организовать контратаку. Гэбриэл этого не видел. Для него мир сжался до небольшого пятачка залитой кровью и ливнем земли, по которому на него, набирая разбег, мчался вороной конь с закованным в белые латы всадником. Вода текла по лицу, заставляя Гэбриэла досадливо морщиться. Пеший, в черной бригантине, которую ему подарил Ворон, без щита и шлема, он ждал своего противника, уверенный в своей ярости. Ему не нужны ни доспехи, ни оружие, чтобы убить их – всех. Достаточно слепящей ненависти и уверенности в своем праве на месть.

Набравшего скорость рыцарского коня, конечно, остановить не могло ничто, но Гэбриэл и не собирался его останавливать. Легко увернувшись от оружия замахнувшегося противника, Гэбриэл изо всех сил толкнул коня в бок, и тот, поскользнувшись, с диким визгом рухнул, увлекаемый инерцией по мокрой траве. Вскочил, стряхивая с себя седло и всадника, и, брыкаясь, бросился прочь, а Гэбриэл подошел к упавшему противнику. Тот елозил в грязи, матерясь, не в состоянии сам подняться. Заорал на Гэбриэла:

– Пошел вон, щенок! Не смей ко мне прикасаться, понял?! за мной все Междуречье, тронешь меня, и ты труп, понял, ты труп!!!

– Плевать. – Хрипло сказал Гэбриэл и с силой пнул его в забрало шлема, вызвав вопль ярости и страха.

– У тебя нет чести, щенок! – Гнусаво заорал Бергстрем сквозь погнутое забрало. – Упавшего легко пинать, сука!!! Дай подняться, и я тебя...

– Связанного пацана труднее резать и калечить? – Прошипел Гэбриэл, и снова пнул противника в голову. – Или в этом чести больше?!

– Какого па... – Андерс захлебнулся, получив новый удар, а Гэбриэл, вскочив ему на грудь, ногой припечатал его голову, вдавливая железо в череп. Порывы штормового ветра трепали и мотали все, что могло двигаться, швыряли воду гигантскими пригоршнями, но на востоке небо уже светлело, обещая очень скорый конец грозы. Светлело на глазах, ветер стихал. По равнине одни русские всадники гоняли немногих уцелевших бойцов, другие сопровождали пленных, сгоняя в одну кучу и корнелитов, и латников, и междуреченских пехотинцев. Но Гэбриэл вновь заметил это лишь краем глаза, выпрямляясь и утирая воду с лица. По телу разливалось физически ощутимое блаженство, облегчение и тихая радость: к нему шел брат, в забрызганных чужой кровью доспехах, с неизменной перчаткой в левой руке, с зеркальным отражением всех его чувств на лице. Произнес, подходя:

– Merde, Младший, ну, и сюрприз!.. – Обнял его, выдохнув остатки напряжения и тревоги.

– Я старался. – Скромно ответил Гэбриэл, и Гарет рассмеялся, отстраняясь:

– Да уж! Дурилка бешеная! Неужели в Валену сгонял?! Для бешеной собаки сто миль не крюк... – Он посмотрел на тело у ног.

– А по забралу кто его кувалдой долбанул?

– Не кувалдой, а ногой. – Поправил Гэбриэл справедливости ради.

– М-да... А хотел стать герцогом. И ведь почти стал! Без церемоний ты его. Папаше придется так в шлеме сынка и похоронить.

– Сынка?! – Вздогнул Гэбриэл.

– Да, сынка. Это не Антон, это Андерс – видишь, титульный воротник в гербе? И у папаши еще раковины есть, в предках тамплиеры были. И так ссучился род, да и загнул на хер – у Антона больше сыновей и внуков мужского пола нет.

Гэбриэл даже ссутулился от разочарования и недовольства собой, но Гарет похлопал его по плечу:

– так даже лучше получилось. Убить, это что? Сдох, и все дела. А так он еще помучается, сука, зубами будет клецать и волосенки себе с причинного места драть... Оба-на! Кого это я имею честь, охреневая, лицезреть?! Марк Эльдебринк, да еще и знаменосец графа Валенского!

Марк, подъехавший к ним со знаменем Гэбриэла в одной руке и поводьями Пепла в другой, склонил учтиво голову. К ним подвели фризского жеребца, все еще фыркающего и храпящего.

– Хочешь себе? – Спросил Гэбриэл у брата.

– Хочу. – Тут же ответил тот. – Рыцарь Кальтенштайн заслужил хороший подарок... Для начала.

Туча отошла к Фьяллари, доносившееся оттуда ворчание стало мирным, добродушным. Братья, сопровождаемые оруженосцами, знаменосцем и рыцарями, подъехали к группе пленных. Корнелиты сбились в отдельную общую группу, междуреченские рыцари и их оруженосцы стояли отдельно от простых кнехтов. Гарет придержал коня подле корнелитов.

– Ого! – Усмехнулся ядовито. – Ангел, собственной потрепанной персоной! Как шустро нашивки-то спорол с вамса! Только я полукровка, и вижу дальше людей. И острее. Я на тебя

столько дней любовался, что ни с кем не спутаю. Как ты там кричал нам? Что мы с братом кто?.. Теперь ответишь за каждое слово свое, гнида.

– Что ж делать, отвечу. – Ангел сплюнул. – Жаль, кожу с тебя содрать не успел. Я б из нее флаг себе сделал.

– Хорошая идея. – Хмыкнул Гарет. – Флаг-не флаг, а среди трофеев Хефлинуэлла место твоей шкурке найдется. Растянут в рамке, с биркой. Где-нибудь между кабаном и козлом.

Ангел побледнел от бессильной ненависти, встретил взгляд Гэбриэла, прохрипел злобно:

– Хороший конь у тебя, Хлоринг. Молись на него.

– Это вы херово бегаετε. – Отмахнулся Гэбриэл и тронул поводья, следуя за братом. Многие провожали его мрачными, ненавидящими взглядами, именно его справедливо считая виновником разгрома и плена. Эх, если бы удалось его тогда остановить, и кишки выпустить! Но что получилось, то уж получилось.

В отличие от корнелитов, понимавших, что пощады не будет, междуреченские кнехты особенно не беспокоились. Тех, кто шел биться из идейных соображений, за новое герцогство и против Хлорингов, среди них почти не было. Почти все они готовы были хоть сейчас присягнуть Хлорингам и встать под их знамена – так обычно и происходило в рыцарских междоусобных войнах. Поэтому они провожали братьев взглядами скорее любопытными: близнецы, а разные. Разные волосы, броня, повадка. Герцог живой, насмешливый, брат его – мрачный, серьезный. Вначале показалось – и более опасный... Но последующие события показали, что герцог Элодисский и сам по себе не подарок. Именно после событий близ Кальтенштайна он навсегда получил прозвище Красный Жнец. И не смотря на улыбочное лицо, уповать на его милосердие еще бессмысленнее, чем на жалость графа Валенского.

– О'Келли, Хьюитты, Рорки... – Гарет, с высоты своего роста и роста своего коня разглядывал потрепанных боем, хмурых рыцарей. – Не вижу фон Берга и Венгерта... Но и так улов неплохой. О, имена, о, люди!

– Мы не понимаем, что произошло, герцог. – Гордо произнес граф Анвилский, Эдуард Морганн, Бергстрем по матери, дальний родственник Эльдебринков, самый родовитый из пленных. – Мы узнали о вашей беде, шли на помощь...

– И объединились с корнелитами, едва появился граф Валенский. – Насмешливо перебил его Гарет, а Гэбриэл добавил:

– Хватит врать, как там тебя. Вы собрали малый тинг в Лавбурге, где порешили взять нас с братом в заложники и торговаться с королевой насчет собственного герцогства в Междуречье. Думаешь, мы об этом не знаем?

– А это измена, Морганн. – Холодно добавил Гарет. – Измена, как она есть. Ты клятвопреступник и бунтовщик, как и все, здесь присутствующие. Что скажешь в свое оправдание?

– Мы не собирались вас убивать. – Хмуро произнес Эдуард. – Мы всего лишь хотели прекратить царящий в Междуречье бардак. Сколько можно было смотреть на зверства корнелитов и ждать вашего вмешательства?!

– Столько, сколько нужно. – Сурово произнес Гарет. – Убивать нас вы, может, и не собирались, но наша гибель от рук корнелитов была более чем вероятна, а, Морганн? Ну, а я собираюсь. Измена карается смертью, и вы это отлично знаете. Ваши земли конфискуются нами, ваши жены и дети отправятся в монастыри пожизненно. Приговор окончательный и отмене не подлежит, помилования не будет. Казнь свершится здесь и сейчас.

Рыцари, ожидавшие чего угодно, но не этого, встрепенулись, зароптали, раздались возгласы:

– Ваше высочество! Милорд! Ваше... как же так?! Милорд!!! – Но Гарет, не оборачиваясь, развернул коня и, дав знак Адаму, поскакал в сторону Кальтенштайна.

В этот день на поле перед крепостью Кальтенштайн были казнены восемьдесят рыцарей и сто два оруженосца, а так же около тысячи корнелитов и корнелиток, и поле это впослед-

ствии окрестили Красным. Казнили пленных немецкие наемники герцога; титулованным особам самолично рубили головы Адам и Гейне, для корнелитов соорудили наспех виселицы из того леса, что шел на осадные машины – это приказал сделать с мстительным удовольствием сам Гарет, – для тех, кому не хватило деревьев в ближайшей роще. Гарет и Гэбриэл наблюдали за казнью двенадцати самых знатных рыцарей, после чего развернули коней и поехали в крепость, откуда уже тянулась вереница крестьянских телег – собирать трупы, трофеи и раненых. Крепость готова была принять раненых, и монахи-францисканцы уже ушли на поле, отыскивать тех, кто еще дышит, и отпевать покойников с обеих сторон. В конюшни Кальтенштайна вели коней, каких эта крепость не видала и в лучшие времена – по крайней мере, в таких количествах.

– Сэр Йоганн! – Окликнул его Гарет. Тот стоял посреди двора, оценивая обстановку и отдавая распоряжения, но на голос герцога откликнулся сразу. Подошел, кланяясь Гэбриэлу:

– Граф!

– Пора тебе пересесть на другого коня, рыцарь Кальтенштайн. – Весело сказал Гарет. Рыцарь с нежностью поглядел на своего конягу:

– Это не конь, это мой старый боевой товарищ.

– Так пусть теперь отдыхает в холе и покое. – Усмехнулся Гарет без тени насмешки. – Ест отборный овес и люцерну, резвится на лугу среди хорошеньких кобылок. Прими мой первый подарок! Не взамен, но на пару к твоему другу.

Рыцарь Кальтенштайн сглотнул, рука дрогнула: такого коня, которого сейчас подвели к нему, он мог разве что погладить при случае... И то не факт. Конь нервничал, атласная шкура была в грязи и крови, но стать, порода и цена были видны невооруженным глазом. Коней лучше в данный момент во дворе крепости просто не было, фриз не уступал даже олджернонам Хлорингов и эльфийцам сотни Дэна Мелла. Он был ниже, чем олджерноны, и ниже, чем длинноногие кони руссов, но мощь и грация соединялись в нем с необыкновенно гармоничными пропорциями и роскошными мастью и гривой с хвостом. Ганс Кальтенштайн любил своего старого коня, но отказаться от этого красавца было выше его сил. Рыцарь был из той редкой породы людей, кто искренен в чувствах и поступках, руководствуется в жизни своими понятиями о чести и достоинстве, и совершенно не честолюбив и не завистлив. Ему и в голову не приходило, что теперь он может ожидать от герцога, которого, что ни говори, спас в самый безнадежный момент, рискуя своей жизнью и жизнью всех своих подданных и собственных дочерей, какого-то вознаграждения. Подарок в виде роскошного коня его тронул чуть ли не до слез и преисполнил благодарности, прямо скажем, непропорциональной ни заслуге, ни дару за нее, но искренней и честной.

– Будем пировать! – Воскликнул Гарет. – Матиас! Отправляйтесь в Торхвилл, бегом, туда-обратно, за провизией и пойлом! Не будем же мы у местных крестьян последнюю скотину сжирать!

Гэбриэл пошел к своему коню, которого окружили руссы и немцы, разглядывая и восхищаясь, и мельком заметил, что Кину у дальней стены, под навесом, разговаривает с каким-то другим эльфом, похожим на него, на первый взгляд, как две капли воды. Конечно, для людей все эльфы были одинаковы, да и полукровки различались лишь цветом глаз и волос, но Гэбриэл-то подобной предвзятостью не страдал... Приглядевшись, он понял, что они все-таки разные: у незнакомого эльфа были шире расставлены глаза очень светлого, орехового цвета, тогда как у Кину глаза были яркие, янтарные, как у рыжего кота. Но похожи они были так, что Гэбриэл и без подсказки брата сообразил, что видит одного из своих дядек – Гикори, или Тиса.

– Гикори Ол Таэр, брат вашей матери, Лары Ол Таэр. – Сказал эльф приятным голосом с небольшим акцентом, когда Гэбриэл подошел к ним. – Счастлив видеть тебя, Сетанта. Я выехал, чтобы встретиться с вами, еще до того, как узнал о ваших неприятностях. Ри постоянно держит нас в курсе. Мы, несомненно, поможем: наши личные воины, мои триста лучников и

Золотая Ала Тиса, стоят у Каяны со вчерашнего дня. Но мы понимаем, сколько ненужного вам шума вызовет даже такое эльфийское вмешательство, которое не противоречит Священному Миру, и потому медлили, видя, что вы справляетесь сами. Я лишь помог подмоге подойти короткой дорогой через Зеленый Лес... Рад, что вовремя.

– Угу. – Кивнул Гэбриэл. Лично ему дядька понравился: простой такой, как для эльфа, искренний. Но он помнил, как к дядькам относится брат, и помнил, почему. Немного узнав возможности Кину, Гэбриэл верил, что дядьки, если б захотели, в самом деле могли через сны брата найти его на ферме. Все было бы тогда иначе. Он вернулся бы домой, не изувеченный физически и морально. Отец узнал бы о фермах и о Красной Скале, и уничтожил бы их в зародыше, с Драйвером заодно. Сколько душ было бы спасено при этом! От этой мысли стало так тошно, что Гэбриэл стиснул зубы и отнял руку, которую машинально протянул было для рукопожатия. Эльф чуть дрогнул, недоуменно нахмурился.

– Нам не привыкать без вас обходиться. – Сухо произнес Гэбриэл. – Незачем было волноваться. Ножки эльфийские мочить, ручки пачкать. Мы уж сами как-нибудь.

Недоумение исчезло – Гикори понял. Произнес спокойно:

– Мы сожалеем, если ошибались, но мы были уверены, что найти тебя нельзя, и что мы сделали все, что могли. И сейчас уверены, что это было так.

– Брат думает иначе.

– Мы знаем. И сожалеем. Дайте нам шанс, если мы не правы, понять это и заслужить прощение.

– Кого я вижу! – Гарет, освободившись, поспешил к ним. – Дядюшка Гикори, сам, своей собственной величественной персоной! А что без дядюшки Тиса? Не по Сеньке шапка? Много чести? Ты и без него рассчитываешь узнать все, что вам надо?

– Я понимаю, – так же невозмутимо произнес Гикори, хоть глаза чуть сузились и лицо потемнело, – что тобою движут давние обида и горе. Потому не сержусь.

– Обида?! Не-ет, merde, вы меня не обидели. Вы меня унизили, плюнули и растерли! Отшвырнули прочь, когда были нужны, даже слушать не стали то, что я пытался вам рассказать: что вижу брата, связан с ним, и могу показать вам место, где он сейчас находится. Вы знаете Остров, как никто, вы без проблем нашли бы его! Но зачем вам это?! Вы же до сих пор нас ненавидите за то, что мама нас родила.

– Это не так...

– Это так! Так вот: идите к черту вместе с ненавистью со своей. Вы не нужны ни мне, ни брату, ни моей племяшке. И да: мы знаем, кто и как убил маму. Ты же за этим приехал на самом деле? Так вот, передай Тису, который даже ради этого с нами увидиться не захотел: что мы справимся без вас. Мы отомстим за маму, и воспитаем маленькую луа Айвэн. А главное, – голос Гарета от злорадства стал ниже, – я запрещаю вам соваться в мое герцогство. Если мои подданные, или вассалы моего брата, сунутся на эльфийскую территорию и что-то там напакосят, я сам с ними разберусь, как требует Священный Мир, либо выдам вам на расправу, но нарушить наши границы не позволю. Я знаю, чего на самом деле вы хотите. Но пока живы мы с братом и наши наследники, у вас это не выгорит! Так Тису и передай!

– И он прав. – Закончил Гикори, вернувшись к брату. – Мы в безвыходном положении, брат. Эльфы не позволят нам пойти против сыновей и внуков Лары. Мы не в силах это преодолеть.

Повисла тишина. Тис прошелся по шатру, скрестив руки на груди и низко нагнув голову. Спросил вдруг, не поворачиваясь, совсем не то, что ожидал услышать Гикори:

– Как они ее назвали? Айвэн?

– Да. ОН дал мне увидеть ее... Она в самом деле вылитая Лара. Она даже магию использует так же и такую же, как это делала сестра.

– Ты говорил с НИМ?

– Немного. – Гикори чуть смутился. – Ты же знаешь, я всегда любил его и восхищался им. И не смотря ни на что кое-что от той любви и того восхищения... осталось. Я поговорил с ним. Спросил про девочку. ОН показал мне ее. Хочешь ее увидеть?

Тис молчал очень долго. Лицо его было мрачно-грустным. Потом, вновь удивив брата, кивнул:

– Да.

Гикори мимолетно коснулся его руки, посылая ему образ Вэнни, играющей в саду с рыжим котом.

– Как думаешь, – спросил Тис после новой долгой, очень долгой паузы, – они позволят нам забрать ее в Лисс?

И каким бы неожиданным для Гикори ни был этот вопрос, ответ слетел с губ мгновенно:

– Нет. Никогда.

– Может, зря ты с ним так? – Спросил Гэбриэл, провожая Гикори глазами.

– А ты догони, извинись. – Огрызнулся Гарет. – Поклонись в ножки, скажи: "Прости, дорогой дядюшка, что обидели твое гадищенство. Вы ни в чем не виноваты, это мне, дураку, надо было думать, когда рождался у нашей мамы". Они нас и отца никогда не перестанут ненавидеть, свиноты надменные.

Гэбриэл заметил въезжающий в ворота фургон Саввишны, положил руку брату на плечо:

– Забудь. У меня тут для тебя сюрприз небольшой... Думаю, ты будешь рад.

– Ты меня пугаешь, Младший! – В дурашливом ужасе отшатнулся от него Гарет. – Не знаю, что, после всего, что ты уже сделал, по-твоему значит "небольшой сюрприз", но мне уже страшно!

– Ну... Он в буквальном смысле небольшой. Маленький такой. Я сейчас. – Он нырнул в фургон, потом появился вновь и принял отсюда на руки девочку... нет, хрупкую девушку в темном платье, которая, поставленная на ноги перед Гаретом, потупилась и покраснела.

– Ингрид. – Произнес Гарет. Слов нет, мысли о смерти этой бабочки-поденки его мучили несказанно. И жила хреново, и умерла кошмарно, да еще по его вине. Но в то же время он чувствовал нечестивое облегчение: не придется заморачиваться с официальной содержанкой. Ну, не лежит у него к этому душа! Поэтому в ее имени, произнесенном Гаретом, прозвучали одновременно облегчение и обреченность. Он был искренне рад, что она не погибла, просто камень с души свалился. Но теперь ее вообще не бросишь, она совсем одна, из-за того, что он в недобрый момент решил перебежать дорожку Фридриху... "Вот это и называется ответственность!" – уныло напомнил он себе и обнял Ингрид, которая тут же начала всхлипывать.

– Не плачь. – Сказал он, вздохнув и прощаясь с беззаботной жизнью свободного повесы. – Тебе не о чем беспокоиться, малышка, я тебя не оставлю. Заберу тебя в Гранствилл, куплю дом... Ты ни с чем не останешься.

– Спасибо! – Ингрид расплакалась сильнее, прижимаясь к нему. – Спасибо... спасибо! Я совсем одна... Мне так страшно!..

– Все, ты больше не одна, и бояться тебе нечего. – Смягчился Гарет, почувствовав желание и подумав не без приятности, что зато у него теперь есть любовница, которая будет под рукой в любой момент этой войны. Тоже, между прочим, ничего себе. Одеть только ее надо. Страх и ужас, а не платье!

– Говоришь, выросла лилия? – Марк весело усмехался, откровенно потешаясь над Котом. Они сидели в любимом кабаке у Южных ворот, на Брыльской дороге, и Кот, заказавший миску гусиных потрохов и пинту пива, с круглыми от волнения глазами рассказывал Марку о Гранствиллском Чуде. – Прямо на глазах, а?!

– Да хоть кого спроси! – Горячился Кот. – Прямо на глазах взяла и выросла! Я же там сам был! Весь город вслед за его высочеством на колени бухнулся!

– И ты бухнулся? – Продолжал потешаться Марк. Кот смутился:

– Ну, да. А че? Принц это, а я че?

– Девка-то хоть симпатичная? Из-за которой буча вся?

– Ага. – Разбитная трактирная девка принесла ему большую тарелку потрохов, стукнула о стол большой кружкой с пивом, и Кот жадно набросился на еду, продолжая говорить с набитым ртом. – Тощенькая, но ниче такая, смазливая с рожи шибко, и такая, знаешь... Ну, для тех, кто от малолеток невинных тащится.

– Жаль, что ее в тюрюгу не заперли. – Посетовал Марк. – Я б ее оттуда выкупил, толпе бы сказали, что померла... И все довольны. В свите принца, говоришь, уехала?

– Ага. И хлыщ этот, армигер графский, из-за которого вся буча.

– Ну, а насчет цветка-то брехня, а? ну, признайся!

– Да ничего не брехня! – Взорвался Кот, изо рта вывалились кусочки мяса, он торопливо зачихал их обратно. – Говорю: сам видел! Офигел аж!

– Цветы сами собой за секунду не вырастают. – Ухмыльнулся Марк, отхлебнул темного холодного пива, и вдруг ухмылка стерлась с его лица, он завис, на какое-то время выпав из реальности. Кот, хихикая и продолжая трудиться над потрохами и пивом, рассказывал, как разочарованы были благочестивые горожанки, но Марк вдруг перебил его на полуслове, спросив невпопад:

– А помнишь, как пацанву, которая кота мучила, осы покусали?

– А?.. Ага! – Хохотнул Кот. – Ох, и орал они тогда, ох, и драпали!

– Тогда мимо еще графиня Июсская со свитой проезжала...

– Да?.. Не помню. – Кот сыто рыгнул, вытер рукавом жирные рот и подбородок, собрал со стола то, что уронил из тарелки. Потянул к себе кружку с пивом. – А че?

– Ниче... – Марк встал.

– Ты куда?

– Отлить. – Марк выскочил на задний двор, распугав копошившихся там кур и цыплят, плеснул в лицо из бочки с дождевой водой. Да ну, нафиг! Не может быть! Не может такого быть!!! Но все же сходится, все! Ее внешность. Осы. Нереальное цветение в округе, даже комаров и гусениц нет! И наконец, лилия... Надо сходить, посмотреть на эту лилию, хотя и так ясно, Кот такого просто не выдумает, мозги не те. Но если это правда...

– Ох, че-о-орт... – Марк ослабил ворот, провел мокрой пятерней по лицу. Думай, Хант, думай! Эти сведения стоят целое состояние. И существо, которое прикидывается графиней Июсской, тоже стоит состояние... черт, да больше, чем любое состояние!

– Думай, думай! – Он постучал себя кулаком по лбу. Как срубить бабло наверняка? Ведьме все сказать за бабки? А если она, узнав от него все, что нужно, его просто заколдует, как в тот раз, и сама заберет себе девку, а он сдохнет ни за что?.. Пригрозить его высочеству, что если он не заплатит, о лавви станет известно всем, и пусть тогда охраняют свое сокровище, если смогут?.. Продать сведения врагам Хлорингов? далвеганцу, например?

– Ох, черт! – Повторил он. А может, похитить лавви самому и там уже решить, как распорядиться таким призом?..

– Думай, думай! – Почти просяще пригрозил он себе. Ясно одно: на него свалилась нежданная, гигантская, прямо-таки космическая удача. И от того, как он распорядится тем, что знает, зависит его дальнейшая жизнь. Или смерть.

Хозяин Лосинога Угла явился с рассказом о том, что город и особенно окрестности осаждают какие-то неведомые твари, которые убивают людей и скот. Округа охвачена ужасом, стражники и кнехты графа ничего сделать не могут. Что делать?

– Все просто. – Сказала Барр, стоя позади Драйвера, который сам ничего не понял. – Я могу вас избавить от этих тварей, но за это придется платить. По пять дукатов с рыцарей, по дукату с цеховых мастеров, по десять талеров с лавочников и корчмарей, и по талеру с дыма.

– Помилуйте, барон! – Изумился граф, обращаясь к Драйверу, – откуда такие деньги?! И за что?! Ведь год неурожайный, бедствия одно за другим, люди последний кусок доедают...

– Жить захотят – найдут деньги. – Равнодушно ответила Барр. Граф по-прежнему избегал смотреть на нее, обращаясь к Драйверу, который ерзал в своем кресле, стоявшем в приемной, пусть и не такой огромной и роскошной, как приемная принца Элодисского, но тоже достойной – кучу золота в свое время в нее вбухал! В целом повторив обстановку и стиль приемной в Золотой Башне.

– Из камня крови не выжать. – Сказал решительно граф. – Что-то мы, конечно, выделить сможем, но эти суммы – это же... смешно!

– Смотри, не умри от смеха, Этельберт. – Сказала Барр, глядя на него в упор, так, что ему пришлось перевести на нее взгляд, и поежиться. – У тебя есть время, подумай. Послушай, о чем говорят людишки в корчмах... Поинтересуйся, что там, с Майским Деревом? И после этого вернись, и мы обсудим суммы. А уж смеясь, или нет, это вопрос десятый.

– Хм... – Значительно кашлянул Драйвер. – Согласен. Это и есть мой вердикт, граф. Подумай, и вернись с окончательным ответом...

И, как только тот ушел, со злости громче обычного гремя шпорами, повернулся к Барр:

– Сандра, объяснись, что ты имеешь в виду?

– Только то, дорогой, – промурлыкала она своим как бы утомленным голосом, звучавшим почти нежно, когда она обращалась к нему, – что время нищеты кончилось. И пришло время собирать камни, время процветания и реванша. Только и всего. Доверься мне. Разве я когда-нибудь тебя подводила?

Драйвер подумал мельком про оставленного по ее требованию в живых Гора, но не напомнил. Суммы, озвученные ведьмой, прозвучали до того заманчиво, что он воспринял духом и встрепенулся, предпочтя думать о том, как они заживут, если все сработает. Что именно "все", Драйвер решил не думать. Не его это дело. Ведьме лучше знать.

Фон Берг, Венгерт и пара десятков конных кнехтов гнали лошадей вдоль русла мелкой каменистой речушки, текущей в неширокой лощине, мало, кому известной из-за своей укромности. Этой лощиной пользовались в основном пастухи и охотники, да те, кому не хотелось лишний раз мозолить глаза путникам на главных дорогах. Дожди превращали тропу вдоль речушки в болото, и пока этого не произошло, беглецы торопили шпорами, плетями и матюгами храпящих коней, пока шум яростной битвы не стих, и они не оказались надежно укрыты от любой погони расстоянием и кустами. Только тогда Венгерт придержал покрытого потом коня и обратился к Фон Бергу:

– Эй, Герб! Куда мы?

Они оба видели, как погиб их друг Андерс, и пребывали в шоке.

– В Дракенфельд. – Сказал Герберт фон Берг. – У меня семья там.

– Думаешь, отобьешься, или отсидишься?

– Соберу все, что можно, и рвану в Далвеган. Сулстады меня Хлорингам не выдадут, враги моих врагов...

– Не успеешь. – Отрезал Венгерт.

– А что ты предлагаешь?

– В Блэкван, к Элоизе. Она не выдаст. А Хлоринги к ней не пойдут, не сейчас... И к тому же, она графа, вроде как, спасла.

– И всю жизнь у нее отсиживаться?!

– Почему всю жизнь?.. Переждем, пока Хлоринги и их прихвостни лютуют, и свалим в твой Далвеган. На службу к Сулстадам.

– У меня семья! – Повысил голос фон Берг. Надо же! Еще сегодня утром он был лучшим другом почти что герцога и потенциального короля, владельцем богатого междуреченского города и окрестных сел и угодий, и вот – он беглец, которого если еще не объявили мятежником, то вот-вот объявят, и тогда ему хана. Он пока что никак не мог сообразить, откуда взялись эльфы и англичане, а главное – руссы, да еще в таком количестве, и почему граф Валенский, который должен был находиться в крепости, оказался снаружи?.. Да и не важно сейчас это было. Важно было то, что дом, в который он стремился сейчас всем существом своим, и в самом деле мог стать для него смертельной ловушкой. Но там оставались жена Миранда, которой он чаще всего просто пренебрегал, дочери Ники и Анни, сын, наследник, гордость и надежда, десятилетний Андерс, крестник покойного друга, а главное – старики-родители, да и теща тоже... Все они, если его объявят мятежником, отправятся навеки в монастыри на Севере, где людей-то в окрестностях нет, одни волки и медведи. А его любимый город станет добычей Хлорингов и будет ими пожалован какому-нибудь схизматику, который даже нордского языка не знает!

Остатки совести, мужества, сыновних и родительских чувств гнали его в Дракенфельд. Попытаться успеть собрать все самое ценное, что можно унести, собрать семью, погрузиться на какой-никакой корабль, идущий по Лав вниз, к Фьяллару, и скрыться в Далвегане. Спасти родителей от горя и позора, а детей – от вечного заточения, – вот, что он обязан был попытаться сделать. И внутренне именно к этому фон Берг и склонялся, но, как всегда, стоило последнему оставшемуся в живых другу надавить, напирая на то, что уже слишком поздно, опасно, да и бессмысленно, и фон Берг сдунся, поворотив коня в направлении Блэксвана и своей судьбы. Черпая при этом какие-то странные крохи утешения в мыслях о том, что ему следовало сделать, прежде чем отправляться с Андерсом на Кальтенштайн: отправить семью к сестре тещи в Нью-Нэш, собрать и отправить вместе с ними фамильные ценности и дорогие вещи...

Выбрав самую укромную и малоизвестную тропу, Венгерт и фон Берг не ожидали столкнуться на ней с теми, кто так же хотел бы избежать ненужного внимания. Друзья ехали молча, рысью, и так же молча им наперерез выехала другая группа всадников, поменьше. Пара мгновений обоюдного замешательства – и фон Берг узнал Птиц, а главное – проклятую Сову. А она узнала их с Вегертом.

Имея за спиной два десятка бойцов, фон Берг не колебался ни секунды. Хоть мелкую, но он сегодня победу одержит, хоть такой, но реванш возьмет! Ради мертвых друзей, Иеремии и Андерса, да и Элоизе будет приятно, если он явится с головами убийц ее племянника! Все это пронеслось в его голове за доли секунды, а в следующую он уже орал:

– Взять их! – Обнажая меч и бросаясь в бой.

Их было намного больше, чем Птиц – тех было всего девять. Но побежденные есть побежденные. Не успела Конфетка, действуя по-эльфийски молниеносно, тремя стрелами снять трех всадников, а Ворон и его полукровки – издать свой фирменный пронзительный вопль и поднять на дыбы коней, как кнехты бросились наутек во главе с Венгертом, а фон Берг обнаружил себя в гордом одиночестве погоняющим усталого коня на превосходящих числом ровно в девять раз противников.

Нужно отдать ему должное: осознав, что друг предал, кнехты бежали, а он сейчас умрет, Герберт фон Берг не остановился, не попытался удрать, а с яростью обреченного устремился к Сове: хоть одно доброе дело сделать перед смертью, убить поганую суку! Порадовать души друзей! Но Конфетка пустила стрелу прямо в центр лошадиного лба, и конь под фон Бергом рухнул, как подкошенный, не успев даже взвизгнуть.

– Он мой! – Крикнула Сова, спешиваясь. Ворон подхватил под уздцы ее горячую, как порох, или ее хозяйка, кобылу, остальные Птицы, свистя и подначивая, закружились вокруг,

горяча тонконогих лошадей. Сова обнажила тонкие эльфийские сабли, закрутила их, искусно и эффектно фланкируя. Фон Берг поднялся из грязи, сплюнул. В последний раз он видел Сову зареванной девчонкой с длинными растрепанными косами и в драном платье; сейчас, увидев ее стриженной, в кожаной броне, с саблями в руках, он поразился ее сходству с Элоизой Сван. Те же сумасшедшие широко расставленные глаза, те же рот, скулы, мускулистая мальчишеская фигура и длиннющие ноги... Эльфийская грация делала ее более женственной и соблазнительной даже в мужской одежде, но сходство было таким разительным и недвусмысленным, что фон Берг мгновенно вспомнил сплетни о том, что Элоиза вроде бы в ранней юности родила от какого-то эльфа байстриючку. Ему вдруг стало смешно. Эх, мужики-то не знали!

Он ухмыльнулся широко, выписывая кончиком двуручного меча восьмерки и зигзаги:

– Что, шлюшка, помнишь меня? Помнишь, как попискивала, когда на моем ""е вертелась? Не соскучилась по моему дружку?

– Соскучилась. – И голос у Совы был почти в точности, как у Элоизы! – Я его отрежу, засушу и на поясе носить буду. Хочешь, петушиными перьями украсу? Тебе понравится.

– Языкастая, смотри, стала! – Фон Берг сделал выпад, уверенный, что своими сабельками она его меч никогда не отобьет. Сова тоже это знала, потому ускользнула, быстрая, словно солнечный блик, мигом очутившись у него за спиной – но и он был быстр, стремительно развернулся, угрожая мечом и скалясь от злости и азарта.

– А я много, что языком умею. – Не растерялась Сова. – Только это не для таких, как ты!

– Да ну?!

– Тебе во сне не снилось, что я могу. Только и знаешь, что объедки силой вырывать. Слаще редьки и не жрал ничего.

– Это ты-то сладкая?! – разозлился фон Берг. Снова пошел в атаку, и снова Сова ускользнула, заплясала, усмехаясь.

– Дерись, сука! – Вызверился фон Берг. – Раз полезла в мужское дело, дерись, не "уй кривляться!

– Не умеешь, ""ли сам лезешь?! – Хищно и весело оскалилась Сова, и Птицы выразили свое одобрение свистом и смешками. Понимая, что сучка специально его злит, фон Берг попытался, взяв себя в руки, самому перехватить инициативу, сказал:

– Жаль, мы тебе не заделали девку! Была бы через несколько лет забава добрым людям! Не зря бы сдохла.

– А мне жаль, что я от тебя пашенка не родила. – Тут же откликнулась Сова. – Я б его в бордель сдала, и каждый пидор на этом Острове мог бы сказать, что в жопу фон Берга поимел!

Птицы заржали, фон Берг, побагровев, рявкнул:

– Да ты ж тварь!!! – И бросился на нее. Сова, высоко подпрыгнув, оттолкнулась ногой от ближайшего большого валуна, взлетела в воздух, перекувырнувшись над головой фон Берга, и приземлилась позади. Он начал в запале разворачиваться, не понимая, почему вдруг в воздухе сгустился черный дым, стало темно, а тело стало легким и непослушным, и полетело, полетело куда-то во тьму – навсегда.

Сова, успев полоснуть его острыми, как бритвы, саблями, по ногам и по шее, приземлилась позади упавшего в мокрую траву и принявшегося отчаянно дергаться тела, выпрямилась, обернулась.

– Красиво. – Ворон перевел дух – переживал за свою подружку страшно, да и слова фон Берга в ее адрес бесили несказанно. Сам бы зарубил падлу! – Ты чего хочешь, Сова? – Спросил, увидев, как она встала над телом, широко расставив длиннющие ноги, и достала нож.

– Думаешь, я пошутила про член? – Зыркнула на него красным зрачком Сова.

О Клэр в эти дни говорили все и все почти осуждали, но так, как возмущались Габи и ее дорогая подруга Беатрис, не возмущался, наверное, никто. Чувствуя свою добродетель

оскорбленной присутствием в Хефлинуэлле такой порочной твари, как эта «типа, невеста!», они только что ядом не плевались, словно две королевские кобры, с утра и до вечера, перемывая косточки несчастной девушке с такой ненавистью, что удивительно, как растения не жухли и не чернели близ них. И конечно же, Алисе доставалось при этом не меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.